

ISSN 2225-5346

**СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ**

2017

Том 8

№ 2

Издательство
Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта
2017

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ
АКЦЕНТ
2017
Том 8
№ 2

Калининград :
Изд-во БФУ
им. И. Канта, 2017.
160 с.

Точка зрения авторов
может не совпадать
с мнением учредителя

Редакционная коллегия

Золян Сурен Тигранович, доктор филологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия) — главный редактор; *Черняков Алексей Николаевич*, кандидат филологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия) — ответственный редактор; *Автономова Наталия Сергеевна*, доктор философских наук, Институт философии РАН (Россия); *Азарова Наталия Михайловна*, доктор филологических наук, Институт языкознания РАН (Россия); *Венцлова Томас*, профессор, Йельский университет (США); *Веселинов Димитр*, профессор, Софийский университет им. Святого Климента Охридского (Болгария); *Гамбье Ив*, доктор лингвистики, профессор, Университет Турку (Финляндия); *Данилевский Игорь Николаевич*, доктор исторических наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия); *Заботкина Вера Ивановна*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (Россия); *Ильин Михаил Васильевич*, доктор политических наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия); *Кронгауз Максим Анисимович*, доктор филологических наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия); *Лавров Александр Васильевич*, академик РАН, доктор филологических наук, Институт русской литературы РАН (Россия); *Лотман Михаил*, профессор, Таллинский университет, Тартуский университет (Эстония); *Осадчий Михаил Андреевич*, доктор филологических наук, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина (Россия); *Плунгян Владимир Александрович*, доктор филологических наук, академик РАН, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Россия); *Рассел Джеймс*, профессор, Гарвардский университет (США), Иерусалимский университет (Израиль); *Силантьев Игорь Витальевич*, доктор филологических наук, Институт филологии СО РАН (Россия); *Смирнов Игорь Павлович*, профессор, Констанцский университет (Германия); *Стайнер Питер*, профессор, Университет Пенсильвании (США); *Тульчинский Григорий Львович*, доктор философских наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия); *Цвигун Татьяна Валентиновна*, кандидат филологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия); *Чалый Вадим Александрович*, кандидат философских наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия); *Фидря Ефим Сергеевич*, кандидат социологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия); *Фирсов Сергей Львович*, доктор исторических наук, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	5
-------------------	---

ИСТОРИЯ, ИСТОРИОГРАФИЯ, ФИЛОЛОГИЯ: НА СТЫКЕ НАУК

Гальцов В. И. Размышления о предмете истории калининградского края	7
Маслов В. Н. Образование рабочих поселков в Калининградской области и их переименование в 1946 – 1947 годах	17
Новиков А. С. Фронтовые воспоминания юности в творчестве Ю. Н. Иванова (на примере повести «В осажденном городе»)	30
Малащенко В. В. Экзистенция героя в топосфере Кёнигсберга/Калининграда («Танцы в крематории» Ю. Н. Иванова и «Закат Кёнигсберга» М. Вика).....	41
Кривошеев Ю. В. Крым в жизни и творчестве академика Б. Д. Грекова	50

ИСТОРИОГРАФИЯ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Бондарева Л. М. Историкография и литература: союз или симбиоз?.....	66
Васкиневич А. И. А был ли реализм? К проблеме периодизации западноевропейских литератур.....	76
Регурецкая Е. М. Мифоисторические образы рассказа Б. Шульца «Весна» в контексте мифологизма Ф. Кафки	86
Рябчикова Е. Е. Художественное переосмысление концепции негритюда в романе Ивлиной Во «Сенсация»	95
Коннова М. Н. «Непобедимым многолетье!»: аксиологические смыслы пространственно-временных образов в стихотворении Бориса Пастернака «Неоглядность»	103

ЯЗЫК – ИСТОРИЯ – МЫШЛЕНИЕ

Черненко И. Г. Лингвистическая парадигма в кантоведении	114
Кузенная Т. Ф. Типологические особенности антропонимикона разножанровых памятников древнерусской письменности.....	124
Писарь Н. В. Особенности функционирования лексемы <i>владыка</i> в Остромировом Евангелии 1056 – 1057 годов.....	133
Лукьяненко И. Н. Исторические реалии в контексте обучения русскому языку как иностранному	140

БИБЛИОГРАФИЯ

Валерий Иванович Гальцов: материалы к библиографии.....	151
---	-----

CONTENTS

<i>Preface</i>	5
----------------------	---

HISTORY, HISTORIOGRAPHY, AND PHILOLOGY

<i>Galtsov V. I.</i> Reflections on the history of the Kaliningrad region	7
<i>Maslov V. N.</i> Workers' settlements in the Kaliningrad region and their subsequent renaming in 1946–1947	17
<i>Novikov A. S.</i> Battlefield memories of the youth in Yu. N. Ivanov's oeuvre: The novel <i>In a besieged ci</i>	30
<i>Malashchenko VV.</i> Character's existence in the Königsberg/Kaliningrad toposphere: Yu. N. Ivanov's <i>Dances in the Crematorium</i> and Michael Wieck's <i>The Decline of Königsberg</i>	41
<i>Krivosheev Y. V.</i> Crimea in the legacy of B. D. Grekov, fellow of the Academy of Sciences	50

HISTORIOGRAPHY AND LITERARY STUDIES

<i>Bondareva L. M.</i> Historiography and literature: An alliance or a symbiosis?	66
<i>Vaskinevich A. I.</i> Was there ever realism? On the periodisation of Western European literature	76
<i>Reguretskaya E. M.</i> The mythical-historical images of Bruno Schulz's 'Spring' in the context of Kafka's mythologism	86
<i>Ryabchikova E. E.</i> The literary revision of <i>Négritude</i> in Evelyn Waugh's novel <i>Scoop</i>	95
<i>Konnova M. N.</i> 'Many years to the invincible': The axiological meanings of the spatial and temporal images in Boris Pasternak's poem 'Neoglyadnost'/'Spanlessness'	103

LANGUAGE – HISTORY – THINKING

<i>Chernenok I. G.</i> The linguistic paradigm in Kant studies	114
<i>Kuzennaya T. F.</i> The typological features of the anthroponymicon across different genres of Old Russian literary texts	124
<i>Pisar N. V.</i> The functioning of the <i>vладыка</i> lexeme in the Ostromir Gospels of 1056–1057	133
<i>Lukyanenko I. N.</i> Historical realia in teaching Russian as a foreign language	140

BIBLIOGRAPHY

Valeriy Galtsov: bibliography	151
-------------------------------------	-----

ОТ РЕДАКЦИИ

Второй номер журнала составили материалы конференции, прошедшей в БФУ им. И. Канта в марте 2017 года. Она была приурочена к юбилею калининградского историка, профессора Валерия Ивановича Гальцова. Безусловно, область интересов юбиляра задавала основной тон конференции: это история в ее переплетении с культурой, литературой, языком. Публикуя материалы конференции, редколлегия подчеркивает приверженность заявленной миссии журнала. В большинстве из публикуемых материалов реализованы одновременно несколько приоритетов: это ознакомление с научной жизнью БФУ им. И. Канта, представление результатов, полученных работающими здесь учеными, а также демонстрация возможностей междисциплинарного подхода¹, в особенности к темам, допускающим неоднозначную интерпретацию. Конечно, особое внимание уделено истории и культуре региона.

Главная тема номера – это *ИСТОРИЯ, ИСТОРИОГРАФИЯ, ФИЛОЛОГИЯ* в их переплетении и взаимодействии, причем основной упор делается на освещении истории и культуры Калининграда и Калининградской области, рассматриваемых во временной ретроспективе. Журнал открывается проблемной статьей профессора *В.И. Гальцова* «Размышления о предмете истории калининградского края» – она не только знакомит с этим сравнительно новым объектом исторического анализа, но и имеет важное методологическое значение для отечественной исторической науки. Ставя вопрос о соотносительности историографии и политического контекста, автор показывает, как сложная и противоречивая история края раскрывает перед историками новые исследовательские перспективы. Основной круг проблем, затронутых в статьях первого тематического блока номера, очерчивает послевоенное прошлое и настоящее Калининграда, его отражение в языке и литературе. Этому посвящены статьи *В.Н. Маслова*, *В.В. Малащенко* и *А.С. Новикова*, в которых рассматриваются вопросы послевоенной топоними-

¹ В настоящем номере публикуются статьи, объединенные междисциплинарной проблематикой взаимодействия исторических и филологических методов исследования. За рамками журнала остался ряд представленных на конференции докладов и сообщений, выходящих по методологии за рамки междисциплинарного подхода.

ки Калининградской области, а также отражение трагических коллизий истории города и региона в русской и зарубежной литературе. Исторический раздел завершает исследование Ю. В. Кривошеева о роли Крыма в биографии и интеллектуальном наследии видного историка и общественного деятеля академика Б. Д. Грекова.

Статьи, вошедшие во второй тематический раздел номера, объединены проблематикой дисциплинарных связей историографии и литературоведения, репрезентированных на материале русской и западноевропейской литературы. В статье Л. М. Бондаревой рассмотрены методологические аспекты данной проблемы и предложены аргументы в пользу синкретичного понимания связей историографии и науки о литературе. Это проблемное поле получает развитие и конкретизацию в статьях А. И. Васкиевич, Е. М. Регурецкой, Е. Е. Рябчиковой и М. Н. Конновой на материале самых разных литературных источников.

В заключительной рубрике «Язык – история – мышление» помещены статьи, объединенные междисциплинарными подходами в лингвистике. Открывающая данный раздел статья И. Г. Черненко «Лингвистическая парадигма в кантоведении» может служить методологическим обоснованием новых аспектов изучения наследия Иммануила Канта, одного из ведущих направлений научной деятельности в БФУ им. И. Канта. Проблематика статей раздела касается таких аспектов современной русистики, как история языка (статьи Т. Ф. Кузенной и Н. В. Писарь) и методика преподавания русского языка как иностранного (статья И. Н. Лукьяненко).

Заключает номер раздел «Библиография». Приведенный здесь список научных трудов профессора В. И. Гальцова (сост. В. И. Маслов) не просто характеризует многостороннюю и многоаспектную научную биографию юбиляра, но и дает достаточно полное представление о значимых этапах изучения истории Юго-Запада России.

Считаем приятным долгом присоединиться данным выпуском журнала «Слово.ру: балтийский акцент» к прозвучавшим ранее поздравлениям и пожеланиям в адрес Валерия Ивановича Гальцова и поблагодарить его за возможность собрать и представить читателю материалы, в той или иной мере продолжающие намеченные подходы к изучению истории и ее междисциплинарного потенциала.

ИСТОРИЯ, ИСТОРИОГРАФИЯ, ФИЛОЛОГИЯ: НА СТЫКЕ НАУК

УДК 930:908

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРЕДМЕРЕ ИСТОРИИ КАЛИНИНГРАДСКОГО КРАЯ

В. И. Гальцов¹

Обращено внимание на существующие разночтения и противоречия в определении предмета истории Калининградской области. Рассмотрены некоторые вопросы изучения истории края в школах Калининградской области. Делается вывод о целесообразности выделения истории Восточной Пруссии в качестве специального предмета регионального компонента всеобщей истории.

Ключевые слова: *историческое краеведение, история края, история Калининградской области, история Восточной Пруссии, предмет истории края, историография.*

Постановка вопроса о предмете калининградской истории может показаться надуманной, если известно, что к настоящему времени накопилось, прежде всего в Калининградской области, уже немалое число книг, статей и других опубликованных материалов по всем периодам истории калининградского края. А это значит, что авторы всех этих сочинений, как полагается, прежде чем писать, уже определили для себя предмет историописания. И действительно, сейчас вроде бы все согласны в необходимости исследовать всю историю края с древнейших времен до современности. Но когда мы поставим вопрос о том, с какой целью это делается — научной, учебной или популяризаторской, то вновь актуальной становится проблема предмета исто-

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 12.05.2017 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2017-2-1

© Гальцов В. И., 2017

рии нашего края, в первую очередь потому, что до сих пор нет согласованного понимания того, что включает в себя понятие «история края» применительно к Калининградской области.

Это, в частности, проявляется в наименовании предмета. Первое учебное пособие под неопределенным названием «История края (1945–1950)» было подготовлено кафедрой истории советского общества КГУ для студентов-историков и опубликовано в 1984 г. [5]. С выбором названия возникли проблемы: в Обллите (областном управлении по охране военных и государственных тайн в печати) не утвердили запланированное авторами название «История Калининградской области», видимо, чтобы не вызывать к этой небольшой книжке излишнего внимания за пределами области [17, с. 499]. Вторая часть пособия, вышедшая в 1986 году, когда в стране началась Перестройка, называлась уже определенно – «История Калининградской области (1951–1965)» [4]. В школах области в 1990-е годы использовалось учебное пособие М. А. Клемешевой «Очерки истории края», дававшее краткие сведения обо всей местной истории [9]. Специального учебного пособия по довоенной истории края не было вплоть до 1996 года. С этого времени учащиеся стали применять в качестве учебника коллективную монографию историков университета и сотрудников областного архива «Восточная Пруссия. С древнейших времен до конца Второй мировой войны» [2] (в 2002 году переработанное и дополненное второе издание этой книги вышло под названием «Очерки истории Восточной Пруссии» [14]).

В 1992 году был принят федеральный закон РФ «Об образовании», на основании которого появилось понятие «национально-региональный компонент государственного образовательного стандарта» (НРК ГОС). Установление региональных (национально-региональных) компонентов государственных образовательных стандартов было отнесено к компетенции субъектов РФ. В связи с этим в 1990-е годы начался процесс внедрения в школьные программы области предмета «История края». А с 1 сентября 2006 года в школах области был введен (сначала в качестве эксперимента) предмет под названием «История Западной России. Калининградская область». Комплекс учебных и учебно-методических пособий был подготовлен под редакцией А. П. Клемешева коллективом ученых университета и учителей области. Учебное пособие состоит из трех частей: первая и вторая часть (6–9-е классы) – довоенная история края (автор Г. В. Кретинин) [10; 11], третья (10–11-е классы) – история собственно области (А. П. Клемешев, Ю. В. Костяшов, Г. М. Федоров) [8].

Подготовка к самому памяtnому городскому юбилею началась под названием «750-летие Кёнигсберга/Калининграда», а закончилась «750-летием Калининграда», тогда как изданный к этому юбилею «Иллюстрированный энциклопедический справочник» называется «Кёнигсберг – Калининград, 1255 – 2005» [7].

На портале Калининградской областной думы имеется раздел «История региона», в котором дается только история области, при этом в тексте не применяется понятие «история региона», а только «история Калининградской области» [6]. А на портале Правительства Калининградской области находится раздел «История Калининградской области», хотя здесь помещена краткая справка о всей истории, начиная с древнейших времен [15].

«Летопись Калининградской области» (2005) начинается с 1945 года [12]. Вышедший в 2011 году «Большой энциклопедический словарь Калининградской области» практически не содержит материал по истории Восточной Пруссии, в нем нет статьи по истории области, а лишь краткая информация о ее создании в статье «Калининградская область» [1].

Итак, в одном случае «история Калининградской области» или «региона» – это история только области, в другом – вся местная история. И наоборот, в одном случае «история края» – это история только области, в другом – вся история. Особый случай – «История Западной России. Калининградская область». Это название, появившееся в московских кабинетах, вроде бы было призвано разрешить калининградскую историко-политическую и историографическую проблему, но на самом деле только запутало дело. Непонятно, что такое «Западная Россия»; в географии так называют всю европейскую часть РФ в отличие от восточной – азиатской, а по административному делению Калининградская область входит в Северо-Западный федеральный округ. Кроме того, такое название, по логике, предполагает «историю Западной России» и других областей, но этого не было сделано, то есть название, скорее всего, было придумано специально для Калининградской области.

И все это не просто показатель обычных терминологических различий, а свидетельство отсутствия ясного представления о том, что надо считать историей Калининградской области. И как мы знаем, это не столько историографическая, сколько политическая проблема, связанная с уникальными в масштабах страны особенностями положения и существования Калининградской области и с необычной спецификой ее истории. Наша калининградская история являлась послушным

инструментом политики и идеологии, и в ней с 1945 года до конца 1980-х годов фактически была запрещена для изучения и популяризации вся довоенная история края. Но и в истории Калининградской области также было немало запретных тем, особенно относящихся к первым годам ее существования в составе Советского Союза.

В российской историографии в советское время истории Пруссии вообще не повезло. С 1930-х годов эта история попала в разряд наиболее политизированных. Вот, например, как характеризуется Пруссия в «Советской исторической энциклопедии», которая начала выходить в относительно либеральное время правления Н. С. Хрущева: «немецкое военно-колонизаторское государство, оплот реакции и милитаризма в Германии; ликвидировано в результате разгрома фашистской Германии во 2-й мировой войне» [16, с. 678].

Возрастающая или затухающая зависимость нашей истории от политики государства была и будет сохраняться если не всегда, то очень долгое время. Пример тому — наше время, когда установилась конфронтация между Россией и западным миром. Калининградская область, этот единственный заграничный субъект РФ, теперь находится не в окружении благожелательных соседей, а внутри враждебного по отношению к России военно-политического союза. Такое мнение уже существует в общественном сознании и с той и с другой стороны. Люди, живущие в соседних странах, в пятидесяти — ста километрах от Калининграда, опасаются российского вторжения; калининградцев тревожит наращивание военного присутствия НАТО в Прибалтике. Нет сейчас в России другого такого субъекта федерации, где проблема «Россия — Запад» имела бы реальное жизненно важное значение для населения.

В этих условиях сама политическая ситуация порождает вопросы, на которые надо отвечать: как учить и как популяризировать местную историю, в которой 90 процентов занимает история другой страны, Германии, являющейся основой Евросоюза и важнейшим участником НАТО? Наша власть уже нашла простой ответ на этот вопрос: в школах Калининграда и области отменен **обязательный предмет НРК ГОС «История Западной России»**.

Такое решение, мне кажется, имеет определенные основания. Учебное пособие по этому предмету, с моей точки зрения, выполнено на хорошем профессиональном уровне и авторы в основном успешно справились с очень непростой задачей, показав довоенную историю края на фоне российско-пруссских взаимоотношений на протяжении нескольких столетий. И не их вина, что этот предмет в соответствии со школьной программой оказался чрезмерно растянутым на пять лет

школьной программы. Считаю, что опыт преподавания курса «История Западной России» в течение более чем десяти лет был очень полезен как для учеников, так и для учителей. Вместе с тем этот опыт показал, на мой взгляд, тщетность попыток соединить в одно органически целое историю Восточной Пруссии и России на основании того, что небольшая часть бывшей прусской земли, объединяющая эти две истории, в последние 70 лет является российской Калининградской областью.

Мы здесь имеем тот редкий и сложный случай, когда предметом истории края трудно признать просто территорию, на которой мы живем, независимо от того, как менялось на ней население и какие были государства, потому что наша 70-летняя российская историческая традиция здесь ничтожно мала по сравнению с восемью столетиями немецкой Пруссии. Несопоставимы удельный вес и роль Пруссии в европейской истории и молодого маленького заграничного уголка гигантской России в ее тысячелетней истории и современности. С одной стороны, история Калининградской области есть ничто иное, как история родного российского края. С другой — история даже небольшой части Германии — Восточной Пруссии — это скорее не предмет российского исторического краеведения, а важнейшая часть истории всей Пруссии, без которой нельзя понять общегерманскую историю. Но даже если включить историю Восточной Пруссии в историю родного калининградского края, то возникает вопрос о практическом назначении такой истории для учащихся.

И здесь надо напомнить о том, что принято понимать под историческим краеведением и каковы его задачи в школе. Историческое краеведение — это область научного исторического познания (изучает прошлое края, отраженное в памятниках, опирается на закономерности, принципы и методы исследований исторической науки) и практической деятельности историков-краеведов, направленная на изучение и распространение знаний об историческом прошлом края. Историческое краеведение в школе является одним из источников обогащения учащихся знаниями о родном крае, воспитания любви к нему и формирования гражданственных понятий и навыков, воспитания чувства патриотизма. Оно раскрывает учащимся связь родного края, города, села с великой Родиной, помогает укрепить неразрывную связь и единство истории каждого города, села, деревни с историей нашей страны. В таких словах характеризуется историческое краеведение и его задачи во всех учебных и методических пособиях для школ и вузов (см., напр., [13]).

Очевидно, что реализовать все эти задачи на материале нероссийской истории, по крайней мере, очень сложно. Это хорошо осознавали и авторы учебника «История Западной России», указав, что «изучая, по сути, историю другого государства, будет исключительно сложно воспитать патриота России. Тем более что за семисотлетнюю историю немцы добились немалых достижений в освоении этого края. Россияне в своем периоде тоже имеют яркие достижения, однако использование сравнительного метода при преподавании истории края не всегда будет выигрышным для россиян. Это надо признать и с этим надо согласиться» [3, с. 6]. Тем не менее, по мнению авторов, воспитательные задачи этого историко-краеведческого предмета можно реализовать с учетом того, что «речь может идти только об *истории края* в его географическо-историческом понимании» [3, с. 6] в контексте российской истории, что может способствовать расширению «знаний основ культуры межгосударственных отношений» [3, с. 4].

Опасение авторов, что «курс истории края может превратиться в курс истории Восточной Пруссии» [3, с. 7] не должно, однако, быть поводом для отказа от изучения в школе всей местной истории. Но при этом, по-моему, следует довести эту мысль до логического конца. А именно — выделить довоенную историю края (историю Восточной Пруссии) в качестве отдельного предмета, который можно было бы изучать факультативно, но не в историко-краеведческом, а в страноведческом плане, как региональный компонент всеобщей истории. Такая история должна быть компактной, учитывающей основные вехи и события и, естественно, должна включать историю российско-пруссских отношений и российского присутствия в Восточной Пруссии. При этом важно, чтобы была поставлена нравственно-воспитательная цель такого изучения — показать на примере Восточной Пруссии, что происходит с высокоразвитой цивилизацией и народом, если, несмотря на все замечательные достижения, народ принимает идеологию крайнего национализма и фашизма и соглашается на власть диктатуры. Такой акцент уместен еще и потому, что речь идет об окончательно завершившейся прусской истории, когда 25 февраля 1947 года Союзный контрольный совет в Германии принял решение о ликвидации Прусского государства. И это стало еще одним подтверждением правомочности передачи части территории Восточной Пруссии победителю — Советскому Союзу, жители которого стали творцами иной истории.

Кроме того, учитывая то, что история края — это только часть общего курса исторического краеведения, акцент следовало бы перенести с учебно-познавательной (история края) на практически-познава-

тельную, исследовательскую историко-краеведческую деятельность, в центре внимания которой должны быть судьбы людей и сообществ, памятники истории и культуры и другие объекты краеведения, среди которых особо следует выделить те, что относятся к российской истории.

Конечно, здесь затронуты лишь некоторые, всем известные проблемные вопросы калининградского исторического краеведения. На самом деле их больше, чем кажется, и относятся они не только к истории, но и к проблемам педагогики, социальной психологии, политологии, культурологии и социологии. С моей точки зрения, можно говорить о долговременном существовании некоего калининградского историко-политологического феномена, требующего дальнейшего, углубленного исследования на междисциплинарном уровне.

Список литературы

1. *Большой энциклопедический словарь Калининградской области* / Б.Н. Адамов, В.А. Беспалов, В.И. Гальцов [и др.] ; ред. В.Н. Маслов ; Гос. архив Калинингр. обл. Калининград, 2011.
2. *Восточная Пруссия. С древнейших времен до конца Второй мировой войны: Ист. очерки. Документы. Материалы* / В.И. Гальцов, В.С. Юсупов, В.И. Кулаков [и др.]. Калининград, 1996.
3. *История Западной России. Калининградская область : учеб.-метод. пособие для учителей общеобразовательных школ. 6–7-е классы* / сост. Г.В. Кретинин ; под ред. А.П. Клемешева. М., 2007.
4. *История Калининградской области (1951–1965) : учеб. пособие для студентов-историков Калининградского ун-та* / В.Г. Бирковский, З.Н. Сорока, С.П. Гальцова [и др.]. Калининград, 1986.
5. *История края (1945–1950) : учеб. пособие для студентов-историков Калининградского ун-та* / В.Г. Бирковский, И.А. Гордеев, А.С. Забоенкова [и др.]. Калининград, 1984.
6. *Калининградская областная Дума. Официальное интернет-представительство*. URL: <http://duma39.ru/region/history.php> (дата обращения: 16.04.2017).
7. *Кёнигсберг – Калининград, 1255–2005 : ил. энцикл. справ.* / под общ. ред. А.С. Пржездомского. Калининград, 2006.
8. *Клемешев А.П., Костяшов Ю.В., Федоров Г.М. История Западной России. Калининградская область : учеб. пособие для школьников. 10–11-е классы* / под ред. А.П. Клемешева. М., 2007.
9. *Клемешева М.А. Очерки истории края. Калининград, 1991.*
10. *Кретинин Г.В. История Западной России. Калининградская область : учеб. пособие для школьников. 6–7-е классы* / под ред. А.П. Клемешева. М., 2007.
11. *Кретинин Г.В. История Западной России. Калининградская область : учеб. пособие для школьников. 8–9-е классы* / под ред. А.П. Клемешева. М., 2007.

12. *Летопись Калининградской области* / С.П. Гальцова, И.А. Гордеев, Л.А. Ефремов [и др.] ; ред. В.Н. Маслов. Калининград, 2005. Т. 1 : 1945–1976 ; Т. 2 : 1977–2005.

13. *Матюшин Г.Н.* Историческое краеведение : учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. №2108 «История». М., 1987.

14. *Очерки истории Восточной Пруссии* / Г.В. Кретинин, В.Н. Брюшинкин, В.И. Гальцов [и др.]. Калининград, 2002.

15. *Правительство Калининградской области.* Официальный портал. URL: <https://gov39.ru/region/history.php> (дата обращения: 16.04.2017).

16. *Советская историческая энциклопедия* / гл. ред. Е.М. Жуков. М., 1968. Т. 11 : Пергам – Ренувен.

17. *Galtsova S.* Die Geschichte des Kaliningrader Gebietes in der sowjetischen Forschung // Nordost-Archiv. N.F. 1994. № 3. S. 499.

Об авторе

Гальцов Валерий Иванович, кандидат исторических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: V.Galtsov@rambler.ru

Для цитирования:

Гальцов В.И. Размышления о предмете истории калининградского края // Слово.ру: балтийский акцент. 2017. Т. 8, № 2. С. 7–16. doi: 10.5922/2225-5346-2017-2-1.

REFLECTIONS ON THE HISTORY OF THE KALININGRAD REGION

*V. I. Galtsov*¹

¹ *Immanuel Kant Baltic Federal University,
14 A. Nevski Str., Kaliningrad, 236041, Russia*

Submitted on May 12, 2017

This article describes differences and contradictions in identifying the subject of Kaliningrad regional history. Some researchers and media interpret the term 'Kaliningrad regional history' as the history of the region per se and others as the whole scope of local history. The 'History of West Russia: The Kaliningrad Region', a secondary school discipline taught since 2006, presents an interesting case. The subject of the Kaliningrad regional history has no single definition since it is a matter of politics rather than historiography. The inability to produce such a definition stems from the uniqueness of the region's geographical position and history. The region's history was used extensively in the Soviet time for political and ideological purposes. The current confrontation between Russia and the

West lends new urgency to the problem of teaching local history, ninety percent of which is the history of a territory that once belonged to Germany – today, a pillar of the EU and a member of NATO. The author examines whether it is reasonable to draw on international experience in patriotic education. The subject 'History of West Russia: The Kaliningrad Region' was taken off the school timetable. The article stresses the need to teach a course on East Prussian history and proposes to treat it as the regional aspect of universal history.

Key words: local history, regional history, Kaliningrad regional history, history of East Prussia, the subject of regional history, historiography.

References

1. Adamov, B.N., Bepalov, V.A., Gal'tsov, V.I. et al., 2011. *Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar' Kaliningradskoi oblasti* [The Big Encyclopedic Dictionary of the Kaliningrad Region] / ed. by V.N. Maslov. Kaliningrad.
2. Gal'tsov, V.I., Yusupov, V.S., Kulakov, V.I. et al., 1996. *Vostochnaya Prussiya. S drevneishikh vremen do kontsa vtoroi mirovoi voiny* [East Prussia. From ancient times to the end of the Second World War]. Kaliningrad.
3. Kretinin, G.V., 2007. *Istoriya Zapadnoi Rossii. Kaliningradskaya oblast': Uchebno-metodicheskoe posobie dlya uchitelei obshcheobrazovatel'nykh shkol. 6 – 7 klassy* [History of Western Russia. Kaliningrad region's: Educational handbook for secondary school teachers. 6 – 7 classes] / ed. by A.P. Klemeshev. Moscow.
4. Birkovskii V.G., Soroka, Z.N., Gal'tsova, S.P. et al., 1986. *Istoriya Kaliningradskoi oblasti (1951 – 1965): Uchebnoe posobie dlya studentov-istorikov Kaliningradskogo universiteta* [The history of the Kaliningrad region (1951 – 1965): A manual for students-historians of the Kaliningrad University]. Kaliningrad.
5. Birkovskii, V.G., Gordeev, I.A., Zaboenkova, A.S., 1984. *Istoriya kraja (1945 – 1950): Uchebnoe posobie dlya studentov-istorikov Kaliningradskogo universiteta* [The history of the region (1945 – 1950): A manual for students-historians of the Kaliningrad University]. Kaliningrad.
6. *Kaliningradskaya oblastnaya Duma. Ofitsial'noe internet-predstavitel'stvo* [Kaliningrad Regional Duma. Official web-site]. Available at: <http://duma39.ru/region/history.php> [Accessed 16 April 2017].
7. Przhedzdomskii, A.S., ed., 2006. *Kenigsberg – Kaliningrad, 1255 – 2005: entsiklopedicheskii spravochnik* [Koenigsberg – Kaliningrad, 1255 – 2005: encyclopedic reference book]. Kaliningrad.
8. Klemeshev, A.P., Kostyashov, Yu.V., Fedorov, G.M., 2007. *Istoriya Zapadnoi Rossii. Kaliningradskaya oblast': uchebnoe posobie dlya shkol'nikov. 10 – 11 klassy* [History of Western Russia. Kaliningrad region's: Educational handbook for pupils]. Moscow.
9. Klemesheva, M.A., 1991. *Ocherki istorii kraja* [Essays on the history of the region]. Kaliningrad.
10. Kretinin, G.V., 2007. *Istoriya Zapadnoi Rossii. Kaliningradskaya oblast': uchebnoe posobie dlya shkol'nikov. 8 – 9 klassy* [History of Western Russia. Kaliningrad region's: Educational handbook for secondary school teachers. 8 – 9 classes] / ed. by A.P. Klemeshev. Moscow.

11. Gal'tsova, S.P., Gordeev, I.A., Efremov, L.A. et al., 2005. *Letopis' Kaliningradskoi oblasti* [Annals of the Kaliningrad Region] / ed. by V.N. Maslov. Kaliningrad.
12. Matyushin, G.N., 1987. *Istoricheskoe kraevedenie* [Historical study of local lore]. Moscow.
13. Kretinin, G.V., Bryushinkin, V.N., Gal'tsov, V.I. et al., 2002. *Ocherki istorii Vostochnoi Prussii* [Essays on the History of East Prussia]. Kaliningrad.
14. *Pravitel'stvo Kaliningradskoi oblasti. Ofitsial'nyi portal* [Government of the Kaliningrad region. Official portal]. Available at: <https://gov39.ru/region/history.php> [Accessed 16 April 2017].
15. Zhukov, E.M., ed., 1968. *Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya* [Soviet Historical Encyclopedia]. Moscow. Vol. 11: Pergam – Renuven.
16. Galtsova, S., 1994. Die Geschichte des Kaliningrader Gebietes in der sowjetischen Forschung. *Nordost-Archiv*, 3, p. 499.

The author

Dr Valery I. Galtsov, Professor, Immanuel Kant Federal University, Russia.
E-mail: V.Galtsov@rambler.ru

To cite this article:

Galtsov V.I. 2017, Reflections on the history of the Kaliningrad region, *Slovo.ru: baltiiskij accent*, Vol. 8, no. 2, p. 7–16. doi: 10.5922/2225-5346-2017-2-1.

ОБРАЗОВАНИЕ РАБОЧИХ ПОСЕЛКОВ В КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ И ИХ ПЕРЕИМЕНОВАНИЕ В 1946—1947 ГОДАХ¹

В. Н. Маслов²

В сентябре 1946 – июле 1947 годов обсуждалось создание рабочих поселков в Калининградской области. Местные власти стремились увеличить число таких поселений, но руководство РСФСР настояло на образовании четырех рабочих и одного курортного поселка. Несколько раз корректировались предложения о названиях поселков. При этом идеологическое Комсомольск заменили на Железнодорожный, соответствовавшее профессии большинства жителей поселка, а наименование населенного пункта Чайковский было заменено на идеологически отмеченное Пионерский.

Ключевые слова: Калининградская область, топонимика, переименования, рабочий поселок.

В Калининградской области подготовка к переименованию рабочих поселков велась одновременно с разработкой Указа Президиума Верховного Совета РСФСР о создании и новых наименованиях городов районного подчинения и сельских советов. Начало этому процессу было положено приказом начальника областного управления по гражданским делам В. А. Борисова от 20 сентября 1946 года.

В октябре – ноябре 1946 года предложения формулировали местные управления по гражданским делам. Тогда предполагали рабочие поселки образовать в Приморском, Багратионовском, Гурьевском, Нестеровском, Правдинском, Славском и Черняховском районах.

Власти Приморского района намечали преобразовать в рабочие поселки населенные пункты Георгенсвальде, Заркау, Пайзе, Россит-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта №15-21-06002а(м) «Политика памяти в российско-польско-литовском пространстве на территории бывшей Восточной Пруссии: Преемственность и изменения культурного ландшафта (1945 – 2015 гг.)»

² Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 24.05.2017 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2017-2-2

© Маслов В. Н., 2017

тен, Циммербуде³. В Государственном архиве Калининградской области (ГАКО) сохранился подписанный начальником районного управления по гражданским делам Я. Т. Кузнецовым машинописный перечень поселков с их новыми названиями, в который Кузнецов внес рукописную правку. В результате Георгенсвальде из поселка Взморье трансформировался во Взморьевское, Заркау — Заливье в Заливинское, Пайзе — Маяков в Маяковское, Росситтен — Баркасово в Баркасовское, Циммербуде — Светлый в Светловское [2, оп. 1, д. 20, л. 16].

Затем 25 ноября произошла новая корректировка названий (табл. 1). Тогда же увеличилось количество рабочих поселков, так как понизили статус городов районного подчинения. Нойкурун как город планировали именовать Маршальском, Пальмникен — Краснофлотским, Раушен — Красноборским. У двух новых поселков исключили окончание *-oe*; они превратились в Краснофлотск и Красноборск. Маршальск заменили на Чайковский. Впрочем, на следующий день в объяснительной записке районного управления по гражданским делам они вновь числились среди городов под новыми названиями, только Нойкуруну вернули прежнее наименование Маршальск [2, оп. 1, д. 20, л. 13 об., 134].

Таблица 1

**Предложения о названиях рабочих поселков Приморского района
в конце ноября 1946 года⁴**

Немецкое название	Русское название				
	25 ноября 1946 года	До 30 ноября 1946 года			30 ноября 1946 года
		Первый список после исправлений	Второй список		
			до исправлений	после исправлений	
Георгенсвальде	Взморьевск	Взморьевск	Взморье	Взморьевский	Взморьевск
Заркау	Заливинск	Заливинск	Заливинск	Заливинский	Заливинск
Нойкурун	Чайковский	Чайковск	—	Чайковский	Чайковский
Пайзе	Маяковск	Маяковск	—	—	—
Пальмникен	Краснофлотск	Краснофлотск	Краснофильск	Краснофильский	Краснофлотск

³ Георгенсвальде — совр. поселок-курорт Отрадное Светлогорского городского поселения, Заркау — пос. Лесной Зеленоградского района, Пайзе — в настоящее время в черте г. Светлого, Росситтен — пос. Рыбачий Зеленоградского района, Циммербуде — г. Светлый.

⁴ Составлено по: [2, оп. 1, д. 20, л. 7, 134, 153, 142 об.].

Окончание табл. 1

Немецкое название	Русское название				
	25 ноября 1946 года	До 30 ноября 1946 года			30 ноября 1946 года
		Первый список после исправлений	Второй список		
	до исправлений		после исправлений		
Раушен	Красноборск	Красноборск	Красноборск	Красноборск	Красноборск
Росситтен	Баркасовск	Баркасовск	Баркасовск	Баркасовский	Баркасовск
Циммербуде	Светловск исправлен на Светловское	Светловск	Маяковск	Светловский	Светловский

Между 25 и 30 ноября были подготовлены сводные списки городов, рабочих поселков и сельсоветов области. Даты на перечнях не указаны, но сопоставление названий населенных пунктов доказывает, что документы составлены ближе к концу ноября 1946 года. Один из них содержит многочисленные исправления, сделанные, видимо, секретарем областного управления по гражданским делам И. Стемасовым, в другом поправок меньше, и в него включены только города и рабочие поселки. В первом перечне Нойкурен, Пальмникен и Раушен опять стали рабочими поселками. Нойкурен в очередной раз поменял название: в документе напечатан Маршанск, от руки исправленный на Чайковск [2, оп. 1, д. 20, л. 153]. Впрочем, Маршанск мог быть ошибочно впечатан вместо Маршальска. Вероятно, тамбовский Моршанск был известен исполнителю документа, и он машинально напечатал знакомое название. В другом перечне добавлением новых окончаний изменены наименования почти всех поселков (табл. 1). Интересную трансформацию претерпел Краснофлотск, превратившись сначала в Краснофильск, потом в Краснофильский. Такое название – явно опечатка, которую в то время не заметили. Одновременно Пайзе и Циммербуде объединили в один населенный пункт, соответственно Маяковск заменив на Светловский; и еще добавили в список поселок Чайковский [2, оп. 1, д. 20, л. 142 об.].

В рукописных сведениях об административном делении Приморского района по состоянию на 30 ноября 1946 года приведены названия, почти совпадающие с наименованиями в списке от 25 ноября. Только Циммербуде именовался Светловским, а Пайзе не был отнесен к рабочим поселкам [2, оп. 1, д. 20, л. 7].

Таким образом, в конце ноября 1946 г. в Приморском районе запланировали создать 7 рабочих поселков. Их названия – это в основном вариации наименований, появившихся в середине ноября.

В Багратионовском районе намеревались превратить в рабочий поселок Кройцбург⁵, назвав его Славгород. Однако в подготовленном районным управлением в ноябре 1946 года списке населенных пунктов и административном делении района эта запись была вычеркнута. Впрочем, это предложение попало в сводный список городов, рабочих поселков и сельсоветов области, но и оттуда соответствующую строку исключили [1, оп. 1, д. 28, л. 43; 2, оп. 1, д. 20, л. 149].

Предложение о придании населенному пункту Велау Гвардейского района статуса рабочего поселка под названием Знаменск (см., например: [1, оп. 1, д. 28, л. 57]) возражений не вызвало и было закреплено в указах от 17 июня и 25 июля 1947 года. Это единственный рабочий поселок, название которого, предложенное в районе, впоследствии не менялось и никак не корректировалось.

В Гурьевском районе к 1 ноября 1946 года наметили дать права рабочего поселка населенному пункту Меттетен и переименовать его в Кирово или Кировск. Предложение не получило поддержки у областного руководства [1, оп. 1, д. 28, л. 75 об., 76; 2, оп. 1, д. 20, л. 150].

Нестеровское районное управление по гражданским делам включило в перечень рабочих поселков Гросс-Роминтен, Гросс-Тракенен, Гросс-Швентишкен и Баллупенен⁶. Через некоторое время последовало предложение переименовать первые три населенных пункта как села соответственно в Буденовское, Ясную Поляну и Пугачево, а Баллупенен сначала в село, затем в поселок Суворово. В сводном списке городов, рабочих поселков и сельсоветов эти четыре населенных пункта значились рабочими поселками. Их названия не изменились, только Буденовское трансформировалось в Буденовск. В процессе правки Буденовск стал поселком Краснолесенское, потом ему дали имя Залесье, Суворово превратилось в Степное. В конце концов данные рабочие поселки были исключены из сводного перечня. В одном из архивных документов отразился поиск вариантов названий для Гросс-Роминтена, осуществленный в областном управлении по гражданским делам. Рядом с вычеркнутым Буденовском записали Степновский, Краснолесенское и Ясная Поляна. В итоге в сведениях по состоянию на 30 ноября 1946 г. Нестеровское районное управление по гражданским делам оставило лишь один рабочий поселок — Залесье (Гросс-Роминтен) [1, оп. 1, д. 28, л. 107–108, 109, 112, 125; 2, оп. 1, д. 2, л. 142; д. 20, л. 131, 151].

⁵ Совр. пос. Славское Багратионовского района.

⁶ Гросс-Роминтен — совр. пос. Краснолесье, Гросс-Тракенен — пос. Ясная Поляна, Гросс-Швентишкен — пос. Пугачево, Баллупенен — пос. Дубовая Роцца Нестеровского района.

В Правдинском районе управление по гражданским делам предложило наделить статусом рабочего поселка Гердауен⁷, который намеревались именовать Комсомольским, но затем название изменили на Комсомольск. Впрочем, в более ранних предложениях этому населенному пункту намечали дать название Вишневокское [1, оп. 1, д. 28, л. 162, 168, 179, 180, 183].

Шесть населенных пунктов Славского района в октябре – ноябре 1946 года попали в список рабочих поселков – Зекенбург, Нойкирх, Лаукнен, Гросс-Фридрихсдорф, Таве и Гросс-Скайгиррен, сначала отнесенный к городам районного подчинения⁸. Им хотели дать названия соответственно Покрышкин, Тимирязевск, Громов, Гастелло, Кожедуб, Краснознаменск. Характерно, что четыре поселка могли быть названы по фамилиям известных советских летчиков трижды Героев Советского Союза А. И. Покрышкина и И. Н. Кожедуба, Героев Советского Союза М. М. Громова и Н. Ф. Гастелло. При корректировке сводного списка городов, рабочих поселков и сельсоветов в областном управлении по гражданским делам в перечень рабочих поселков перенесли еще Гросс-Скайгиррен и решили назвать его Егорьевском. Остальные поселки, в том числе с ранее измененными наименованиями Покрышкино и Тимирязево и исправленным в отпечатанном документе Гастеллово, вычеркнули из этого списка. Несколько позднее в сведениях об административном делении Славского района по состоянию на 30 ноября 1946 года исключили и Егорьевск, написав рядом «сельсовет» [2, оп. 1, д. 20, л. 37, 42, 153].

Черняховский район также претендовал на то, чтобы иметь рабочий поселок. Им мог стать Георгенбург⁹ под новым именем Двуречье. В конце ноября в одном из списков городов и рабочих поселков области наименование было изменено на Двуреченск [2, оп. 1, д. 20, л. 77, 78, 84, 142 об., 154].

Таким образом, из 15 населенных пунктов, которые в октябре – ноябре 1946 года предполагали преобразовать в рабочие поселки, оставили к концу ноября только 11 поселений. Такое большое число «претендентов» объяснялось не только стремлением районных властей иметь рабочие поселки, но и отсутствием в ряде административных единиц четких представлений о законодательной возможности их создать. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 27 сентября 1926 года

⁷ Совр. пос. Железнодорожный Правдинского района.

⁸ Зекенбург – совр. пос. Заповедное, Нойкирх – пос. Тимирязевский, Лаукнен – пос. Громово, Гросс-Фридрихсдорф – пос. Гастеллово, Таве – пос. Заливино, Гросс-Скайгиррен – пос. Большаково Славского района.

⁹ Совр. пос. Маевка Черняховского района.

«О рабочих поселках» определяло, что «населенные пункты... могут быть признаны рабочими поселками при условии, если количество взрослого населения в таковых не менее четырехсот человек, при чем¹⁰ для большинства населения (в числе не менее шестидесяти пяти процентов) основным источником существования является заработная плата» [5]. Если второй критерий в стране победившего социализма был неактуален в 1946 году, так как у большей части населения СССР источником доходов являлась зарплата, то первое условие — не менее 400 жителей — для ряда предполагаемых рабочих поселков Калининградской области не выполнялось. По данному критерию 8 населенных пунктов (табл. 2) рассматриваться в качестве рабочих поселков в то время не могли. Более того, Георгенбург Черняховского района в 1947 году не смогли сделать даже центром сельского совета «ввиду малочисленности населения и отсутствия промышленности» [3, оп. 6, д. 4950, л. 103]. Кроме того, Метгетен, включенный в черту Калининграда [1, оп. 1, д. 28, л. 72], утратил возможность стать рабочим поселком Гурьевского района.

Таблица 2

**Численность населения вероятных рабочих поселков
Калининградской области на ноябрь 1946 года¹¹**

Населенный пункт	Всего населения	В том числе немцев
Баллупенен	90	15
Гросс-Швентишкен	120	—
Таве	122	102
Заркау	164	—
Гросс-Роминтен	225	—
Гросс-Тракенен	258	—
Росситтен	282	—
Георгенбург	374	96
Кройцбург	417	250
Гердауен	460	238
Георгенсвальде	721	—
Нойкирх	733	133
Гросс-Скайсгиррен	770	120
Пайзе	843	—
Лаукнен	1115	—

¹⁰ Так в тексте.

¹¹ Составлено по: [1, оп. 1, д. 28, л. 43, 57, 107—108, 112, 162, 166; 2, оп. 1, д. 20, л. 7, 42, 88, 134].

Окончание табл. 2

Населенный пункт	Всего населения	В том числе немцев
Пальмникнен	1197	450
Нойкурен	1308	150
Циммербуде	1338	—
Гросс-Фридрихсдорф	1723	—
Зекенбург	1937	1300
Раушен	2033	560
Велау	2610	288

После 30 ноября 1946 года был подготовлен проект Указа Президиума Верховного Совета РСФСР, в котором содержался раздел об отнесении ряда населенных пунктов области к категории рабочих поселков и их новых названиях [4, оп. 47, д. 48, л. 36–37, 223–224] (табл. 3). В отличие от предложений на конец ноября 1946 года в проекте закона было не 11, а 12 рабочих поселков, так как Егорьевску (Гросс-Скайсгиррен Славского района) вернули поселковый статус. Также двум поселкам изменили названия. Заливинск преобразовали в Заливинский, Двуреченск — в Двуречье. Данные названия уже рассматривались как варианты имен этих населенных пунктов.

Таблица 3

**Варианты наименований рабочих поселков Калининградской области
в конце ноября 1946 — январе 1947 года**

Район	Немецкое название	Русское название		
		по документам управлений по гражданским делам области; конец ноября 1946 года	по проекту Указа Президиума Верховного Совета РСФСР; декабрь 1946 — начало 1947 года	по проекту Указа Президиума Верховного Совета РСФСР; 27 января 1947 года
Гвардейский	Велау	Знаменск		
Нестеровский	Гросс-Роминтен	Залесье		—
Правдинский	Гердауен	Комсомольск		Железнодорожный

Район	Немецкое название	Русское название		
		по документам управлений по гражданским делам области; конец ноября 1946 года	по проекту Указа Президиума Верховного Совета РСФСР; декабрь 1946 — начало 1947 года	по проекту Указа Президиума Верховного Совета РСФСР; 27 января 1947 года
Приморский	Россигтен	Баркасовск		Баркасовск
	Георгенсвальде	Взморьевск		—
	Заркау	Заливинск	Заливинский	Включен в Баркасовск
	Нойкурэн	Чайковский		Чайковский, курортный поселок
	Пальмникнен	Краснофлотск		—
	Раушен	Красноборск		—
	Циммербуде	Светловский		—
Славский	Гросс- Скайсиррен	—	Егорьевск	—
Черняховский	Георгенбург	Двуреченск	Двуречье	—

В областном управлении по гражданским делам в это время подготовили список «Советы депутатов трудящихся городов районного подчинения, рабочих поселков и сельские советы». В нем также указаны 12 рабочих поселков; некоторые из них приведены с названиями, отличавшимися от зафиксированных в проекте указа. Так, рабочий поселок в Нестеровском районе назван Залесенский, но его местонахождение указано, как Залесье. Такой же подход характерен и для отдельных поселков Приморского района (Баркасовский вместо Баркасовск, Светловский, но местонахождение Светловск, Заливинский — Заливинск), а также Славского (Егорьевский — Егорьевск) и Черняховского районов (Двуреченский — Двуреченск) [3, оп. 6, д. 4950, л. 117–122].

Материалы, подготовленные в Калининграде, представитель Совета министров РСФСР, сотрудник Управления по проверке советских органов В. Осипов изучил в январе 1947 года непосредственно в области. В результате управление рекомендовало уменьшить число рабочих поселков и большинство из них назвать иначе. Вместо рабочих поселков Светловский (Циммербуде), Краснофлотск (Пальмникнен), Залесье (Гросс-Роминтен) и Егорьевский (Гросс-Скайсиррен) посчитали целесообразным образовать сельские советы. Поселок Двуреченский

(Георгенсбург) из-за малочисленности населения предлагалось включить в один из сельсоветов Черняховского района; Баркасовск (Росситтен) и Заркау объединить в один поселок Рыбачий, так как в Заркау проживало всего 100 человек; Нойкурен (Чайковский) преобразовать в курортный поселок и назвать Пионерским, а рабочий поселок с идеологическим названием Комсомольск (Гердауен) именовать политически нейтрально Железнодорожным. Знаменску (Велау) оставили прежнее имя. Красноборск (Раушен) и Георгенсвальде наметили соединить в город Светлогорск [3, оп. 6, д. 4950, л. 26–27]. Предложения о понижении статуса Залесья, Двуреченского и Заркау соответствовали критериям закона о рабочих поселках, в них из-за небольшого числа жителей такие административные единицы не могли быть созданы. Понятно и стремление объединить в один город Раушен и Георгенсвальде, располагавшиеся рядом. Отказ же от преобразования Циммербуде, Пальмникена и Гросс-Скайсгиррена, имевших более 400 жителей, в рабочие поселки можно объяснить стремлением сэкономить государственные деньги, которых для рабочих поселков требовалось выделять больше, чем для сел.

Еще один проект указа появился 27 января 1947 года. В нем существенно сократилось количество калининградских рабочих поселков; вместо двенадцати их осталось только три — Знаменск, Баркасовск и Железнодорожный. Нойкурен отнесли к категории курортных поселков, сохранив предлагавшееся ранее наименование Чайковский [3, оп. 6, д. 4950, л. 53]. В принципиальных вопросах (количество поселков и их статус — рабочий или курортный) проект следовал рекомендациям Управления по проверке советских органов, а в их названиях проявился своего рода компромисс. Два поселка (Чайковский и Баркасовск) сохранили прежние имена, у одного (Комсомольск) изменили наименование на Железнодорожный, предложенное Управлением.

В областном управлении по гражданским делам в феврале 1947 года были составлены и отправлены в Москву предложения о новых названиях сельских советов каждого района. Названия поселков совпадали с сохранившимся рукописным списком населенных пунктов, отнесенных к категории рабочих поселков. Этот перечень прилагался к записке начальника областного управления по гражданским делам В. А. Борисова секретарю обкома ВКП(б) П. А. Иванову. На второй странице записки указана дата — «12.02.47 г.» [1, оп. 1, д. 102, л. 36; 2, оп. 1, д. 20, л. 168]. В списках, подписанных секретарем управления И. Стемасовым, приводились объяснения названий, в том числе и рабочих поселков. Знаменск предлагали именовать «в честь русских знамен, которых русские воины никогда не склоняли перед врагом».

Железнодорожному дали новое наименование, так как в поселке «основное население — железнодорожники». Баркасовск получил название из-за того, что в Росситтене и Заркау «проживают исключительно рыбаки — 930 человек». Примечательно, что курортный поселок Нойкурэн в документе назван Чайка, но затем от руки исправлен на Чайковский. При этом объяснение названия не связано непосредственно с чайками и сведено к обобщенно-формальному аргументу: данный поселок — «курортное место на берегу моря» [3, оп. 6, д. 4950, л. 97, 108, 109].

В феврале 1947 года появились и иные варианты названий калининградских поселков. Представитель литовского правительства профессор П. И. Пакарклис заявил о необходимости сохранить литаунизированные наименования населенных пунктов. Нойкурэн — назвать Наукури или Науяжури («Наукурйя = новые поселенцы»), Росситен — Расите («Раса = роса»), Велау — Велува или Велява, Гердауен — Гирдава («гирдети = слышать») [3, оп. 6, д. 4950, л. 71]. А. Г. Куман, сотрудник Института географии АН СССР, предложил назвать Нойкурэн Новый курорт, так как название Чайка подходит и к другим участкам морского побережья, не отражает специфики этого населенного пункта. Для Велау он указал варианты Велява как славянское наименование или Прегола по главной реке области. Для Росситтена считал уместным учесть специфику природного ландшафта и отразить в названии поселка наличие блуждающих дюн, а не только занятия местного населения. Наименование Железнодорожный А. Г. Куман признал подходящим для железнодорожного узла [3, оп. 6, д. 4950, л. 37 — 39].

Данные предложения об изменении названий калининградских поселков не были приняты во внимание, хотя на одном из совещаний рассматривались. Отдельные черновые записи этого совещания сохранились. На их основе можно предположить, что название Знаменск (Велау) решили не менять, так как «представитель Литовского представительства... сообщил, что Велява — флаг, знамя». Остальные предложения Пакарклиса и Кумана кратко зафиксированы, но отношение к ним не выражено [3, оп. 6, д. 4949, л. 142]. В подготовительных материалах для указа о сельсоветах области, в которых вычеркнуты города и рабочие поселки, выбрано одно название для сельсоветов на основе альтернативных предложений калининградского руководства, у Нойкурена впечатано название Чайка, а через запятое вписаны Новый курорт, Пионерск, исправленный на Пионер [3, оп. 6, д. 4949, л. 122]. В аналогичном документе, с правками, внесенными в Калининграде, у Баркасовска сначала добавили коричневым карандашом название Дюны (предложение Кумана), а затем простым карандашом

и другим почерком сделана запись «Рыбачий». Рядом с названием Чайка написано коричневым карандашом «Пионерский» [2, оп. 1, д. 20, л. 121].

В проекте указа Президиума Верховного Совета РСФСР «Об образовании сельских советов, городов и рабочих поселков Калининградской области», подготовленном 31 мая 1947 года, в отношении поселков были реализованы предложения Управления по проверке советских органов. Велау назвали Знаменском, Гердауен – Железнодорожным, Росситтен – Рыбачим, Нойкурэн – Пионерским. Тогда же появилось объяснение названия поселка Рыбачий. Впрочем, оно не отличалось от разъяснения имени Баркасовск – «все население [Росситтена и Заркау] занято на рыбных промыслах (сельским хозяйством не занимается)» [4, оп. 47, д. 48, л. 42, 53].

Такие наименования рабочих поселков 16 июня 1947 года утвердил Секретариат ЦК ВКП(б), а 17 июня их узаконил Президиум Верховного Совета РСФСР [6, оп. 116, д. 312, л. 111; 1, оп. 1, д. 102, л. 59].

Однако уже 20 июня 1947 года появился проект нового указа Президиума Верховного Совета РСФСР «Об административно-территориальном устройстве Калининградской области». Во время работы в области «Комиссии Косыгина» была подготовлена «Справка об административно-территориальном устройстве Калининградской области». В ней предлагалось образовать еще один рабочий поселок – Янтарный (Пальмникен), в котором имелись значительные залежи янтаря, планировалось организовать предприятие по его переработке. Это мнение в письме И. В. Сталину поддержала комиссия, на нем настаивало калининградское руководство [4, оп. 13, д. 18, л. 117, 133, 135–143; 1, оп. 1, д. 28, л. 4]. Политбюро ЦК ВКП(б) 21 июля 1947 года утвердило соответствующие пункты в проекте Указа Президиума Верховного Совета РСФСР [6, оп. 3, д. 1066, л. 8; проекты указа см.: л. 89–90], а 25 июля этот указ был принят. В нем рабочими поселками стали Знаменск, Рыбачий, Янтарный, Железнодорожный, курортным поселком – Пионерский [1, оп. 1, д. 102а, л. 5 об.].

Список литературы

1. *Государственный архив Калининградской области (ГАКО)*. Ф. Р-297. Калининградский областной Совет народных депутатов и его исполком.
2. *ГАКО*. Ф. Р-298. Управление по гражданским делам Калининградской области.
3. *Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)*. Ф. А-259. Совет Министров РСФСР (Совмин РСФСР).

4. ГАРФ. Ф. А-385. Верховный Совет РСФСР.
5. *О рабочих поселках* : постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 27 сентября 1926 г. URL: <http://istmat.info/node/22721> (дата обращения: 10.04.2015).
6. *Российский государственный архив социально-политической истории* (РГАСПИ). Ф. 17. Центральный Комитет КПСС (ЦК КПСС) (1898, 1903–1991).

Об авторе

Маслов Виталий Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: VMaslov@kantiana.ru

Для цитирования:

Маслов В. Н. Образование рабочих поселков в Калининградской области и их переименование в 1946–1947 годах // Слово.ру: балтийский акцент. 2017. Т. 8, №2. С. 17–29. doi: 10.5922/2225-5346-2017-2-2.

THE FOUNDATION OF WORKERS' SETTLEMENTS IN THE KALININGRAD REGION AND THE SUBSEQUENT RENAMING IN 1946–1947

*V. N. Maslov*¹

¹ *Immanuel Kant Baltic Federal University,
14 A. Nevski Str., Kaliningrad, 236041, Russia*

Submitted on May 24, 2017

Part of East Prussia was ceded to the Soviet Union after the defeat of Nazi Germany. As a result, the local toponymy changed completely. The author analyses the documents from the State Archive of the Russian Federation, the Russian State Archives of Socio-Political History, and the State Archive of the Kaliningrad Region to trace the Russianisation of German toponyms. The decision to establish workers' settlements in the Kaliningrad region was discussed in September 1946 – July 1947. Local authorities sought to create more settlements of the kind. However, the RSFSR leadership insisted on the establishment of one resort settlement and four workers' villages. Numerous toponyms were proposed, many of them were changed several times. The only geographic name that was approved immediately by the Government of the RSFSR was Znamensk, since it incorporated the semantic root znamya (banner). The ideologically laden Komsomolsk was replaced with Zheleznodorozhny as a reference to the fact that most residents worked at the railway station. Another settlement was named Tchaikovsky but then was given the ideologically laden name Pionersky.

Key words: *Kaliningrad region, toponymy, renaming, workers' settlement.*

References

1. The Kaliningrad Regional Council of People's Deputies and its executive committee. *Gosudarstvennyi arkhiv Kaliningradskoi oblasti (GAKO)* [State Archive of the Kaliningrad region], F. R-297.
2. Office of Civil Affairs of the Kaliningrad Region. *GAKO* [State Archive of the Kaliningrad region], F. R-298.
3. Council of Ministers of the RSFSR. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation], F. A-259.
4. The Supreme Soviet of the RSFSR. *GARF* [State Archive of the Russian Federation], F. A-385.
5. *O rabochikh poselkakh: Postanovlenie VTsIK i SNK RSFSR ot 27 sentyabrya 1926 g.* [On the workers' settlements: Resolution All-Russian Central Executive Committee and Council of People's Commissars of the RSFSR of September 27, 1926]. Available at: <http://istmat.info/node/22721> [Accessed 10 April 2015].
6. Central Committee of the CPSU (1898, 1903–1991). *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii (RGASPI)* [Russian State Archive of Social and Political History], F. 17.

The author

Dr Vitaly N. Maslov, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: VMaslov@kantiana.ru

To cite this article:

Maslov V.N. 2017, Workers' settlements in the Kaliningrad region and their subsequent renaming in 1946–1947, *Slovo.ru: baltiiskij accent*, Vol. 8, no. 2, p. 17–29. doi: 10.5922/2225-5346-2017-2-2.

**ФРОНТОВЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ ЮНОСТИ
В ТВОРЧЕСТВЕ Ю. Н. ИВАНОВА
(НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТИ «В ОСАЖДЕННОМ ГОРОДЕ»)**

А. С. Новиков¹

Анализируется содержание повести Ю.Н. Иванова «В осажденном городе», основой для которой послужили фронтовые воспоминания автора. Показано, как описание автором конкретных объектов архитектуры и искусства служит средством художественного познания истории Кёнигсберга. Художественный текст, создаваемый автором на основе увиденного и пережитого, позволяет ему не только вновь погрузиться в прошлое и заново пережить его, но и это прошлое переписать, изменить его в соответствии с авторской концепцией.

Ключевые слова: *Восточная Пруссия, штурм Кёнигсберга, Ю.Н. Иванов, краеведение.*

К началу 70-х годов XX века имя Юрия Николаевича Иванова было хорошо знакомо калининградским читателям — к этому времени он стал достаточно популярным писателем-маринистом. Но в сентябре 1973 года в газете «Калининградский комсомолец» началась публикация его повести «В осажденном городе». Это было произведение в жанре популярных в советское время «военных приключений». Как справедливо отметила Н.П. Перетяка, «через военную тему про разведчиков было позволительно в рамках идеологических советских барьеров описывать территорию Восточной Пруссии» [7, с. 45]. И, добавим — описывать блокированный советскими войсками Кёнигсберг, который стал главным местом действия первой «военной» повести Ю.Н. Иванова.

Главный герой повести — «сын полка» Валерий Волков, фактически приемный сын майора С.В. Воропаева. Они оба ленинградцы, познакомились в 1941 году у эшелона с эвакуированными жителями.

¹ Калининградский областной историко-художественный музей
236006, Россия, Калининград,
ул. Клиническая, 21.

Поступила в редакцию 10.05.2017 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2017-2-3

© Новиков А. С., 2017

А позднее «Степан Васильевич подобрал его, полуживого от голода на одной из занесенных снегом улиц, забрал к себе, в воинскую часть, оборонявшую город, да так они и прошли всю войну от Ленинграда до Кёнигсберга» [3]. Таким же был путь к Кёнигсбергу и самого писателя. «Я был в ленинградской блокаде, голодал, охотился на кошек, хоронил близких мне людей, а потом, став «воспитанником армии», солдатом похоронно-музыкальной команды (я был «вторым малым барабаном», но мы больше хоронили, чем играли...), дошел с этой командой, своим барабаном и лопатой до пылающего, лежащего в руинах Кёнигсберга», — писал Ю. Н. Иванов в одном из своих писем [1, д. 296, л. 16].

В 1945 году майор Воропаев «ведает агентурными делами в разведуправлении штаба фронта» [4, №117], а Валера входит в группу, которая занимается подготовкой макета города-крепости, строит «игрушечный Кёнигсберг». «Разочарованию Валеры не было границ: вместо того чтобы ходить со своими друзьями в разведку, он, поднимаясь до рассвета, строгал из мягкого дерева домики, кирпичи, бастионы, раскрашивал их, строил, строил город, строил вместо того, чтобы разрушать его» [4, №115]. При этом отец Валеры — советский разведчик. Он работал под дипломатическим прикрытием в Берлине и Гамбурге, там же жила и его семья. Поэтому Валера хорошо владеет немецким языком: «Он так хорошо знал его, что говорил лучше, чем по-русски» [4, №145]. И когда майору Воропаеву потребовался разведчик, который сможет проникнуть в Кёнигсберг, он остановил свой выбор на Валере. Его задание — выяснить систему немецкой обороны в районе здания провинциального финансового управления и забрать из тайника в разрушенном здании на Брамштрассе пакет со сведениями об оборонительных сооружениях Кёнигсберга [4, №115, 123]. В городе ему предстоит действовать под именем Курта Хейле, сына капитана вермахта Вольфганга Хейле — он ищет своего отца, которого потерял при отступлении из Инстербурга (г. Черняховск) [4, №116, 122].

После перехода линии фронта Волкова-Хейле задерживает наряд полевой жандармерии, и его под конвоем доставляют в форт «Фридрих Вильгельм III». Здесь он становится свидетелем примечательной сцены.

Вдоль стены лежали в ряд десятка полтора трупов. Усатый фельдфебель ходил тут, он перешагивал через трупы, наклонялся и, расстегнув одежду, шарил на трупах. Валера подошел ближе: фельдфебель в это время выудил из-за рубахи убитого алюминиевый жетон, повешенный на

пешю, и, перерезав бечеву острым кинжалом, разломил жетон пополам. Одну половину жетона он кинул в мешочек, а вторую, раздвинув зубы трупа лезвием ножа, засунул мертвому в рот [4, №126].

Эту же сцену Валера видит уже после того, как форт был взят штурмом, и отличалась она лишь тем, что среди убитых лежал и комендант форта [4, №149]. Сам автор повести в апреле 1945 года действительно был свидетелем подобной сцены, только происходила она у другого форта — «Королева Луиза».

Я подошел ближе и увидел, что капрал раскрывает кинжалом убитому рот. <...> Глянул в мою сторону и, хмуро усмехнувшись, вытянул бечевку, на которой болталась округлая, прорезанная посередине узкой щелью бирка, «собачий жетон». На этом жетоне, который имелся у каждого немецкого солдата, выбито его имя, фамилия и воинская часть, где он служит. Взяв кинжал, капрал перерезал бечевку и разломил бирку пополам. Одну половинку он сунул в свой тяжелый брезентовый мешок, вторую — в разинутый рот мертвеца. Слегка ударил рукой по подбородку, и убитый гренадер «закусил» жетон [5, с. 366].

Здесь же Валера знакомится с другим подростком, также задержанным вблизи передовой, — Рудольфом Кёнигом.

Зови меня просто Руди. У тебя отец кто? Пехота, да? А у меня отец был летчиком. Он с самого первого дня... <...> Ну вот: он даже Москву бомбил, а особенно много — Ленинград. Он там к чертям собачьим полгорода разнес. <...> А потом сбили его. Самолет на куски [4, №127].

Отсылка к биографии немецкого пилота, который «бомбил Ленинград», едва ли случайна. Дело в том, что в Калининграде Ю. Н. Иванов жил в доме, ранее принадлежавшем немецкой семье (ул. Лейтенанта Катина, 65). «Живу в доме, который был домом семьи Мюллеров, которая мне, как ни странно, знакома уже давно. Из нижнего ящика письменного стола я достаю толстую картонную папку, стянутую бечевкой. Лет 12 назад я нашел ее на чердаке, когда ремонтировал крышу, в кипе газет «Кёнигсбергише альгемайне цайтунг» и потрепанных нот» [5, с. 131]. В этой папке среди прочего были «восемь пожелтевших фотографий и пачка писем, поступивших в Кёнигсберг из Гатчины, зеленого городка, где я обычно проводил лето у своего дедушки. Помню, как я до глубокой ночи корпел над письмами, переводил их. Это были письма Отто Мюллера... стрелка-радиста пикирующего бомбардировщика «Ю-87», базировавшегося на гатчинском аэродроме.

Отто погиб при налете на Ленинград в марте сорок третьего года, и командование части, где он служил, вместе с его вещами отослало в Кёнигсберг вот эти фотографии и последнее, написанное перед самым вылетом, но не отосланное домой его письмо. <...> Как все странно и удивительно, как все сложно. Годы войны! Такой страшный, голодный, полный лишений для меня блокадный год» [5, с. 131 – 132].

После проверки (точнее, перекрестного допроса), которую проводит некий унтерштурмфюрер Фогт, Курт-Валера и Руди получают новое назначение.

Итак, Курт, и ты, Рудольф... – унтерштурмфюрер, поправив ремень, торжественным голосом произнес: Властью, мне данной, я зачисляю вас в третью, молодежную роту «ягуаров» второго батальона северного сектора обороны города, которым командует отважный боец за нашу прекрасную страну – штандартенфюрер СА Ланге. Призываю вас исполнить свой долг до конца. Хайль! [4, №125].

Что же это за «ягуары»? Конечно, такого подразделения не существовало. Но дело в том, что Ю.Н. Иванов долгое время задумывал произведение о кёнигсбергских школьниках во время войны. В его рабочих материалах сохранилось несколько планов-набросков. Вот один из них: «Март. Формирование отрядов. В школе лишь девчонки да больные. Но и те работают на расчистке улиц. Лотта – [в] отряде «Гепард». Хитрость, стремительность, ярость, смелость: гепард погибает, но не отдает своего логова. Эмблемы, форма, оружие. Ночное патрулирование» [1, д. 174, л. 80]. А в одной из записных книжек писатель отводит целую страницу убористого текста под планы «приключений Волкова» и один из вариантов излагает так: Волкова отправляют «в школу гитлерюгенд, в особый четвертый взвод, детей, у которых есть лишь одна мать – Великая Германия» [1, д. 266, л. 23 об.]. Вот о таких немецких мальчишках, которым внушили, что у них «есть лишь одна мать – Великая Германия», и хотел написать писатель. О трагедии оказавшегося в горниле войны молодого поколения, которое нацистское руководство хотело превратить в «гепардов, которые погибают, но не отдают своего логова» – своего родного города, своих домов.

Итак, вместе с Руди Волкова-Хейле отправляют в казармы «ягуаров». «Ага, вот и шоссе Раушен-Кёнигсберг. Многоэтажные здания казарм, радиоцентр Шарлоттенбург, а дальше – высокая, красная башня водокачки. Шоссе тут было перегорожено шлагбаумом, и грузовик остановился в хвост трем другим автомобилям: проверка документов. Снова поехали» [4, №129]. Сейчас бывший «радиоцентр Шарлоттен-

бург» — областной радиотелевизионный передающий центр РТРС на Советском проспекте Калининграда, а «красная башня водокачки» — это водонапорная башня насосной станции «Хардерсхоф», в которой размещается музей МУП КХ «Водоканал». По пути в грузовик подсаживают Ингу, немецкую девушку, раненую при авианалете. Ее отвозят в госпиталь, который размещается в кирхе памяти королевы Луизы [4, № 131, 133, 135]. Наконец «впереди показалась высокая, серая башня плаца Эриха Коха, увенчанная позеленевшим орлом; грузовик миновал ее, и теперь Валера увидел красное здание Земельного финансового управления. Не подъезжая к главному входу, машина свернула на улочку, как бы обтекающую здание с тыла, и остановилась перед массивными воротами. Возле них, широко расставив ноги, застыли двое парней в касках, надвинутых на самые брови, и с автоматами в руках» [4, № 135].

«Высокая серая башня» и сейчас возвышается над современным стадионом «Балтика», а в «красном здании», хорошо знакомом калининградцам, после войны размещался областной комитет партии, а ныне — правительство Калининградской области. Вот только никакой казармы там нет. Проехав по Ландштрассе (ул. Дмитрия Донского), грузовик свернул бы на Фойхтвангенштрассе и, обогнув финансовое управление с тыла, подъехал бы по Зальцаштрассе прямо к небольшому зданию баптистской капеллы (сейчас его уже не существует). Но сразу за железнодорожными путями, рядом с площадью Троммельплатц действительно располагалась казарма, на месте которой ныне построен жилой дом (ул. Театральная, 25–33). Скорее всего, ее и имел в виду автор повести. Здесь перед мальчишками-фолькштурмовцами на одном из митингов выступают «армейский подполковник, только что приехавший с передовой, а потом худощавый, щеголеватый хауптман Тибуриц, на френче которого красовался новенький "рыцарский крест", полученный за то, что он поджег фаустпатронами четыре советских танка под Хайлигенбалем» [4, № 142]. А что, вполне возможно — кому же еще выступать перед «ягуарами», как не герою боев? Ведь некий гауптштурмфюрер СА Тибурци (Tiburzy) из кёнигсбергского фолькштурма действительно получил «Железный крест» за то, что подбил пять советских танков. Правда, это было еще в феврале и не под Хайлигенбайлем [8, S. 136]. И кому, как не ему, продемонстрировать перед фолькштурмовцами возможности «панцерфауста»?

Громко топоча подкованными ботинками, фолькштурмисты медленно шли по Альте-Пиллау-Ландштрассе к своим логовам. Они уже сделали по десять выстрелов из карабинов на плацу Эриха Коха и увидели в

действии фаустпатроны. Сам хауптман Тибуриц с расстояния в двадцать метров выстрелил по брошенному за трибунами плаца подбитому, видно, советскими штурмовиками танку «пантера». От страшного взрыва в борту «пантеры» образовалась рваная, дымящаяся дыра, в которую мог свободно влезть человек, а башня отлетела в сторону шагов на десять [4, №143].

А один из маршрутов патрулирования «ягуаров» проходит по Лавскер Аллее — проспекту Победы.

Лавскер Аллея! <...> Валера встрепенулся, посмотрел вправо-влево. Они стояли на маленькой, уютной, окруженной старыми каштанами площади. От нее, как щупальца морской змеи, отходили пять улиц, а с краю возвышалось разрушенное здание кирки. Бомба будто отсекала одну половину здания, совершенно не тронув другую, и поэтому прямо с улицы можно было видеть «внутренности» кирки: красивый, резной из дерева алтарь; бронзовые подсвечники, укрепленные на стенах, и большой деревянный крест, к которому был прибит деревянный же Иисус Христос. Крест был подвешен к потолку на цепях. Вдоль Лавскер Аллее прокатывался едва приметный теплый ветер, и крест ходил взад-вперед, будто Иисус Христос качался на качелях [4, №144].

Это католическая кирха Святого Адальберта (ныне Западное отделение Института земного магнетизма и распространения радиоволн РАН) на Штернплац (современном Литовском сквере Калининграда). Здесь, на углу Лавскер Аллее и Адальбертштрассе (ул. Марины Расковой), жил в сороковые годы прошлого века мальчишка Юра Иванов [7, с. 95], и он тогда наверняка видел распятие, раскачивающееся на ветру в разрушенном нефе кирхи.

В итоге Волков-Хейле забирает из тайника в подвале разрушенного дома на Брамс-штрассе пакет со сведениями об обороне Кёнигсберга [4, №146]. Он собирается вернуться к своим, но этому пытается помешать Рудольф, его новый товарищ в отряде «ягуаров» — он догадывается, что Хейле на самом деле не тот, за кого себя выдает. Они стреляют друг в друга, Валера убивает Рудольфа, но и сам получает ранение. Несмотря на это, ему удается перейти линию фронта [4, №148].

Вновь Валера попадает в Кёнигсберг сразу после штурма. Вместе с майором Воропаевым он едет по только что взятому городу — едет тем же маршрутом, которым его всего одиннадцать дней назад везли в казармы «ягуаров».

«Виллис» выкатился на Окружную дорогу и завилал среди воронок, патронных повозок и взорванных, уткнувшихся хоботами орудий в землю

танков. Ну вот и шоссе Раушен-Кёнигсберг, облупившиеся, побитые пулями казармы, радиочентр Шарлоттенбург, пробитая снарядами красная башня водокачки. Катили на велосипедах, заткнув полы шинелей за ремни, солдаты; ехали машины, громыхали траками по брусчатке танки, брели толпы людей с тюками, чемоданами, с ребятишками на руках. Показались железнодорожные пути у Нордбанхофа, черные сторовшие цистерны.

— Этот бронепоезд и состав с топливом, малыш, летчики записали в твой актив, — сказал Степан Васильевич, вынимая из кармана шинели трубку и железную, из-под леденцов «монпансье» баночку с табаком. — Как только ты вернулся и рассказал обо всем, я позвонил ребятам из штурмовой авиации, ну они на другое утречко и пропахали тут все [4, №149].

Бронепоезд у Северного вокзала действительно существовал. Участник штурма Кёнигсберга В.Н. Гаврилов отмечает в своих воспоминаниях, что видел «бронепоезд, стоящий под взорванным мостом на ул. Генерала Озерова» [2].

Шурша шинами среди железного лома, которого так много оставила после себя на улицах города война, объезжая поваленные на мостовую трамвайные вагоны и толпы идущих в плен бывших солдат кёнигсбергского гарнизона, «виллис», протиснувшись через узкий проезд заграждения у Нордбанхофа, свернул на Штайндамштрассе и, оставив справа красивое и совершенно целое здание городского и земельного суда, перед которым возвышались фигуры двух борющихся зубров, они выехали к приземистому театру. На памятнике Шиллеру уже кто-то написал белилами: «Не трогать. Свой!», и майор сказал Валере, что эту надпись сделали его ребята-разведчики [4, №149].

Но ведь именно так юный Юра Иванов вместе с бойцами похоронно-музыкальной команды ехал в апреле 1945 г. по улицам только что взятого штурмом Кёнигсберга! Вот что он вспоминал:

Высокая фигура на сером постаменте, что напротив сторовшего театра. Вздернутая вверх, побитая пулями голова. Свиток в руке. <...> А, тут надпись есть: «Шиллер». Шиллер? Неужели? Шиллера я еще до войны читал, в дедушкиной библиотеке был отличный том издательства Сойкина. «Не стреляйте, это свой!» — написано по-русски мелом с одной стороны постаumenta. «Нихт шиссен, дихтер!» — с другой. И еще, по трафарету, белой краской: «Здесь первыми прошли гвардейцы полковника Толстикова». Ну, эти гвардейцы! Кажется, я уже в третий или четвертый раз вижу эту надпись, пока мы по Кёнигсбергу сегодня ехали [6, с. 40—41].

Лишь один эпизод в повести выдает принадлежность автора повести в прошлом к похоронной команде: «Гробов не было, да и негде было найти столько досок, чтобы сколотить гробы, и трупы, завернув в плащ-палатки, положили в длинные широкие ящики из-под снарядов для шестиствольных минометов. Молчаливые, изнуренные боями солдаты сносили ящики в глубокий ров и составляли их там, один на другой длинными рядами» [4, №149].

Но все же главное для автора — преодоление взаимной ненависти, разделившей в годы войны русский и немецкий народы. Валера Волков рвется в Кёнигсберг со страстным желанием отомстить за те страдания, которые немецкие солдаты причинили его стране [4, №129]. Но вскоре он (а с ним и Юра Иванов) понимает, что жители города — такие же жертвы этой войны, как и он сам.

Что же все-таки произошло с ним? Все годы войны он ждал мести. <...> Ну почему, почему люди воюют?! Ну как сделать так, чтобы больше никогда не было войн?.. Да-да, вот что очень важно: нужно добиться, чтобы больше никогда не было войн! [4, №153].

«Виллис» помчался по Лавскер Аллее, а с низкого неба лениво посыпались пушистые снежинки, как будто природа хотела скрыть под снегом еще дымящиеся воронки от снарядов, горячие остовы взорванных боевых машин и розовые лужицы, видневшиеся там и сям на тротуарах, лужицы чьей-то крови, теперь уже никому и неизвестно чьей: русской или немецкой [4, №152].

Используя воспоминания своей юности, автор повести рисует картину прифронтового Кёнигсберга — такого, каким он видел этот город в апреле 1945 года. Форт №5, у стен которого убитые немецкие солдаты «закусывают» свой «собачий жетон» (незадолго до начала публикации повести в мае 1973 года здесь был торжественно открыт мемориальный комплекс в честь штурмовавших форт советских воинов [3]), здание бывшего провинциального финансового управления, башню стадиона «Балтика», памятник Шиллеру и фигуры борющихся зубров на проспекте Мира, бывшее здание провинциального суда (в 1973 году — корпус Калининградского технического института) рядом с ними, здание Северного вокзала, кирху памяти королевы Луизы, водонапорную башню на Советском проспекте — все эти здания и памятники, на фоне которых разворачивается действие повести, были хорошо знакомы калининградцам. Они создавали необходимый для места действия повести «немецкий» колорит, погружавший читателей

в то время. И читатели повести не могли не соотносить эти зарисовки с современным им Калининградом. Это было формой художественного познания истории Кёнигсберга.

Еще в мае 1972 года Ю. Н. Иванов подал в Калининградское книжное издательство заявку на два романа — «Осада» (посвященный блокаде Ленинграда) и «Штурм» («это вторая книга романа о жизни и военных приключениях ленинградского мальчишки Валерки Волкова, это книга о штурме Кёнигсберга, о последних днях столицы Восточной Пруссии» [1, д. 56, л. 24]). В аннотации он уточнял: «И первая, и вторая книги романа в большой степени основаны на личных впечатлениях автора, участника ленинградской блокады и штурма Кёнигсберга, объединены они сквозным сюжетом, но вместе с тем каждая из книг имеет свое самостоятельное, законченное значение» [1, д. 56, л. 24]. Повесть «В осажденном городе» автор считал газетным вариантом «Штурма» [1, д. 56, л. 25]. Но художественный текст, создаваемый автором на основе увиденного и пережитого, позволяет ему не только вновь погрузиться в прошлое и заново пережить его. Он дает возможность это прошлое переписать, изменить так, как этого хочется автору. Так подросток Юра Иванов, который «прокопал почти всю Восточную Пруссию от литовской границы, Вирбалиса, до Кёнигсберга: был "вторым малым барабаном" в музыкально-похоронной команде» [1, д. 23, л. 25 об.] превращается в юного разведчика Валеру Волкова. Теперь он не копает братские могилы и не укладывает в них тела погибших бойцов, а с риском для жизни проникает в тыл врага и доставляет оттуда советскому командованию важные сведения. Валера Волков — это тот, кем автор повести хотел быть, но кем ему было не суждено стать.

Список литературы

1. Государственный архив Калининградской области. Ф. Р-1183, Оп. 1.
2. Гаврилов В. Н. Танкисты шли впереди // Янтарный край. 2000. 28 янв.
3. Здоров А. Во имя жизни // Калининградская правда. 1973. 11 мая.
4. Иванов Ю. Н. В осажденном городе // Калининградский комсомолец. 1973. 21 сентября — 23 декабря. № 114—152.
5. Иванов Ю. Н. Пятая версия: исчезнувшие сокровища. Поиск. Факты и предположения. М., 1989.
6. Иванов Ю. Н. Танцы в крематории. Калининград, 2006.
7. Перетьяка Н. П. Причалы Юрия Иванова. М., 2016.
8. Lasch O. So fiel Königsberg. Stuttgart, 1976.

Об авторе

Новиков Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Калининградский областной историко-художественный музей, Россия.

E-mail: novic-80@rambler.ru

Для цитирования:

Новиков А. С. Фронтовые воспоминания юности в творчестве Ю. Н. Иванова (на примере повести «В осажденном городе») // Слово.ру: Балтийский акцент. 2017. Т. 8, № 2. С. 30–40. doi: 10.5922/2225-5346-2017-2-3.

BATTLEFIELD MEMORIES OF THE YOUTH IN Y. N. IVANOV'S OEUVRE: THE NOVEL IN A BESIEGED CITY

A. S. Novikov¹

¹ Kaliningrad Regional Museum of History and Art,
21 Klinicheskaja Str., Kaliningrad, 236006, Russia

Submitted on May 10, 2017

This article analyses Yu. N. Ivanov's novel In a Besieged City, which was inspired by the author's battlefield memories. Yu. N. Ivanov pictures the city as he saw it in April 1945. It is shown how descriptions of the works of architecture and art contribute to the artistic understanding of the history of Königsberg. The literary text based on what the author saw and experienced helps him to not only immerse himself in the past and relive it but also rewrite the past and change it to fit his concept of it.

Ключевые слова: Восточная Пруссия, штурм Кенигсберга, Ю. Н. Иванов, краеведение.

References

1. Gosudarstvennyi arkhiv Kaliningradskoi oblasti (GAKO) [State Archive of the Kaliningrad region], F. R-1183, aids 1.
2. Gavrilov, V. N., 2000. Tankmen went ahead. *Yantarnyi kraj* [Amber region], 28 yanvarya.
3. Zdorov, A., 1973. In the name of life. *Kaliningradskaya Pravda* [Kaliningrad truth], 11 maya.
4. Ivanov, Yu. N., 1973. In the besieged city. *Kaliningradskii komsomolets* [Kaliningrad Komsomolets], 114–152.

5. Ivanov, Yu.N., 1989. *Pyataya versiya: ischeznuvshie sokrovishcha. Poisk. Fakty i predpolozheniya* [The fifth version: the disappeared treasure. Search. Facts and Assumptions]. Moscow.
6. Ivanov, Yu.N., 2006. *Tantsy v krematorii* [Dances in the crematorium]. Kaliningrad.
7. Peretyaka, N.P., 2016. *Prichaly Yuriya Ivanova* [Berths of Yuri Ivanov]. Moscow.
8. Lasch, O., 1976. *So fiel Königsberg*. Stuttgart.

The author

Dr Alexander S. Novikov, Senior Research Fellow, Kaliningrad Regional Museum of History and Art, Russia.

E-mail: novic-80@rambler.ru

To cite this article:

Novikov A.S. 2017, Battlefield memories of the youth in Yu.N. Ivanov's oeuvre: The novel *In a besieged ci*, *Slovo.ru: baltijskij accent*, Vol. 8, no. 2, p. 30–40. doi: 10.5922/2225-5346-2017-2-3.

**ЭКЗИСТЕНЦИЯ ГЕРОЯ
В ТОПОСФЕРЕ КЁНИГСБЕРГА/КАЛИНИНГРАДА
(«ТАНЦЫ В КРЕМАТОРИИ» Ю. Н. ИВАНОВА
И «ЗАКАТ КЁНИГСБЕРГА» М. ВИКА)**

В. В. Малащенко¹

На основе компаративного анализа исследуется экзистенция главных героев в топосфере Кёнигсберга/Калининграда романа-хроники Ю.Н. Иванова и мемуаров М. Вика. Произведения объединяют явные типологические конвергенции: идейно-тематическая общность, общих комплекс мотивов, топосов/локусов, значимые текстуальные совпадения. Устанавливается, что проблема экзистенции главных героев решается писателями по-разному: у Ю.Н. Иванова топос города в рецепции героя маркирован надеждой-жизнью, у героя М. Вика – трагическим разочарованием-смертью города.

***Ключевые слова:** Ю.Н. Иванов, М. Вик, Кёнигсберг, Калининград, топосфера, типологические конвергенции.*

Основополагающие этические категории добра и зла, свободы и необходимости, смысла человеческой жизни всегда ставили и ставят мыслящего человека в состояние осознанного нравственного выбора. Именно человек является полем драматической борьбы между добром и злом, нравственностью и безнравственностью и, в конечном итоге, между Богом и дьяволом. Как отмечает Николай Бердяев, сама «история в высшей степени драматична, поэтому в ней постоянно происходит столкновение и борьба царства Духа и царства Кесаря, которое имеет тенденцию быть царством тоталитарным. Одинаково ложно видеть повсюду в жизни мира торжество злой, дьявольской силы и видеть прогрессирующее раскрытие и торжество божьей доброй силы» [1, с. 300–301]. Свобода выбора, человеческая свобода вообще невозможна вне коммуникации с окружающим миром. В драматических,

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 24.04.2017 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2017-2-4

© Малащенко В. В., 2017

трагических, пограничных ситуациях, в которых оказывается человек, проблема его экзистенции и осознанного выбора возникает во всей своей полноте. По мысли Карла Ясперса, «человек — единственное существо в мире, которому в его наличном бытии открывается бытие» [6, с. 455]. Только испытав на себе негативное влияние, например тоталитарной политики, националистической идеологии, расовых теорий общества, пережив какую-либо из пограничных ситуаций, смерти, вины, страдания, борьбы за жизнь, неизлечимой болезни, человек может открыть для себя метафизический, трансцендентный мир, связанный с ним самим. Постигание смысла жизни и «тайны мира в человеческом существовании возможно лишь потому, что человек есть микрокосм и микротеос» [1, с. 184—185]. Как совершенно точно отмечает П.П. Гайденко, «лишь знаки трансцендентного, обнаруженные в этом имманентном мире, могут осветить новым смыслом человеческую экзистенцию, указав в то же время всю глубину и значимость экзистенциального общения с другими (другим) — перед лицом трансцендентного» [3, с. 18].

Русский писатель Юрий Николаевич Иванов (1928—1994) и немецкий музыкант, писатель еврейского происхождения Михаэль Вик (род. в 1928) волею судьбы и агрессивной внешней политики Германии, развязавшей Вторую мировую войну, оказались поставлены в пограничную *ситуацию* (замечу, знаковую в анализе человеческой экзистенции у К. Ясперса) жизни и смерти, свободы и необходимости, смысла человеческой жизни с неизбежным в таком случае обращением к трансцендентальному началу, к Богу. Обращением к Богу как коммуниста Юрия Иванова и верующего, но не ортодоксального еврея Михаэля Вика, так и главных героев их произведений. В главе «Бомбардировки Кёнигсберга» Вик пишет: «Возможность внезапной смерти — знакомое мне состояние, с ним я давно свыкся, а раз ни на "когда", ни на "как" повлиять невозможно, мысль о том, что "смерть моя в руках Божьих", стала частью моего естества, моим панцирем» [2, с. 137].

Односторонняя идеологическая позиция официальных властей нашей страны долгое время не могла допустить, чтобы эти идеологически «вредные» и «опасные» произведения двух писателей были изданы в России.

Роман-хроника «Танцы в крематории: десять эпизодов кёнигсбергской жизни» написан Ю. Ивановым в 1993 году, а издан в 2006-м (2-е издание — 2015), мемуары «Закат Кёнигсберга: свидетельство немецкого еврея» изданы М. Виком в Германии в 1988 году, а переведены и изда-

ны на русском в 2004-м (2-е издание — 2015). Сегодня, к счастью, время и идеология изменились, несмотря на то, что отдельные ее агрессивно-ортодоксальные проявления периодически напоминают о себе.

Мы не ставим своей целью подробно исследовать поэтику этих двух текстов. Справедливости ради отметим, что роман-хроника Ю.Н. Иванова не является вершиной творчества писателя. В центре нашего интереса — экзистенция главных героев в топосфере Кёнигсберга/Калининграда в романе-хронике Ю. Иванова и мемуарах М. Вика. Оба произведения имеют *явные типологические схождения* при всем их семантическом и ином различии.

В центре произведений авторов — трагические судьбы двух 17-летних юношей из интеллигентских семей: русского солдата Володи Волкова, родившегося в Ленинграде, военного могильщика, барабанщика (2-й малый барабан) из музыкально-похоронной команды и немецкого еврея Михаэля Вика, родившегося в Кёнигсберге, который так же, как и герой Иванова, с приходом в город русских солдат по их приказу выполнял аналогичную работу — отыскивал и хоронил трупы немцев. Володя оказался в Кёнигсберге в апреле 1945 года вместе с частями Красной Армии, а Вик — постоянный житель Кёнигсберга, испытавший на себе политику расовой «выбраковки» евреев в Германии, переживший падение и захват Кёнигсберга Красной Армией. Герои попадают в «жернова» истории, их судьбы обожжены войной настолько сильно, что их память не может освободиться от прошлого и спустя многие годы. Два мальчика, верящие в добро и лицом к лицу столкнувшиеся со злом, но не побежденные им.

Близки эти автобиографические произведения и на *идейно-композиционном уровне*. Они представляют собой фрагментарные воспоминания главных героев, взрослых людей, память которых постоянно возвращает их к поре юности. Не в силах удерживать эти прошлые события в памяти, Ю. Иванов и М. Вик творчески «освобождаются» от них, один — автобиографическим романом-хроникой, другой — мемуарами.

На принципе фрагментарности строится внешняя и внутренняя структура обоих произведений. Роман Ю. Иванова состоит из предисловия и 10 глав-эпизодов. Мемуары Вика включают пролог, 34 главы-эпизода и 4 приложения («К седьмому немецкому изданию», «Отзывы читателей», «Письмо», «Путевой отчет»). Иванов и Вик выбирают особенно яркие воспоминания предвоенной и военной поры и, словно мозаику, складывают их в целостную картину. Как пишет Вик в главе «Фрагменты», «рассказы о пережитом — всегда результат отбора. Помимо событий, которые легко упорядочить, существуют такие, что не

поддаются расстановке в строгой временной последовательности и напоминают фрагменты сложной головоломки. Таковы многие детали моей трехлетней "русской мозаики": не слишком важно, когда именно произошли события, о которых я теперь вспоминаю» [2, с. 279].

Топосферу Кёнигсберга уже в заглавии у Вика и Иванова изначально задает топоним Кёнигсберг, поставленный авторами в сильную позицию. Кроме того, вынесенные в названия глав-эпизодов *урбанионимы* (*городские хоронимы*) «подключают» и уже на эксплицитном уровне формируют особую топосферу Кёнигсберга/Калининграда. В романе Иванова это 4 главы: «Танцы в крематории», «Четыре головы» (Бургшуле), «Свидание на кладбище», «Мертвый город». В мемуарах М. Вика это 11 глав: «Нидден», «Школа немецкая», «Школа еврейская», «Столярная мастерская», «Химическая фабрика "Гамм и сын"», «Бомбардировка Кёнигсберга», «Осада Кёнигсберга», «"Кладбище" Кёнигсберг», «Концлагерь Ротенштайн», «Больница "Милосердие"» и, отдельно, «Берлин». Топос Кёнигсберга в структуре произведений Иванова и Вика кодирует особый символический хронотоп, связанный с судьбами немцев и русских, трагически преломленными в глобальной исторической катастрофе Второй мировой войны. Этот аспект очень точно подчеркивает В.Х. Гильманов: «Кёнигсберг, субстанционально сгинувший в трагических перипетиях истории, поистине уникален в своей знаковой эмблематике: она отражает перманентный катастрофизм человеческой истории, в которой все яснее просматриваются признаки трагической неспособности человека разрешить основополагающие экзистенциальные вопросы» [4, с. 3].

Хронотопы романов маркированы двумя временными пластами. В романе «Танцы в крематории: десять эпизодов кёнигсбергской жизни» Юрия Иванова хронотоп охватывает настоящее время — период 1990-х годов и прошлое — 1945—1947/1948 годов, с экскурсами-воспоминаниями героя о блокадном Ленинграде, последовательно сменяющимися друг друга в главах-эпизодах.

В «Закате Кёнигсберга» М. Вика тоже два хронотопа: прошлое — период с раннего детства героя до отъезда из Кёнигсберга в Германию семьи Виков весной 1948 года с незначительными подключениями настоящего времени и настоящее — дальнейшая судьба и карьера Михаэля-музыканта.

Топос произведений Иванова и Вика максимально насыщен урбанионимами — агоронимами, годонимами и городскими хоронимами и, отчасти, гидронимами, создающими драматически-трагическую топосферу разрушенного Кёнигсберга/Калининграда. В ней преломляются в трагическом ключе судьбы Володи Волкова и, особенно, Михаэля,

вынужденного ради выживания работать по 12 часов в день, заниматься воровством у русских, бороться с голодом, холодом, болезнями и в большей степени негативным отношением к нему и оставшемуся гражданскому населению Кёнигсберга русских солдат. Оба героя жили в одном районе Кёнигсберга — Амалиенау (Октябрьский район).

Основные урбанонимы в романе Иванова: *годонимы* — Лавскер Аллея (проспект Победы), Штеффекштрассе (ул. Лейтенанта Катина) — адреса квартир, в которых жил герой, Адальбертштрассе (ул. Марины Расковой), Альте-Пиллауер-Ландштрассе (ул. Дмитрия Донского), Кранцер Аллея (ул. А. Невского) и др.; *агоронимы* — Адольф-Гитлер-Плац (площадь Трех Маршалов/Победы); *городские хоронимы* — кирха Св. Адальберта, Юдиттен-кирха, кирха Королевы Луизы, Кафедральный собор, замок, Хауптбанхоф (главный вокзал), Нордбанхоф (Северный вокзал), Тиргартен (зоопарк), плац Эриха Коха (стадион «Балтика»), Бургшуле (гимназия №1), крематорий, военный госпиталь, биржа; *гидронимы* — река Прегель (*потамоним*), *инсулоним* — остров и район Кнайпхоф.

Основные урбанонимы в мемуарах Вика: *годонимы* — Штайнметцштрассе (ул. Степана Разина), Шрёттерштрассе (ул. Красная) — адреса квартир, в которых жил герой, Бетховенштрассе (ул. Кирова), Гольтцаллее (ул. Гостиная — квартира матери Вика), Альте-Пиллауер-Ландштрассе (ул. Дмитрия Донского), Луизеналлее (ул. Комсомольская), Хаммервег (просп. Мира) и др.; *агоронимы* — Парадеплац (Университетская площадь); *городские хоронимы* — Луизенваль (территория Центрального парка), Немецкая школа, Еврейская школа, Университет, книжный магазин «Грефе унд Унцер», синагога, Кёнигсбергская опера, кирха Королевы Луизы, еврейский сиротский приют и др.; *гидронимы* — река Прегель (*потамоним*), Замоквый пруд (Нижнее озеро) (*лимноним*), *инсулоним* — остров и район Кнайпхоф.

Все эти многочисленные топонимы создают в пространстве текстов двух авторов *замкнутый хронотоп* разрушенного войной и сгоревшего в ходе артобстрела английской авиации в августе 1944 года и штурма Красной Армией «мертвого» города Кёнигсберга/Калининграда, в котором живут главные и второстепенные герои произведений. Они проходят через первую любовь, дружбу, но и разлуку, воровство, первую смерть, первое предательство. Учатся преодолевать невероятные трудности и испытания, выпавшие на их судьбу. Более ровно проходит через испытания Володя Волков, более трагична судьба Михаэля, вначале притесняемого нацистами за свое еврейское происхождение, а затем русскими за то, что он немец.

В мемуарах Вика правдиво описываются отдельные случаи жестокого отношения русских солдат к немецким военным, пленным и гражданскому населению. Однако Вик неоднократно описывает и положительные стороны русских солдат и офицеров – милосердие, сочувствие, доброту, бескорыстность, порядочность. Он оправдывает их поступки мстью за зверства фашистов в этой войне, считая поведение русских солдат следствием, а не причиной насилия. Вик пишет о русских, что «следовало бы, однако, почаще вспоминать о том, что их объявили недочеловеками, что на них вероломно напали и что их страну разорили. Каждый русский нес в своем сердце боль за миллионы павших в бою, умерших от голода, за убитых родственников или знакомых» [2, с. 228].

Вик обвиняет Гитлера за развязанную им войну и немцев, поддавшихся идеологической пропаганде национал-социализма, он выносит приговор коменданту Кёнигсберга Отто Ляшу за затягивание процесса капитуляции, приводит архивные документы о зверствах фашистов в отношении евреев. Вик сожалеет, что до сих пор «в Германии не состоялось честного обсуждения проблемы вины» [2, с. 198].

Экзистенция героев в произведениях Ю. Иванова и М. Вика схожа в подходе авторов к изображению и постепенному формированию стойкого внутреннего мира героев и их духа. Изначально эта стойкость была заложена в героях интеллигентными отношениями и нравственными нормами в семьях их родителей, а далее она оформилась в той пограничной ситуации, в которой оказались Володя и Михаэль. На их жизнь повлияли также книги, музыка, самостоятельный поиск смысла жизни и путь к Богу. В самом начале романа Володя Воронов рассуждает: «А вот с Богом можно было разговаривать, о чем-то просить его, о чем-то с ним советоваться. Это оказалось так удобно! Ведь он в ответ молчал, и возникало ощущение, что он слушает тебя, что он в чем-то тебе помогает...» [5, с. 6].

Оба автора, каждый по своему, рассуждают о сложных взаимоотношениях русских и немцев в послевоенном Калининграде/Кёнигсберге, о пагубности тоталитарных режимов и расовой ненависти. И оба приходят к выводу о том, что «это никогда не должно повториться» [2, с. 325]. Добро, человеческое, гуманное, духовное начало должно побеждать зло!

В воспоминаниях Вика *мотив неприкаянности, изгнанничества, утраты родины* постепенно вытесняется его главным делом – занятием музыкой, которая и стала для него обретенным домом и желанной родиной.

А в романе Ю. Иванова неоднократно возникает устойчивый *символический мотив*, знаковый символический образ парящего над мерт-

вым городом Христа, оберегающего Кёнигсберг, — подвешенный к потолку на цепи деревянный Иисус Христос, пробитый осколками и раскачивающийся на сквозняке в наполовину разрушенной католической капелле Св. Адалберта в районе Амалиенау, которую по ошибке Ю. Иванов называет Альбрехт-кирхой. «Вначале мы отправились по Лавскер Аллее к Альбрехт-кирхе, где все так же будто летел на своем кресте, парил в воздухе над пустынной заснеженной улицей, над ледяным Кёнигсбергом Иисус Христос. Кто-то надел на него рубаху, только задом наперед, разрезом на спину, и примотал рубаху к телу. Голые, скорченные от мороза ноги с большущими, словно распухшими, ступнями торчали из-под нее..» [5, с. 356]. И еще одна важная деталь. В топосфере Кёнигсберга/Калининграда произошло единение экзистенций героев и авторов произведений. Вик пишет: «Председатель местного фонда культуры Иванов рассказывает, что хорошо помнит, как в 1947 году на танцах я играл на скрипке, а он танцевал» [2, с. 342]. Подчеркнем, что оба произведения объединяет общая авторская интенция — гуманистическое отношение к человеку и миру.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Царство духа и царство кесаря. М., 1995.
2. Вик М. Закат Кёнигсберга. Свидетельство немецкого еврея. СПб. ; Потсдам, 2004.
3. Гайденко П. П. Человек и история в экзистенциальной философии Карла Ясперса // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994. С. 5–26.
4. Гильманов В. Х. Проблемы региональной литературы: «кёнигсбергский текст» как предмет художественного опыта : учеб. пособие. Калининград, 2010.
5. Иванов Ю. Н. Танцы в крематории: десять эпизодов кёнигсбергской жизни. Калининград, 2015.
6. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994.

Об авторе

Малащенко Владимир Владимирович, кандидат филологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.
E-mail: vladmalkbg@yandex.ru

Для цитирования:

Малащенко В. В. Экзистенция героя в топосфере Кёнигсберга/Калининграда («Танцы в крематории» Ю. Н. Иванова и «Закат Кёнигсберга» М. Вика) // Слово.ру: балтийский акцент. 2017. Т. 8, № 2. С. 41–49. doi: 10.5922/2225-5346-2017-2-4.

CHARACTER'S EXISTENCE
IN THE KÖNIGSBERG/KALININGRAD TOPOSPHERE:
Yu. N. IVANOV'S DANCES IN THE CREMATORIUM
AND MICHAEL WIECK'S THE DECLINE OF KÖNIGSBERG

V. V. Malashchenko¹

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University,
14 A. Nevski Str., Kaliningrad, 236041, Russia

Submitted on April 24, 2017

A comparative analysis of the existence of the main characters in Yuri Ivanov's Dances in the Crematorium and Michael Wieck's The Decline of Königsberg demonstrates clear typological convergences. The common toposphere is Königsberg/Kaliningrad, which incorporates a wide range of toponym types and subtypes – the district of Amalienau, Hufen-Allee, Alte Pillauer Landstraße, Paradeplatz, Nordbahnhof, Tiergarten, Luisenwahl, Kneiphof, Pregel, Schlossteich to name just a few. The urbanonyms denoting the main characters' places of residence are Lawsker Allee and Steffekstraße (Ivanov) and Steinmetzstraße (Wieck). The works share common themes – memory, faith, physical constraints, the freedom of human spirit, moral and amorality, personal and collective responsibility, and the evil of totalitarian regimes and racial hatred. The analysis shows common motifs in the works, those of destiny, desperate situations, ordeals, and suffering. The texts have a similar structure combining reminiscences of the main characters with interactions between the past and the present. However, the two authors approach the problem of the existence of the main characters differently. Ivanov's character associates the topos of the city with life and hope while Wieck's character – with death and disillusionment. Nevertheless, both texts convey the authors' humanistic attitude to the human being and the world.

Key words: Yuri Ivanov, Michael Wieck, Königsberg, Kaliningrad, toposphere, typological convergences.

References

1. Berdyaev, N. A., 1995. *Tsarstvo dukha i tsarstvo kesarya* [The Kingdom of Spirit and the Kingdom of Caesar]. Moscow.
2. Vik, M., 2004. *Zakat Kenigsberga. Svidetel'stvo nemetskogo evreya* [Sunset of Koenigsberg. Evidence of a German Jew]. St. Petersburg; Potsdam.
3. Gaidenko, P. P., 1994. Man and history in the existential philosophy of Karl Jaspers. In: Yaspers, K. *Smysl i naznachenie istorii* [Meaning and purpose of history]. Moscow. pp. 5–26.
4. Gil'manov, V. Kh., 2010. *Problemy regional'noi literatury: «kenigsbergskii tekst» kak predmet khudozhestvennogo opyta: uchebnoe posobie* [Problems of regional literature: the "Koenigsberg text" as a subject of artistic experience: a textbook]. Kaliningrad.

5. Ivanov, Yu. N., 2015. *Tantsy v krematorii: desyat' epizodov kenigsbergskoi zhizni* [Dances in crematorium: ten episodes of Koenigsberg life]. Kaliningrad.
6. Yaspers, K., 1994. *Smysl i naznachenie istorii* [Meaning and purpose of history]. Moscow.

The author

Dr Vladimir V. Malashchenko, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: vladmalkbg@yandex.ru

To cite this article:

Malashchenko V. V. 2017, Character's existence in the Königsberg/Kaliningrad toposphere: Yu. N Ivanov's *Dances in the Crematorium* and Michael Wieck's *The Decline of Königsberg*, *Slovo.ru: baltijskij accent*, Vol. 8, no. 2, p. 41–49. doi: 10.5922/2225-5346-2017-2-4.

**КРЫМ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ
АКАДЕМИКА Б. Д. ГРЕКОВА**

Ю. В. Кривошеев¹

Особое место в биографии выдающегося отечественного ученого-историка, академика Бориса Дмитриевича Грекова занимает Крым. На протяжении многих лет Крым стал для него местом работы и отдыха и объектом историко-научного внимания. Иногда эти годы были творчески плодотворными, а подчас полными драматических событий и их последствий. В статье на основе архивных и опубликованных источников предпринимается попытка рассмотреть этапы и эпизоды жизни и творчества ученого, связанные с его пребыванием в Крыму.

Ключевые слова: Б.Д. Греков, Крым, история Крыма, отечественная историческая наука.

Выдающийся русский советский историк Борис Дмитриевич Греков (1882—1953) родился в Малороссии (в знаменитом гоголевском Миргороде), учился в Варшаве и Петрограде. Занимался научной и преподавательской деятельностью в Санкт-Петербурге — Петрограде — Ленинграде, Перми, Симферополе, Москве [9, с. 4—119; 3, с. 3—196]. Особое место в его биографии занимает Крым, ставший для ученого местом и работы, и отдыха и объектом историко-научного внимания. Вместе с тем Крым оставил и сомнительный шлейф в его биографии, тянувшийся за ним в течение нескольких десятилетий.

Одно из писем Б.Д. Грекова Д.М. Петрушевскому (от 11 июня 1915 года) имеет крымский обратный адрес: «Алушта. Профессорский уголок. Дача Магденко». Здесь Б.Д. Греков не только отдыхал, но и работал. «Кое-что успел уже здесь сделать: написал маленькое исследование по источникам, вывезенным мною из Тихвинского монастыря...

¹ Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, Санкт-Петербург,

Университетская набережная, 7—9.

Поступила в редакцию 28.04.2017 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2017-2-5

© Кривошеев Ю. В., 2017

Получилась статейка под заголовком "Посад Тихвинского Большого монастыря в XVI—XVII вв."... Хочется еще что-нибудь сделать тут для "Русской мысли"» [3, с. 207]².

Об этой же статье оттуда же несколькими днями ранее он писал другому своему респонденту С.Д. Шереметеву. «На досуге я здесь успел уже и поработать. Написал и послал владыке (Новгородскому. — Ю.К.) Арсению в его журнал статью "Посад Тихвинского Большого монастыря в XVI—XVII вв."». Кроме того, он сообщает: «Пишу рецензию на последний выпуск "Старины и новизны" для "Русской мысли" и для нее же готовлю статью о Новгородской Св. Софии. В популярной форме излагаю свою книжку с прибавлением некоторых новых своих наблюдений» [2, с. 83, прим. 5]³.

А через месяц, 3 июля, он отписывает С.Д. Шереметеву, что «от владыки Арсения получил хорошее письмо», и «между прочим» сетует, что со слов того же Арсения, «журнал не печатается по общим причинам, вероятно нет бумаги. Следовательно, и моя статья не скоро будет набрана». И в конце признается: «Предложенной статьи для "Русской мысли" не сделал: жара страшная и леность тропическая» [2, с. 83, прим. 5].

В 1918 году Б.Д. Греков вновь, и не по своей воле, оказывается в Крыму. Тому предшествовали следующие события. Осенью 1916 года столичный петроградский быт и университетские занятия прерываются направлением в далекую и холодную Пермь, где было открыто отделение Петроградского университета⁴. Но «бурные события в Перми в мае-июне 1918 года заставили Грекова в одночасье, ночью, без вещей, в чужом тулупе покинуть город на поезде: его предупредили, что захватившими Пермь красными он был включен в список заложников. Его товарищем по путешествию, как и по преподаванию в Пермском университете, был... Георгий Владимирович Вернадский. Поехал в никуда и в конце концов оказался в Симферополе, в Таврическом университете», — писала о произошедших событиях биограф Б.Д. Грекова Н.А. Горская. Она правомерно связывает это с постоянным проживанием в Крыму его сестры Александры [3, с. 56].

² Письма Б.Д. Грекова Д.М. Петрушевскому и Петрушевского Грекову в научный оборот ввела Н.А. Горская [3, с. 197—252].

³ В 1914 году в «Записках Историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета» Б.Д. Греков издал фундаментальный труд «Новгородский дом Святой Софии. (Опыт изучения организации и внутренних отношений церковной вотчины). Ч. 1».

⁴ О пребывании Б.Д. Грекова в Перми подробно см.: [3, с. 43—48, 56].

Сам Б. Д. Греков в автобиографии, написанной в 1929 году, так поясняет мотивы, поставившие его перед необходимостью остаться в Крыму на несколько лет: получив полагавшийся годичный отпуск, «этот год 1918-[19]19 я предполагал употребить для своих научных занятий в Москве и Петрограде. Предварительно решил поехать в Крым для лечения ревматизма, но был отрезан начавшимся на Украине движением. Мое пребывание в Крыму совпало там с организацией Университета, к чему привлечен был и я, где и занимал кафедру русской истории и исполнял обязанности декана факультета до 1920 г., когда появилась возможность возвращения в Петроград» [3, с. 56]. С. Б. Филимонов, написавший ряд статей и очерков о нахождении Б. Д. Грекова в Крыму в 1918–1921 годах, на основе биографической справки, обнаруженной им в ГАРФ, добавляет небезытересную деталь: «В августе 1918 года Университетом Св. Владимира (г. Киев) 36-летний Б. Д. Греков был избран исполняющим должность ординарного профессора по кафедре русской истории Таврического университета» [15, с. 141; 16, с. 210].

Нахождение Б. Д. Грекова в Крыму до последнего времени было малоизвестной страницей его биографии⁵ и вызывает у современных историков определенный интерес в связи с его сотрудничеством с «белым движением» [3, с. 56–57; 8, с. 654; 14, с. 23–24, 40–41; 15, с. 140–172; 16, с. 209–240]. Некоторый свет проливают факты, приведенные в последние два десятилетия: в монографии его поздней ученицы — Н. А. Горской, в ценных наблюдениях, дополнениях и уточнениях крымского историка С. Б. Филимонова, а также А. А. Формозова и А. М. Дубровского.

Вследствие важности для нашей темы приведем большую цитату из книги Н. А. Горской.

В армии Врангеля Греков никогда не служил, но был среди профессуры Таврического университета (в деятельности которого он принимал активное участие и как декан исторического факультета), приветствовавшей Врангеля после его вступления в Крым, и даже был делегирован ею выступить с несколькими приветственными фразами от ее имени.

⁵ В советское время было принято изображать «крымские страницы» биографии Б. Д. Грекова в пасторальных тонах. «Исторические памятники и природа Крыма произвели на него большое впечатление, — писал, например, В. В. Мавродин, — и в течение ряда лет впоследствии Борис Дмитриевич летом посещал Севастополь, Херсонес, Симферополь» [11, с. 5].

Далее биограф ссылается на рассказ историка А. И. Клибанова, бывшего в близких отношениях с Б. Д. Грековым.

Как рассказывал сам Борис Дмитриевич А. И. Клибанову, приветствие никто заранее не готовил, его просто спонтанно выдвинули из толпы более осторожных коллег. Этот факт был запечатлен одной выходящей в Симферополе газетой в заметке о приеме, организованном Врангелем для интеллигенции Крыма... А. И. Клибанову Греков говорил, что где-то могла сохраниться фотография, на которой изображена профессура, подносившая Врангелю хлеб-соль [3, с. 84 – 85].

С. Б. Филимонов по-иному представляет ситуацию с участием Б. Д. Грекова. Он первым обратил внимание на материал, опубликованный в «Известиях Таврической ученой архивной комиссии» в одном из номеров за 1920 год, где сообщалось, что «24 сентября 1919 года на заседании ТУАК ее председатель А. И. Маркевич произнес речь», которая посвящалась пребыванию в Крыму А. И. Деникина.

Посещение нашей губернии Главнначальствующим военными силами на Юге России генералом А. И. Деникиным — важное событие в жизни нашего края... — говорил А. И. Маркевич. — Вождь Добровольческой армии генерал Деникин во время пребывания своего в Симферополе и других городах Крыма имел возможность убедиться в преданности местного населения России. Восторженная встреча его населением знаменует собою единодушное стремление к достижению нашего светлого идеала — Единой, Великой и Могучей России. Присовокупляю, что по предложению г. губернатора я и товарищ председателя Комиссии проф. Б. Д. Греков участвовали при встрече генерала А. И. Деникина и на обеде, данном ему Симферопольским городским управлением [15, с. 143 – 144; 16, с. 213].

А 27 сентября 1919 г. в газете «Таврический голос» сообщалось, что «25 сентября в "Метрополе" при переполненном зале с большим вниманием и интересом были выслушаны и имели успех речи, произнесенные проф. Грековым, ген.-лейт. Мошниным и Казминым». С. Б. Филимонов предполагает, что это все было звеньями одной цепи, ибо произносимые речи посвящались памяти организатора Добровольческой армии и ее Верховного руководителя генерала М. В. Алексева [15, с. 144; 16, с. 213 – 214].

«Как видим, — резюмирует С. Б. Филимонов, — то ли Б. Д. Греков запямятовал, то ли А. И. Клибанов, а вслед за ним и Н. А. Горская ошиблись, но Греков встречал не Врангеля, а Деникина, а речь его была посвящена не Врангелю, а памяти генерала Алексева. Впрочем,

для чекистов эти различия были бы, наверное, несущественными», — заканчивая, подчеркивает он, имея в виду уже привлечение Б. Д. Грекова к «Академическому делу» [15, с. 148, прим. 10; 16, с. 218, прим. 11].

Нечто среднее в решении рассматриваемого вопроса мы видим у А. А. Формозова, автора многочисленных работ по истории исторической науки. Он краток: «24 сентября 1919 г. на приеме в честь А. И. Деникина, посетившего П. Н. Врангеля, Греков от лица профессуры произнес речь о светлых рыцарях, борющихся против черной рати большевиков, опубликованную в газетах» (ссылка следует на те же «Известия ТУАК») [17, с. 174; 8, с. 654].

Как бы то ни было, нам необходимо констатировать: Б. Д. Греков был отнюдь не безучастным свидетелем событий в Крыму, однозначно поддерживая «белое движение» и его представителей. И здесь необходимо согласиться с С. Б. Филимоновым, писавшим, что «за участие в такого рода мероприятиях при Сталине можно было поплатиться не только карьерой, но и головой...» [15, с. 144; 16, с. 214]. Однако известно, что ни того, ни другого с Б. Д. Грековым не случилось.

Н. А. Горская пишет, что у Б. Д. Грекова во время нахождения в Крыму «1918–1920 гг. для научного творчества были потеряны» [3, с. 56].⁶ Не думаем, что уместна такая категоричность. Безусловно, «зарабатывать же на жизнь, в условиях всеобщей разрухи, приходилось по-всякому, даже шитьем сапог, в коем искусстве, по отзывам родных, он очень преуспел», равно как и в личной жизни [3, с. 57].

Вместе с тем, будучи в Крыму, Б. Д. Греков активно занимался научной и научно-организационной деятельностью. В последнее время благодаря С. Б. Филимонову вновь был введен в научный оборот ряд важных исследовательских работ Б. Д. Грекова. Таковой является, к примеру, опубликованная в 1919 году в «Известиях Таврического университета», но не учтенная в библиографических списках лекция «Назревший пересмотр некоторых общих понятий в исторической науке», произнесенная профессором Б. Д. Грековым на открытии Таврического университета⁷ 1(14) октября 1918 года. Лекция носила историографический и методологический характер и была посвящена, считает С. Б. Филимонов, «критике взглядов ряда ученых на проблемы

⁶ Такое впечатление складывается и при обращении к «Списку научных работ академика Б. Д. Грекова», в котором с 1917 по 1922 год значатся всего две его работы (*Академику* Борису Дмитриевичу Грекову в день его 70-летия. М., 1952. С. 22).

⁷ В 1920–1921 годах Б. Д. Греков был деканом историко-филологического факультета.

экономической истории феодальной России» [16, с. 211]. Однако тематика данной работы намного шире, ибо автор обращается к западно-европейской истории и историографии (К. Бюхер, В. Зомбарт, А. Допш). «Мы говорили сейчас об умирающих теориях, на смену которым идут новые побег мысли, — пишет, заканчивая статью Б.Д. Греков. — Мы отметили факт переходного момента, наступившего в нашей науке» [16, с. 229]⁸.

Безусловно, к этой статье примыкает и другая, опубликованная в университетской газете, — «Задачи университетского преподавания» [16, с. 237–239], квинтэссенцией которой является мысль, что «университет есть ученое и учебное учреждение. Преподаватели университета сами работают в науке и преподают каждый свою науку слушателям» [16, с. 237].

Наряду с профессорской и административной деятельностью в Таврическом университете Б.Д. Греков принимал активное участие в работе Таврической ученой архивной комиссии (ТУАК) вначале в качестве ее члена, а затем товарища (заместителя) председателя. Известны его речи, произнесенные в честь ряда русских историков, его современников: А.С. Лаппо-Данилевского, М.А. Дьяконова, С.Ф. Платонова⁹, С.Д. Шереметева [16, с. 212]¹⁰.

Кроме того, как отмечает Н.А. Горская, Б.Д. Греков, будучи в Крыму, продолжал последовательно вести начатую по предложению Исторической комиссии Академии наук еще до революции работу по составлению словаря юридических и экономических терминов [3, с. 59]¹¹.

⁸ В 1918 году при участии Б.Д. Грекова Таврическим университетом издается «Русская правда» — важнейший источник изучения древнерусской истории.

⁹ «Обширная речь» Б.Д. Грекова о С.Ф. Платонове, равно как и ряда других деятелей науки и культуры, находившихся в то время в Крыму, была произнесена на заседании ТУАК 1(14) ноября 1919 года по случаю «скорбной вести о кончине в Петрограде академика С.Ф. Платонова». Б.Д. Греков «дал обозрение всей ученой и литературной деятельности С.Ф. Платонова, его трудов и ученых заслуг». Позже выяснилось, что информация была ошибочной (подробнее см.: [16, с. 339–341]).

¹⁰ Доклад Б.Д. Грекова «Ученая и учебная деятельность А.С. Лаппо-Данилевского» был также опубликован (*Известия ТУАК*. 1919. №56. С. 146–156).

¹¹ Биограф приводит «прямо-таки детективные обстоятельства» в связи с пропажей карточек для составления этого словаря. «Пакет весом в 12 фунтов» с карточками из Крымского университета должен был передать «организатору работы профессору Б.Д. Грекову» сотрудник словаря некто М.М. Бересневич, но «пакет исчез бесследно» [3, с. 59].

Необходимо также отметить, что в 1919 году по инициативе Б.Д. Грекова был учрежден Крымский центральный архив и он стал его заведующим. При нем «архив развивает энергичную деятельность: командировывает сотрудников на места с целью выяснения общего состояния архивного дела в Крыму, собирает и описывает материалы ликвидированных учреждений, организует уездные отделения Крымцентрархива» [16, с. 214–215].

Таким образом, является несомненным, что Б.Д. Греков, занимая активную научную и научно-организационную позицию, приобщил научное сообщество Крыма к достижениям «петербургской» и «московской» исторических школ, своими выступлениями и работами привнес культуру классического и современного научного исторического исследования.

Через некоторое время перед Б.Д. Грековым и его женой (в Крыму в 1919 году он сочетался браком с Т.М. Филатовой-Быковой, вдовой, имевшей 6-летнюю дочь) [16, с. 218, прим. 17]¹² возникла дилемма: «Они решали главный тогда вопрос – уехать, бежать из России или остаться, и навсегда запомнили тот последний ноябрьский день 1920 г., когда многие (в том числе и Г.В. Вернадский, прибежавший ночью проститься с ними) покидали Крым с остатками войск Врангеля, а они остановились на пороге дома и... остались. Вскоре после этого Греков вернулся в Петроград» [3, с. 57].

Б.Д. Греков опять возвращается к привычно активной научной деятельности: работает в Археографической комиссии АН, преподает (в том числе в Институте Красной профессуры), пишет статьи, участвует в дискуссиях. Но установившихся связей с Крымом не теряет. Биографы отмечают, что во второй половине 1920-х годов он в летний период постоянно приезжает в Крым [3, с. 62; 11, с. 5; 16, с. 215]. А в сентябре 1928 года «присутствовал на заседании Таврического общества истории, археологии и этнографии» [16, с. 215].

Из переписки с С.Б. Веселовским становится известно, что он находился в Крыму летом 1929 года в Феодосии. Тридцатого июня он пишет большое письмо со своими впечатлениями. И опять отдых совмещает с работой: «Заканчиваю статью о происхождении в России крепостного хозяйства и права и обираю Вас порядочно и всесторонне; пользуюсь и последней статьей, и Арзамасскими актами, вспоминаю и Сошное письмо. На этот предмет отпущено мне 4 листа. Есть где коснуться разных сторон дела. Стою на тех же точках зрения, что и Вы, и

¹² У Тамары Михайловны «был домик в Симферополе на Архивном спуске» [3, с. 57].

пишу в том стиле, как мы с Вами беседовали». И все бы было хорошо, «только под руками у меня книг нет, в библиотеке местной тоже ничего нет, а со мной только мои заметки, отрывочные и неполные», — жалуется он [13, с. 425; 3, с. 62, 65, 77].

В том же 1929 году в «Известиях Таврического общества истории, археологии и этнографии» выходит большая статья Б.Д. Грекова «"Повесть временных лет" о походе князя Владимира на Корсунь» [4, с. 99—112]¹³. «Личные наблюдения историка над местоположением памятников Херсонеса, сопоставленные с летописными данными, позволили ему по-новому взглянуть на осаду и взятие города киевским князем Владимиром в 988 году», — пишет С. Б. Филимонов [16, с. 215].

Б.Д. Греков начинает изложение издалека: с историографической ситуации, сложившейся к тому времени в западноевропейской и отечественной медиевистике, постепенно обращая большее внимание на исследования русско-византийских отношений. Затем переходит непосредственно к предмету исследования. «В настоящей специальной заметке, — предвещает он обращение к теме, — нет возможности рассматривать сколько-нибудь подробно русско-византийские отношения. Заинтересованный в освещении одного только эпизода в истории этих отношений, причем в очень ограниченных рамках проверки одного нашего летописного сказания, я предварительными справками имею в виду восстановить только тот общий фон, на котором разворачивались события, приведшие Владимира Св. к походу на Крым» [4, с. 99—100]. Далее на основе сохранившихся источников Б.Д. Греков совершает небольшой экскурс в предысторию вопроса. Он справедливо пишет, что уже Русь IX в. «не со вчерашнего дня прекрасно знала дорогу в Крым». А применительно к X в. можно говорить, что в Крыму «были поселения русских и владение Руси» [4, с. 101, 104, 112]. Ученый делает вывод, что из рассмотренного им материала «с несомненной

¹³ См. также эту статью в издании: *Греков Б.Д. Избранные труды* : в 5 т. М., 1959. Т. 2. С. 413—428. Статья посвящалась «Арсению Ивановичу Маркевичу по случаю 50-летия его научно-педагогической деятельности». Об А.И. Маркевиче (1855—1942) см.: [16, с. 321—325].

Б.Д. Греков приобщал к крымской истории и студентов. Любопытный эпизод в своих воспоминаниях привел В.В. Мавродин. «Автор этих строк взял в качестве доклада на научном кружке кафедры истории России ни много ни мало, как... Киевскую Русь *in corpore*. Борис Дмитриевич очень осторожно направил деятельность увлекающегося второкурсника, и сделанный им доклад носил уже совсем другое название: "Историография вопроса о походе Владимира на Корсунь"» [11, с. 20].

ясностью вытекает... что у Руси в Крыму было много интересов, настойчиво осуществлявшихся Игорем и Святославом... и Владимиром». Один из них — крымский Херсонес-Корсунь, «очень удобный центральный пункт для связи с Византией». Непосредственно «Херсонес живет посреднической торговлей между Русью и Ромейской страной»: морской и сухопутной [4, с. 103–104].

Автор показывает прекрасное знание военной истории и исторической географии крымско-черноморского региона. Он пишет: «Сообщение Южного Крыма с Византией искони и до наших дней всегда шло на перевал через Черное море к Синопу, а уж оттуда вдоль Анатолийского берега. Так ходили войска Митридата VI на помощь Херсонесу, так шла турецкая эскадра с десантом в Крым в 1774 г., так ходят и в наше время беспалубные легкие суда, привозя в Крым такой ничтожный груз, как дрова или яблоки, и увозя соль, а в оба конца контрабанду. Перевал занимает сутки» [4, с. 103].

Рассказ летописца о появлении князя Владимира в Крыму Б. Д. Греков считает «кратким, наивным, но весьма точным и правдивым». При этом летописец использовал доброкачественный греческий источник, «находившийся» в его руках. Б. Д. Греков тщательно разбирает взгляды своих предшественников. Он не принимает «основательность рассуждений Костомарова», считает «неубедительными и некоторые, весьма впрочем существенные, замечания А. А. Шахматова» [4, с. 105].

А вот за знатоком Крыма А. Л. Бертье-Делагардом, считает историк, «нужно признать ряд преимуществ, не бывших в распоряжении А. А. Шахматова». Так, А. Л. Бертье-Делагард «прекрасно знал местность и технические приемы военного искусства». Далее Б. Д. Греков останавливается на некоторых именно его соображениях. Это, во-первых, «вопрос о способе осады Корсуни» и, во-вторых, «о месте высадки Владимировой армии». Б. Д. Греков приходит к выводу, что «Владимир подошел к крепости с моря, высадился на берегу и повел правильную осаду города» [4, с. 108]. Не обходит историк и вопросов микротопографического свойства. Он пишет о таких деталях осады города, как «приспа» и водопровод, находившийся, как он выясняет, «к востоку от стоянки» [4, с. 112].

По второму вопросу Б. Д. Греков вступает с А. Л. Бертье-Делагардом в дискуссию. Он признает, что Владимир, «имея цель осады Корсуни, мог высадиться в одной из трех бухт, близких к Корсуню». Приводя весомые аргументы, таковой он считает Стрелецкую бухту, более дальнюю, но «ни в коем случае не Карантинную, где лежит Херсонес». Общая картина действия киевского князя выглядела следую-

щим образом: «Пристав к Стрелецкой бухте и, естественно, устроив лагерь неподалеку от стоянки своих судов и приняв меры к их охране, Владимир должен был заняться блокадой города и, конечно, прежде всего с суши, а затем уже, насколько возможно, и с моря... Осада с суши помимо ее технической необходимости важна еще и в другом отношении: Владимир без сухопутной связи с окрестным населением и, может быть, даже с материком не мог обойтись». Вместе с тем «все детали осады и переговоров говорят о том, что Владимирова армия до самого конца находилась в состоянии боеспособности» [4, с. 109–110, 111].

По В. И. Шункову, у Б. Д. Грекова это была «первая общая работа, посвященная Киевской Руси» [18, с. 5]. Что касается истории Крыма, то обширное знание и интерес к ее отдельным сюжетам мы видим у Б. Д. Грекова и в последующее время. Так, в 1939 и 1940 годах в «Вестнике древней истории» появляются две историографические статьи [5, с. 338–351; 6, с. 173–176]. Одна была посвящена работам по древнерусской истории крупного дореволюционного историка-византиниста академика В. Г. Васильевского, в которых он, исследуя источники, неоднократно обращался к спорным и трудным обстоятельствам, связанным с крещением Руси и князя Владимира («разбор греческих житий Стефана Сурожского и Георгия Амастридского», «походы дорюриковской Руси на Византию», «вопрос о женитьбе Владимира на греческой царевне, об осаде и взятии Владимиром Корсуни» и др.) Советский ученый высоко оценил вклад «буржуазного» историка в историческую науку. «Он дал нашей науке так много нового и ценного, что мы вправе сказать (это не будет преувеличением), что наша наука в вопросах древности может быть разделена на два периода — до и после работ В. Г. Васильевского» [5, с. 338].

В другой статье Б. Д. Греков останавливается на работе известного специалиста по античной истории С. А. Жебелева, который рассматривает «восстание скифских рабов на Боспоре... как первое революционное восстание угнетенных против их угнетателей в античных колониях на территории СССР» [6, с. 173]. Б. Д. Греков, уже прочно к середине 1930-х годов ставший на почву марксистско-ленинского учения об общественно-экономических формациях и классовой борьбе [см.: 3, с. 108–109; 11, с. 5–6, 11 и др.], считает, что здесь «С. А. Жебелев сделал важное открытие... открыл... новый смысл, до сих пор никем не замечаемый» [6, с. 174].

На 1929–1931 годы приходится так называемое «Академическое дело», материалы которого стали широко известными не так давно. Коснулось оно и Б. Д. Грекова, имевшего личные и профессиональные

связи со многими из фигурантов. В архиве ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области сохранилось его следственное дело [1, л. 150–160].

Привлечение к «Академическому делу» Б.Д. Грекова [10, с. 246–256] до сих пор таит в себе много неясностей. Непосредственное обращение к следственным материалам показывает, что дело Б.Д. Грекова не выделялось в отдельное производство. Собственно допрос (он был первым и последним) состоит из двух листов. Так, пребыванию в Крыму посвящено лишь одно (и не совсем внятное) предложение: «В 1918–1920 был профессором Крымского Университета и организатором и первым завед[ующим] Центрархива в Крыму (в Крыму очутился отрезанным, [неразб.]¹⁴ туда для летнего отдыха)» [10, с. 251].

Историки, проходившие по «Академическому», были осуждены и приговорены к различным сроками ссылки. Избежавший трагической участи старших коллег, Б.Д. Греков развивает бурную научную деятельность, находясь во главе ряда острых дискуссий о социально-экономических формациях. Ему принадлежит разработка марксистской концепции феодальных отношений в Киевской Руси, ставшей на десятилетия основополагающей для советской исторической науки. В конце 1934 года он становится членом-корреспондентом (впервые выдвигался в конце 1929 года), а в 1935 году — действительным членом АН СССР. В конце 1930-х годов Б.Д. Греков уже возглавляет Институт истории СССР АН СССР — ведущую организацию советской исторической науки.

В начале 1950-х годов Б.Д. Греков в последний раз непосредственно обращается к теме Крыма. Поводом стала работа И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» и последовавшее активное обсуждение ее в научных и общественных кругах. Статья «Изучение истории Крыма», написанная совместно с его учеником Ю.В. Бромлеем, стала результатом проведенной в мае 1952 года «объединенной научной сессии Отделения истории и философии и Крымского филиала Академии наук СССР» [7, с. 71–75]¹⁵.

¹⁴ По нашему мнению, здесь пропущено слово «поехав» или «выехав»; по В.М. Панеяну — слово «попал» [12, с. 208].

¹⁵ О сессии см.: *Объединенная научная сессия Отделения истории и философии и Крымского филиала АН СССР, посвященная истории Крыма // Крымская правда. 1952. 25 мая; 27 мая. «Академик Греков, — пишет С.Б. Филлимонов, — выступал на сессии со вступительной и заключительной речами». По итогам сессии Б.Д. Грековым были опубликованы статьи в местной и центральной печати [16, с. 215, 218, прим. 16].*

Статья была обобщающего характера, ставящая новые задачи изучения крымской истории. «Крым в истории нашей страны принадлежит важная роль. На Крымском полуострове происходили исторические события, имевшие большое значение для нашей Родины. По обилию археологических и исторических памятников Крым с полным правом можно назвать историческим заповедником Советского Союза», — писали авторы. «В истории Крыма, — продолжали они, — заложены очень важные, очень ответственные проблемы, от правильного разрешения которых зависит выяснение многих вопросов истории нашей страны. Между тем, — предупреждают они, — в освещении истории Крыма имеется немало искажений, причем искажений весьма тенденциозных», которые «старая, домарксистская историография» преодолеть не смогла [7, с. 71].

Вместе с тем, несмотря на определенные достижения советской исторической науки, «изучение истории Крыма оказалось не свободным от ошибок, среди которых одна из основных — отрыв истории Крыма от истории русского народа». А также, с одной стороны, недооценка «значения местного населения в историческом развитии полуострова», а с другой — преувеличение роли Крымского ханства и неправильная трактовка вопроса о включении Крыма в состав России: «Это исторически прогрессивное событие расценивалось как колониальный захват, как некое зло в исторической жизни населения, жившего в то время на Крымском полуострове» [7, с. 72].

Для «правильного марксистско-ленинского изучения исторического прошлого Крыма» и была созвана данная научная сессия, вызвавшая «большой интерес среди широких кругов научной, партийной и советской общественности». По девяти представленным докладам «развернулась оживленная дискуссия» [7, с. 73].

Важнейшими вопросами, рассмотренными на сессии, были следующие: «о времени появления на Крымском полуострове славян» и примыкающий к нему вопрос об отношениях скифов и славян; «о соотношении в Крыму двух миров: рабовладельческого и так называемого "варварского", а также о готах, хазарах, печенегах, половцах и генуэзцах». «Интересно и по-новому прозвучали... выступления относительно русско-византийских отношений в Крыму», освещавшиеся, по мнению советских ученых, в дореволюционной историографии «неверно». «Большое место заняло в работе сессии рассмотрение вопроса о прогрессивном значении включения Крыма в состав России». Наряду с традиционными, отдельно был затронут «вопрос о необходимости изучать историю земледелия в Крыму» [7, с. 74].

Рассматривались и вопросы новой и новейшей истории Крыма, в том числе о Крыме в годы Великой Отечественной войны [7, с. 75].

Очень важным и в определенной степени провидческим для исторической науки является заключение авторов статьи. «Вопросы истории Крыма — это не узкокраеведческие вопросы. Они неразрывно связаны с историей великого русского народа и касаются истории всей нашей Родины, поскольку на крымском материале решается ряд важнейших принципиальных проблем, имеющих первостепенное значение для советской исторической науки в целом» [7, с. 75]. Представляется, что этот «грековский» вывод, звучащий как завещание, не менее актуален и для современной исторической науки.

Академик Б. Д. Греков скончался 9 сентября 1953 года.

Таким образом, жизненный путь и творчество Б. Д. Грекова длительное время были непосредственно связаны с его пребыванием в Крыму. Иногда они были творчески плодотворны, а подчас полны драматических событий и их последствий.

Список литературы

1. УФСБ России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Арх. №П49829. Дело в 2 т. Т. 1. По обвинению Введенского А. А. и других.
2. Бухерт В. Г. Письма Б. Д. Грекова С. Д. Шереметеву // Отечественные архивы. 1994. №3.
3. Горская Н. А. Борис Дмитриевич Греков. М., 1999.
4. Греков Б. Д. «Повесть временных лет» о походе князя Владимира на Корсунь // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. 1929. №3.
5. Греков Б. Д. История древних славян и Руси в работах акад. В. Г. Васильевского // Вестник древней истории. 1939. №1.
6. Греков Б. Д. Значение работы С. А. Жебелева «Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре» для истории нашей страны // Вестник древней истории. 1940. №1.
7. Греков Б. Д., Бромлей Ю. В. Изучение истории Крыма // Вестник АН СССР. 1952. Вып. 8.
8. Дубровский А. М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930—1950-е гг.) Брянск, 2005.
9. Исследования по истории и историографии феодализма. К 100-летию со дня рождения академика Б. Д. Грекова. М., 1982.
10. Кривошеев Ю. В. Борис Дмитриевич Греков и «Академическое дело» // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2016. Вып. 4 (декабрь).
11. Мавродин В. В. Борис Дмитриевич Греков (1882—1953). Л., 1968.

12. Панеях В. М. О следственном деле Б. Д. Грекова // Отечественная история. 2001. № 4.
13. Переписка С. Б. Веселовского и Б. Д. Грекова (май 1929 – декабрь 1930 г.) // Археографический ежегодник за 2001 год. М., 2002.
14. Филимонов С. Б. Хранители исторической памяти Крыма. Симферополь, 2004.
15. Филимонов С. Б. Интеллигенция в Крыму (1917–1920): поиски и находки источникововеда. Симферополь, 2006.
16. Филимонов С. Б. Из прошлого русской культуры в Крыму: поиски и находки историка-источниковеда. Симферополь, 2010.
17. Формозов А. А. Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. М., 2004.
18. Шунков В. И. Борис Дмитриевич Греков (Творческий путь) // Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия : сб. ст. М., 1952.

Об авторе

Кривошеев Юрий Владимирович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой исторического регионоведения, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: kriwosheew@mail.ru

Для цитирования:

Кривошеев Ю. В. Крым в жизни и творчестве академика Б. Д. Грекова // Слово.ру: балтийский акцент. 2017. Т. 8, № 2. С. 50–65. doi: 10.5922/2225-5346-2017-2-5.

CRIMEA IN THE LEGACY OF B. D. GREKOV

*Yu. V. Krivosheev*¹

¹ Saint Petersburg State University
7–9 Universitetskaya nab., Saint Petersburg, 199034 Russia

Submitted on April 28, 2017

Crimea holds a very special place in the biography of B. D. Grekov (1882–1953), an outstanding Russian historian and a fellow of the Soviet Academy of Sciences. Crimea was his long-standing research interest and a place of work and leisure. Some of his years spent in Crimea were very productive, and others were hard and lean. This article presents archive materials and other publications to analyse the stages and episodes of the scholar's life and oeuvre in Crimea.

Key words: *B. D. Grekov, Crimea, history of Crimea, Russian historical studies.*

References

1. Office of the Federal Security Service of Russia for St. Petersburg and the Leningrad region, Archive №P 49829. T. 1: *Po obvineniyu Vvedenskogo A. A. i drugikh* [Vol. 1: On charges of Vvedensky A. A. and others].
2. Bukhert, V. G., 1994. Letters from B. D. Grekov to S. D. Sheremetev. *Otechestvennyye arkhivy* [Native archives], 3.
3. Gorskaya, N. A., 1999. *Boris Dmitrievich Grekov*. Moscow.
4. Grekov, B. D., 1929. "The Tale of Bygone Years" about the campaign of Prince Vladimir to Korsun. *Izvestiya Tavricheskogo obshchestva istorii, arkheologii i etnografii* [News of the Tauride Society of History, Archeology and Ethnography], 3.
5. Grekov, B. D., 1939. The history of the ancient Slavs and Russia in the works of Academician V. G. Vasilievsky. *Vestnik drevnei istorii* [Bulletin of Ancient History], 1.
6. Grekov, B. D., 1940. The significance of S. A. Zhebelev's work "The Last Move and the Scythian Uprising on Bhaipuri" for the History of Our Country. *Vestnik drevnei istorii* [Bulletin of Ancient History], 1.
7. Grekov, B. D., Bromlei, Yu. V., 1952. The study of history of Crimea. *Vestnik AN SSSR* [Bulletin of the USSR Academy of Sciences], 8.
8. Dubrovskii, A. M., 2005. *Istoriya i vlast': istoricheskaya nauka v SSSR i kontseptsiya istorii feodal'noi Rossii v kontekste politiki i ideologii (1930 – 1950-e gg.)* [The historian and power: historical science in the USSR and the concept of the history of feudal Russia in the context of politics and ideology (1930 – 1950s)]. Bryansk.
9. Pashuto, V. T., ed., 1982. *Issledovaniya po istorii i istoriografii feodalizma. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya akademika B. D. Grekova* [Studies on the history and historiography of feudalism. To the 100th anniversary of the birth of Academician B. D. Grekov]. Moscow.
10. Krivosheev, Yu. V., 2016. Boris Dmitrievich Grekov and the "case of academicians". *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of St. Petersburg University. History], 4.
11. Mavrodin, V. V., 1968. *Boris Dmitrievich Grekov (1882 – 1953)*. Leningrad.
12. Paneyakh, V. M., 2001. About the case of B. D. Grekov. *Otechestvennaya istoriya* [Native history], 4.
13. Sporov, D. B., ed., 2002. Correspondence of S. V. Veselovsky and V. D. Grekov (May 1929 – December 1930). *Arkheograficheskii ezhegodnik za 2001 god* [Archaeographic Yearbook 2001]. Moscow.
14. Filimonov, S. B., 2004. *Khraniteli istoricheskoi pamyati Kryma* [Keepers of the historical memory of the Crimea]. Simferopol.
15. Filimonov, S. B., 2006. *Intelligentsiya v Krymu (1917 – 1920): poiski i nakhodki istochnikoveda* [Intellectuals in Crimea (1917 – 1920)]. Simferopol.
16. Filimonov, S. B., 2010. *Iz proshlogo russkoi kul'tury v Krymu: poiski i nakhodki istorika-istochnikoveda* [From the past of the Russian culture in Crimea: the search and findings of a historian-sources' analyst]. Simferopol.

17. Formozov, A. A., 2004. *Russkie arkheologi v period totalitarizma. Istoriograficheskie ocherki* [Russian archeologists in the era of totalitarianism. Historiographic essays]. Moscow.

18. Shunkov, V. I., 1952. Boris Dmitrievich Grekov (Creative way). In: V. P. Volgin, ed. *Akademiku Borisu Dmitrievichu Grekovu ko dnyu semidesyatiletiya: sbornik statei* [To academician Boris Dmitrievich Grekov on the day of his seventieth birthday: collection of articles]. Moscow.

The author

Prof Yuri Krivosheev, Head of the Department of Historical Regional Studies, Saint Petersburg State University, Russia.

E-mail: kriwosheew@mail.ru

To cite this article:

Krivosheev Y. V. 2017, Crimea in the legacy of B. D. Grekov, fellow of the Academy of Sciences, *Slovo.ru: baltijskij accent*, Vol. 8, no. 2, p. 50 – 65. doi: 10.5922/2225-5346-2017-2-5.

УДК 81 / 82

ИСТОРИОГРАФИЯ И ЛИТЕРАТУРА: СОЮЗ ИЛИ СИМБИОЗ?

*Л. М. Бондарева*¹

Рассматриваются особенности функционирования культурной памяти. Специальное внимание уделяется историографическим текстам, выступающим в роли ее носителей. Сравнительно-сопоставительному анализу подвергаются концепции о характере взаимоотношений историографических и литературных источников, основанном на оппозиции «нефикциональность – фикциональность». Формулируются выводы о релевантности эстетического начала при структурировании историографических текстов.

Ключевые слова: культурная память, исторические источники, историографические тексты, литература, фикциональность.

Субъективность и произвольность человеческой памяти издавна являлись предметом повышенного интереса со стороны мыслителей, ученых и людей творчества. Память-друг, память-враг, память-лекарь, память-палач, память-учитель, память-ноша, память-сокровищница – этот метафорический ряд можно продолжать до бесконечности, поскольку способность помнить и вспоминать всегда рассматривалась в качестве неотъемлемой и, по сути, онтологически обусловленной составляющей жизнедеятельности как отдельного индивида, так и человечества в целом.

Действительно, весь процесс когнитивной деятельности homo sapiens в любой его форме имеет ярко выраженный ретроспективный характер, представляя собой перманентную апелляцию субъекта к уже имеющемуся прошлому опыту в ходе сравнения и сопоставления

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 17.05.2017 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2017-2-6

© Бондарева Л. М., 2017

пережитого с каждым фрагментом вновь приобретенного опыта в целях осмысления этого нового опыта и его фиксации в качестве такового в собственном сознании.

Говоря о феноменологии памяти, мы традиционно различаем память отдельного индивида, то есть автобиографическую, и память коллективную, носителями которой могут быть конкретные социальные группы, национальные и межнациональные сообщества и т.д. При этом учеными установлены различные способы коллективной мнемотехники, служащие звеньями общественной организации процесса передачи воспоминаний, такие, например, как:

- устная традиция;
- исторические документы конвенционального характера (различного рода письменные источники);
- статичные или динамичные изображения (памятники, медали, картины, фотографии, киноархив и пр.);
- коллективные памятные ритуалы (напр., День Парижской коммуны);
- географические или социальные, то есть локально детерминированные феномены (переселения, разрушения и пр.) [2, S. 292].

Важным моментом в данном контексте является для нас то обстоятельство, что коллективная память человечества может быть репрезентирована в виде **текстов** (устных или письменных), в результате чего текст (а в более широком смысле слова — литературу и письменность) следует трактовать как основное средство вербализации, фиксации и автономизации коллективной памяти.

Однако в ходе вербализации коллективная память, как известно, трансформируется в *культурную память*, языковая организация которой предполагает функционирование текстов в роли своего рода «аккумуляторов», организующих трансмиссию культурной информации, и, соответственно, «генераторов» культурных процессов [10, S. 78–79]. Таким образом, с помощью литературного текста и на его основе происходит «самоузнавание» определенной культуры в событиях своей собственной истории, а искусство в целом предстает как некий ритуал по сохранению и увековечиванию памятных фактов, как необходимая для прогресса цивилизации «игра» с культурными образцами.

Как отмечает немецкий исследователь У. Эрнст, литература, то есть словесное искусство в частности, служит человеку инструментарием, позволяющим сохранить в культурной памяти при помощи *эстетического структурирования* дела и свершения предков, их жизненную мудрость и формы религиозного миропонимания [3, S. 73].

Согласно концепции немецких культурологов А. и Я. Ассман, переход исторических знаний из коммуникативной памяти как подвида коллективной памяти в культурную происходит на основе двух видов свидетельств о прошлом [1, S. 121]. Такими текстами – носителями культурной памяти – являются:

– «документы» (Dokumente), в частности демографические данные, военные сводки, церковно-приходские книги, меморандумы, мирные договоры и т. п.;

– «монументы» (Monumente), возникающие в процессе кодификации и аккумуляции воспоминаний социально обусловленной ценности, то есть, по мнению исследователей, тексты «любого рода и качества», в которых реконструируется реальное прошлое и к которым, безусловно, относятся **историографические тексты**.

Необходимо сразу подчеркнуть, что трансляция конкретных фрагментов культурной памяти посредством историографических текстов обладает определенной спецификой, обусловленной характером эпохи, способом экспликации и, самое главное, интенциональной установкой субъекта речевой деятельности. В результате история в той или иной степени всегда оказывается «приватизированной» ее интерпретаторами.

Так, сказатели мифов имеют обыкновение истолковывать знания о прошлом в форме сокровенных тайнств, а авторы хроник, в свою очередь, держат своеобразный отчет перед грядущими поколениями читателей. Летописцы нередко используют такие знания в социально-политических или национальных интересах. Наконец профессиональные историки, пытаясь подвести под коллективную память научную основу и подчеркнуто дистанцируясь от прошлого, претендуют на точность и максимальную объективность в изложении материала.

Естественно, в данной ситуации мы имеем в виду функционирование различных форм *исторического сознания*, которое реализуется в той или иной ипостаси в силу целого ряда причин, к которым относятся:

– стремление к восхвалению или героизации выдающихся исторических личностей (биография, агиография);

– отношение к историографии как к виду литературного творчества;

– осознание закономерности исторических процессов и, как следствие, необходимости запечатления этого обстоятельства;

– склонность к морализаторству / нравовучению, когда историография выступает как «критика действительности» («Не следует забывать о добродетели» (Тацит));

– понимание историографии в качестве признака человеческой цивилизации («Нельзя обходить жизнь молчанием» (Саллюстий)) [9, S. 193].

Впрочем, в любом случае мы исходим из признания того факта, что все историографические тексты, согласно определению, есть тексты, описывающие ИСТОРИЮ, под которой в формате и терминах когнитивно-дискурсивной парадигмы современного лингвистического мышления подразумевается концепт «История» как некий ментальный конструкт некоторой последовательности событий, имевших место в прошлой реальной действительности.

На наш взгляд, в рамках историографии для получения релевантных научных данных целесообразно осуществлять дальнейшую последовательную дифференциацию соответствующих текстов, то есть принципиально различать письменные исторические и историографические источники, которые некоторые исследователи, в особенности филологи, часто не совсем правомерно объединяют в одном смысловом ряду.

В то время как *письменные исторические источники* хранят живое тепло зафиксированного непосредственно, по горячим следам, факта или события, собственно *историографические источники* всегда темпорально дистанцированы от предмета описания, поскольку возникают в процессе специфической ментально-когнитивной деятельности их создателей, носящей интенционально обусловленный ретроспективный характер и ориентированной на реконструкцию подразумеваемого факта или события. Именно об этих источниках мы и будем вести речь.

Итак, в *собственно историографических текстах* оживление фрагментов реального прошлого как достояния коллективной памяти осуществляется речевыми субъектами, которые не пережили этот опыт **лично** в силу вышеупомянутой темпоральной дистанцированности, вследствие чего вполне закономерной будет мысль о наличии в этих текстах некоего «фермента недостоверности» (если пользоваться известным термином Л. Гинзбург), то есть элементов выдуманного / додуманного. Данное обстоятельство приводит к неизбежной актуализации в рамках историографии известной оппозиции «нефикциональность – фикциональность», что свидетельствует о постоянно существующей крайней неоднозначности отношений между историографией и литературой.

Если обратиться к непререкаемым историческим канонам, например к античному словесному искусству, то можно сразу предположить, что историография и литература всегда шли рука об руку, подерживая и обогащая друг друга.

Конечно же, «в начале было Слово», но слово это принадлежало Геродоту, автору первых историографических источников. Хотя античная литература и начинается эпосами Гомера, по своей сути и по характеру воздействия они являлись долитературными вещами, так как распространялись в устном виде и сопровождались различными комментариями. В данной связи у нас есть полное основание считать, что литературный век греческой культуры начинается именно с историографической прозы Геродота и, далее, Фукидида с его историей Пелопонесских войн, где уже отчетливо наблюдается не просто осознание автором фактора временности как таковой — здесь ощущается преодоление пишущим этой временности.

В XVIII веке в историографии и литературе, в частности в области английской культуры, отмечалась, согласно исследованиям В. Нюннинг, помимо единой целеустановки — в равной мере «поучать и радовать своих читателей» — и общая тенденция к однообразию в стиле (использование средств образности и пр.). Историографы должны были, подобно аукториальному повествователю в романах, постоянно сопровождать свое повествование пояснениями и комментариями, чтобы способствовать улучшению нравов читателей. Разница между историографией и литературой сводилась лишь к материалу, то есть к апелляции либо к истинным, либо к фикциональным фактам [7, S. 484–488].

Собственно говоря, вплоть до середины XIX века историография считалась отраслью литературы и оценивалась прежде всего как по своим языково-стилистическим и художественным качествам, так и по степени морального и дидактического воздействия на читателя (здесь и далее см.: [5, S. 213–214]). Лишь с развитием позитивистского мышления, вызвавшим стремление историографов к правде и объективности, происходит отчетливая функциональная дифференциация историографии и литературы, которая усиливается в XX веке вследствие литературных инноваций эстетизма и модернизма, а также возросшего профессионализма историков. Однако уже в период постмодернизма факт существования принципиальных различий между литературой и историографией был вновь подвергнут серьезным сомнениям.

Существует и вторая традиционная точка зрения, коренящаяся еще в поэтике Аристотеля, согласно которой историк описывает реальные события, в то время как писатель, изображающий историю, занимается областью возможного: один рассказывает, что произошло,

другой — что могло бы произойти. В результате следует говорить о четкой границе между историографией и литературой в силу онтологических различий между их референтами. Впрочем, представители современной теории дискурса и когнитивистики приходят опять-таки к выводу, что между историографией и литературой существует множество параллелей.

В соответствии с третьей достаточно распространенной концепцией историки используют при упорядочивании и изложении материала литературные средства (например, архетипы повествовательных моделей и риторические фигуры). Такая структурная идентичность повествовательных форм должна свидетельствовать о тесном родстве между историографическими и художественными произведениями.

Тем не менее в рамках этого направления ведутся дебаты о степени фикциональности в историографических текстах, в ходе которых подчеркивается тот факт, что фикциональные повествовательные тексты даже с формальной точки зрения отличаются от нефикциональных наличием в них совокупности специальных сигналов, характерных для художественного творчества (например, в плане структуры коммуникации, идентичности / неидентичности автора и рассказчика, повествовательной ситуации, употребления паратекстуальных и дейктических элементов, достаточно высокой меры неоднозначности и пр.) [5, S. 214].

На наш взгляд, в свете всех вышеизложенных теорий совершенно неоспоримым представляется все же тот факт, что в любом случае историограф как реконструирующий субъект научно-исторического познания в отличие от беллетриста как «производящего» субъекта искусства сталкивается с совершенно определенными сложностями. Для него, по мнению немецкого исследователя Д. Харта, собственно говоря, существуют лишь три пути обработки исторического материала [4, S. 16–17]:

- 1) «самоуничтожение» (Selbstausslöschung), то есть полное нивелирование познающего «Я» во имя объективности;
- 2) открытая позиция историка, выступающего с прокламацией объективных исторически значимых идей;
- 3) признание принципиально невозможной полноценной объективности в процессе исторического познания.

Хотя все три варианта исходят из акцептации категориальной «разности» исторического дискурса и эстетической теории, многие историки тем не менее все же пытаются найти решение проблемы в **эстетическом** дискурсе. Как констатирует далее Д. Харт, хотя в исто-

риографии не должно быть фикции, существуют все же риторические, поэтические и стилистические компоненты для создания консистентной исторической картины [4, S. 21].

В данном контексте симптоматичным может выглядеть напоминание о «живительном эликсире языка» немецкого исследователя Й. Рюзена, который в своих размышлениях относительно роли риторики и эстетики в историографии справедливо апеллирует к мнению Леопольда фон Ранке (Leopold von Ranke). Согласно «отцу исторической науки», язык придает событиям прошлого специфическое духовное качество, благодаря которому они, будучи историей, становятся медиумом человеческого самопознания и бытийной ориентации. Так, риторика, полагает далее Й. Рюзен, средствами которой описываются языковые процедуры «оживления» прошлого, выступает третьим элементом, то есть связующим звеном, объединяющим в историографии искусство и науку [8, S. 4].

Однако при всей важности и незаменимости эстетического начала в историографических текстах историки, в отличие от сочинителей исторических романов, всегда должны испытывать определенное беспокойство за возможность эмпирической проверки и перепроверки читателями и другими исследователями их высказываний. Несомненно, не каждое утверждение историографа можно подвергнуть пробе на аутентичность, но цель историографии как раз и заключается в том, чтобы по возможности увеличить число таких эмпирически проверяемых фактов.

По счастью в исторической науке существует так называемая «сила вето источников» (R. Koselleck), в соответствии с которой с ними можно делать многое, но не все. Таким образом, при рецепции историографических текстов необходимо учитывать мощное воздействие на производителя этих текстов фактора *постоянного внутреннего контроля*, сопровождающего весь процесс реконструкции прошлого пишущим «Я» и ограничивающего возможный произвол интерпретатора при его обращении с историческим материалом.

С другой стороны, не следует забывать о том, что дополнительные трудности в работе историографов возникают в связи с обширностью самого интерпретативного пространства, которое предоставляют в распоряжение субъекту ретроспективной деятельности в процессе его работы различные, иногда противоречащие друг другу исторические и историографические источники.

В данной связи хочется привести авторитетное мнение В. Беньямина, который подчеркивал, что формирование, точнее «переформирование» прошлого в историографии зависит от места историка в том

времени и пространстве, в которых возникает его дискурс, а из двух классических целей историографии — реконструкции и интерпретации прошлого — он всегда предпочитает вторую (цит. по: [6, S. 385]).

Подводя некоторые итоги размышлениям о сложном и неоднозначном характере взаимоотношений историографии и литературы, хотелось бы подчеркнуть, что данный вопрос будет еще долгое время оставаться предметом оживленных дискуссий в среде историков и филологов, пытающихся установить, о чем же идет речь при сравнении и сопоставлении подразумеваемых текстов: об их союзе, синтезе, диффузии, симбиозе или явлении простой комплементарности.

Безусловно, совершенно очевидно, что историографические тексты, функционирующие в роли важного носителя культурной памяти человечества, содержат ценную информацию об аутентичных событиях из нашего общего прошлого. Однако в процессе литературной обработки любой достоверный с научной точки зрения материал подвергается неизбежному эстетическому структурированию, а вследствие непрямой «сопричастности» речевого субъекта реконструируемым им фактам в этих текстах могут содержаться элементы, носящие фикциональный характер, но органически дополняющие совокупную картину пережитой реальной действительности.

Список литературы

1. Assmann A., Assmann J. Das Gestern im Heute. Medien und soziales Gedächtnis // Die Wirklichkeit der Medien. Eine Einführung in die Kommunikationswissenschaft / hrsg. von K. Merten, S.J. Schmidt, S. Weissenberg. Opladen, 1994. S. 114–140.
2. Burke P. Geschichte als soziales Gedächtnis // Mnemosyne. Formen und Funktionen der kulturellen Erinnerung / hrsg. von A. Assmann und D. Harth. Frankfurt am Main, 1991. S. 289–304.
3. Ernst U. Ars memorativa und Ars poetica in Mittelalter und Früher Neuzeit. Prolegomena zu einer mnemonistischen Dichtungstheorie // Ars memorativa: zur kulturgeschichtlichen Bedeutung der Gedächtniskunst 1400–1750 / hrsg. von J.J. Berns und W. Neubeck. Tübingen, 1993. S. 73–100.
4. Harth D. Historik und Poetik. Plädoyer für ein gespanntes Verhältnis // Geschichte als Literatur: Formen und Grenzen der Repräsentation von Vergangenheit / hrsg. von H. Eggert. Stuttgart, 1990. S. 12–23.
5. Metzler-Lexikon Literatur- und Kulturtheorie: Ansätze – Personen – Grundbegriffe / hrsg. von A. Nünning. Stuttgart ; Weimar, 1998.
6. Moses St. Eingedenken und Jetztzeit – Geschichtliches Bewußtsein im Spätwerk Walter Benjamins // Memoria – vergessen und erinnern / hrsg. von A. Haverkamp und R. Lachmann unter mitw. von R. Herzog. München, 1993. S. 385–405.

7. Nünning A. Historiographie als identitätsbildender Interdiskurs: Versuch einer funktionsgeschichtlichen Gattungsbestimmung am Beispiel der Werke von Catharine Macaulay // Staatstheoretische Diskurse im Spiegel der Nationalliteraturen von 1500 bis 1800 / hrsg. von B. Bauer und W. G. Müller. Wiesbaden, 1998. S. 481 – 508.

8. Rüsen J. Rhetorik und Ästhetik der Geschichtsschreibung: Leopold von Ranke // Geschichte als Literatur: Formen und Grenzen der Repräsentation von Vergangenheit / hrsg. von H. Eggert. Stuttgart, 1990.

9. Sprandel R. Chronisten als Zeitzeugen: Forschungen zur spätmittelalterlichen Geschichtsschreibung in Deutschland. Köln ; Weimar ; Wien, 1994.

10. Stocker P. Theorie der intertextuellen Fallstudien. Paderborn ; München ; Wien ; Zürich, 1998.

Об авторе

Бондарева Людмила Михайловна, кандидат филологических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: bondareva.koenig@mail.ru

Для цитирования:

Бондарева Л. М. Историография и литература: союз или симбиоз? // Слово.ру: балтийский акцент. 2017. Т. 8, № 2. С. 66–75. doi: 10.5922/2225-5346-2017-2-6.

HISTORIOGRAPHY AND LITERATURE: AN ALLIANCE OR A SYMBIOSIS?

L. M. Bondareva¹

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University,
14 A. Nevski Str., Kaliningrad, 236041, Russia

Submitted on May 17, 2017

This article examines the concept of cultural memory. Special attention is paid to historiographical texts as a means of representation of cultural memory. The author analyses and compares theories describing relations between historiographical and literary texts. Such relations are based on the fiction/non-fiction opposition. It is concluded that the aesthetic component assumes significance in structuring historiographical texts.

Key words: cultural memory, primary sources, historiographical texts, literature, fiction.

References

1. Assmann, A., Assmann J., 1994. Das Gestern im Heute. Medien und soziales Gedächtnis. In: K. Merten, S.J. Schmidt, S. Weissenberg, eds. *Die Wirklichkeit der Medien. Eine Einführung in die Kommunikationswissenschaft*. Opladen. pp. 114 – 140.
2. Burke, P., 1991. Geschichte als soziales Gedächtnis. In: A. Assmann, D. Harth, eds. *Mnemosyne. Formen und Funktionen der kulturellen Erinnerung*. Frankfurt am Main. pp. 289 – 304.
3. Ernst, U., 1993. Ars memorativa und Ars poetica in Mittelalter und Früher Neuzeit. Prolegomena zu einer mnemonistischen Dichtungstheorie. In: J.J. Berns, W. Neubeck, eds. *Ars memorativa: zur kulturgeschichtlichen Bedeutung der Gedächtniskunst 1400 – 1750*. Tübingen. pp. 73 – 100.
4. Harth, D. Historik und Poetik. Plädoyer für ein gespanntes Verhältnis. In: H. Eggert, ed. *Geschichte als Literatur: Formen und Grenzen der Repräsentation von Vergangenheit*. Stuttgart. pp. 12 – 23.
5. Nünning, A., ed., 1998. *Metzler-Lexikon Literatur- und Kulturtheorie: Ansätze – Personen – Grundbegriffe*. Stuttgart; Weimar.
6. Moses, St., 1993. Eingedenken und Jetztzeit – Geschichtliches Bewußtsein im Spätwerk Walter Benjamins. In: A. Haverkamp, R. Lachmann, eds. *Memoria – vergessen und erinnern*. München. pp. 385 – 405.
7. Nünning, A., 1998. Historiographie als identitätsbildender Interdiskurs: Versuch einer funktionsgeschichtlichen Gattungsbestimmung am Beispiel der Werke von Catharine Macaulay. In: B. Bauer, W.G. Müller, eds. *Staatstheoretische Diskurse im Spiegel der Nationalliteraturen von 1500 bis 1800*. Wiesbaden. pp. 481 – 508.
8. Rüsen, J., 1990. Rhetorik und Ästhetik der Geschichtsschreibung: Leopold von Ranke. In: H. Eggert, ed. *Geschichte als Literatur: Formen und Grenzen der Repräsentation von Vergangenheit*. Stuttgart.
9. Sprandel, R., 1994. *Chronisten als Zeitzeugen: Forschungen zur spätmittelalterlichen Geschichtsschreibung in Deutschland*. Köln; Weimar; Wien.
10. Stocker, P., 1998. *Theorie der intertextuellen Fallstudien*. Paderborn; München; Wien; Zürich.

The author

Dr Lyudmila M. Bondareva, Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: bondareva.koenig@mail.ru

To cite this article:

Bondareva L.M. 2017, Historiography and literature: An alliance or a symbiosis?, *Slovo.ru: baltijskij accent*, Vol. 8, no. 2, p. 66 – 75. doi: 10.5922/2225-5346-2017-2-6.

А БЫЛ ЛИ РЕАЛИЗМ? К ПРОБЛЕМЕ ПЕРИОДИЗАЦИИ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ЛИТЕРАТУР

А. И. Васкиневич¹

Пересматривается традиционный взгляд на реализм как доминирующее направление европейских литератур второй трети XIX века. Рассматривается понятие реализма конца XVIII века (Ф. Шиллер) и 50-х годов XIX века (Шанфлёр и Дюранти), указывается на отсутствие авторской самоидентификации с этим направлением Стендаля и Бальзака, на протесты Флобера против причисления его к реалистам. Демонстрируется многообразие школ, направлений и творческих методов в европейских литературах второй трети XIX века.

Ключевые слова: реализм, направление, зарубежная литература.

Традиционно реализм считается доминирующим направлением европейских литератур второй трети XIX века. Но существовал ли действительно реализм как направление с 1830-х годов? Относительно такого его понимания возникает ряд вопросов.

Во-первых, само понятие реализма практически не употребляется авторами, традиционно к нему относимыми.

Стендаль в статье «Расин и Шекспир» (1823–1825) объявляет себя «защитником романтического жанра» [2, с. 103], а в статье «Вальтер Скотт и "Принцесса Клевская"» (1830) пишет: «Всякое произведение искусства есть прекрасная ложь; всякий, кто когда-либо писал, отлично знает это. Нет ничего нелепее совета, который дают люди, никогда не писавшие: подражайте природе» [2, с. 112]. Такое понимание искусства отрицает реалистический, миметический способ изображения и предвосхищает идеи эстетизма и О. Уайльда.

Оноре де Бальзак в «Этюде о Бейле» (1840), посвященном Стендалю, выделяет три современные литературные школы: *литературу идей* (которую он соотносит с классицизмом, но причисляет к ней и таких разных писателей, как А. де Мюссе, П. Мериме, Беранже, Ш. Нодье и

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 14.05.2017 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2017-2-7

© Васкиневич А. И., 2017

др.), *литературу образов* (связываемую им с романтизмом, но с включением в нее не только Шатобриана, Ламартина, В. Гюго, но и Т. Готье, Сент-Бёва, Расина, Лафонтена, А. Шенье) и *литературный эклектизм*, к которому он относит себя, В. Скотта, Ж. де Сталь, Ф. Купера, Ж. Санд, Стендаля. О реализме речь не идет, характерный для него миметический принцип понимается своеобразно: «Эта школа, которую я назвал бы *литературным эклектизмом*, требует изображения мира таким, каков он есть: образы и идеи, движение и мечтательность» [2, с. 134]. Бальзак затрагивает и вопрос о соотношении правды жизни и правдоподобия в искусстве. Сюжет, правдивый в природе, может быть неправдоподобен в искусстве. Искусство должно схватывать главное, сущностное: «Увидя пейзаж, большой художник остережется рабски копировать его; он передаст нам скорее его дух, чем букву» [2, с. 138]. Это положение соответствует скорее романтической, чем реалистической эстетике. В Предисловии к «Человеческой комедии» (1842) Бальзак снова касается этого соотношения (ссылаясь на высказывание Ж. де Сталь): «История есть или должна быть тем, чем она была, в то время как роман должен быть *лучшим миром*», «*возвышенным обманом*» [2, с. 128]. Сочетание классицистских и романтических установок определяет теорию литературного эклектизма Бальзака. К реалистам он себя не причисляет и теорию реализма не развивает.

Очевидно, устойчивое представление о Бальзаке как реалисте прочно закрепилось в советском литературоведении в связи с тем, что на примере его «Человеческой комедии» разъясняет свою формулировку реализма Ф. Энгельс (в письме к писательнице Маргарет Гаркнесс, апрель 1888 года): «Реализм предполагает помимо правдивости деталей правдивое воспроизведение типичных характеров в типичных обстоятельствах» [5, с. 35]. Представляется, что именно авторство этого определения реализма повлияло на закрепление такой дефиниции, идеологическими причинами было вызвано гипертрофированное значение, придававшееся реализму в литературном процессе XIX века, и признание реалистами тех, кто сам себя таковыми не считал и даже протестовал против такого определения, как, например, Флобер.

Гюстав Флобер многократно отрекался от реализма, о чем свидетельствует его переписка. В письме госпоже Роже де Женетт в октябре 1856 года он утверждает: «Меня считают влюбленным в *реальное*, а оно мне *ненавистно*, именно из ненависти к его копированию я взялся за этот роман» [8, т. 1, с. 380]. Речь идет о романе «Госпожа Бовари». Шестого февраля 1876 года он пишет Жорж Санд: «...я *ненавижу то, что принято называть реализмом*, даром что меня сделали одним из его

столпов» [8, т. 2, с. 168]. А в письме от 5 мая 1857 года знаменитому критику Сент-Беву заявляет: «Я не принадлежу к тому поколению, о котором вы говорите, — во всяком случае, сердцем не принадлежу... <...> Я старый романтик, закоренелый или закоснелый, как вам будет угодно» [8, т. 1, с. 391 — 392].

Письмо Сент-Беву написано в 1857 году. Это как раз то время, когда во французской литературе укрепляется термин «реализм» в качестве обозначения литературной тенденции или литературного и художественного направления. Поэтому понятно, какое поколение Флобер имеет в виду. Позднее в письме Ги де Мопассану от 25 декабря 1876 года писатель пренебрежительно выскажется о *нелепом «реализме» бедняги Шанфлэри* [8, т. 2, с. 186].

Ни Стендаль, ни Бальзак, ни Флобер не разрабатывали теорию реализма, не заявляли о своей принадлежности к этому направлению, более того, идентифицировали себя и свое творчество с совершенно иными тенденциями. Конечно, не всегда писатели той или иной эпохи выступают с манифестами, декларируя свою приверженность определенному направлению. Но в середине XIX века подобные манифесты реализма как раз возникали, однако ассоциировали себя с ним совсем другие авторы.

В 50-е годы XIX века французские писатели *Жюль Шанфлэри* и *Эдмон Дюранти* выступают с теоретическими декларациями, утверждающими принцип реализма. Шанфлэри — в сборнике «Реализм» (1857), Дюранти — в журнале «Реализм», издававшемся им совместно с критиком А. Ассеза с 10 июля 1856 по май 1857 года (всего вышло 6 номеров). Основным программным документом, вошедшим в сборник «Реализм», стало письмо Шанфлэри 1855 года, адресованное романтической писательнице Жорж Санд и посвященное рассмотрению реалистического метода в живописи Гюстава Курбе. Программные работы Шанфлэри и Дюранти до сих пор полностью не переведены на русский язык, нет ни диссертаций, ни других серьезных научных исследований, посвященных их концепции реализма, что затрудняет возможность объективной оценки этого явления. Сам Шанфлэри заявлял: «Слово "реализм"... представляет собой один из тех двусмысленных терминов, которые могут быть использованы для какой угодно цели и служить лавровым венком так же, как и дурацким колпаком» [4, с. 670].

Из предисловия к сборнику Шанфлэри следует, что реализм во Франции до того не был сформировавшимся направлением, серьезно интересовавшим литературных критиков: «В эту эпоху реализм еще

не стал важной точкой на горизонте критики» [9, р. 2]. Об этом свидетельствует и Эмиль Золя. Вот что он пишет о журнале «Реализм», которому посвящает отдельную статью: «Наши молодые люди были критики-предтечи, они с великим шумом возвещали наступление новой эры; и это было столь дерзостно, что их небольшой журнал навлек на себя неслыханную бурю. Вся литературная пресса вышучивала их, метала против них грома и молнии. Судя по всему, их никто не понимал» [3, с. 445].

Реализм воспринимался во Франции во второй половине 1850-х годов как новое веяние, в том числе самими его представителями. Насколько он мыслился как направление даже в это время – вопрос.

Э. Золя отмечает, что «люди эти еще только ищут, борются, стремясь обрести верную и точную формулу» [3, с. 447], и приводит поддержку из их программных заявлений: «Грозное слово "реализм" противоположно понятию "школа". Словосочетание "реалистическая школа" лишено смысла: реализм означает полное и откровенное выражение индивидуальностей; он как раз выступает против всего условного, всякого подражания какой бы то ни было литературной школы» [3, с. 447].

Сам Шанфлёр понимает реализм как метод наблюдения, считая его универсальным признаком эпохи: «Повсюду за границей, в Англии, Германии, Швеции, Норвегии, Бельгии, Америке, России, Швейцарии, я вижу писателей, подвергающихся всеобщему закону и испытывающих на себе влияние таинственных, заряженных реальностью токов. Я думаю, что нет надобности называть Диккенса, Теккерея... Гоголя, Тургенева, Гильдебранда, Консьянса, Ауэрбаха... и полсотни авторов, которые, если бы они смогли, на каком-либо литературном конгрессе без колебаний объяснили бы, что их мысль и перо направлены в сторону наблюдения словно силою судьбы, избежать которой писатели не могут так же, как и люди. Так хочет эпоха» [4, с. 670].

В целом метод наблюдения, о котором говорит Шанфлёр, действительно характерен для основной массы литературы XIX века, однако он перерастает рамки реализма и позволяет обобщить в единое целое типологический аналитизм Бальзака, психологический аналитизм Стендаля, логический аналитизм Э. По, объективную манеру Флобера, объективное письмо Мопассана и эстетику натурализма. Показательно, что Золя в программной статье «Экспериментальный роман» понимает наблюдение как творческий метод, в целом характерный для литературного творчества и дополняемый в натурализме экспериментом. Примеры экспериментального романа он видит в творчестве Бальзака, которого, как и Стендаля и Флобера, он относит к натуралистам.

Реализм понимается в журнале «Реализм» как *метод*: «Реализм сводится к точному, полному, правдивому воспроизведению социальной среды и времени, в которое живет писатель» [3, с. 447], причем метод давно известный: «Разумеется, теория реализма стара как мир; однако в каждый новый период литературного развития она обновляется. Согласимся на том, что те трое ничего не изобретали, что они просто продолжали движение XVIII века» [3, с. 445]. Под «теми тремя» имеются в виду Шанфлёр, Дюранти и Жюль Ассеза.

Вопрос о времени возникновения и этапах становления реалистического метода в литературоведении остается спорным. Считается, что определенная реалистическая установка, миметические принципы изображения возникают в древние времена и затем проходят ряд исторических этапов («античный реализм», «реализм эпохи Возрождения», «просветительский реализм», реализм XIX века («критический реализм», «буржуазный реализм»), «социалистический реализм» и т. п.).

Целостное и дифференцированное понятие реализма в его литературном значении начинает складываться в конце XVIII века. *Фридрих Шиллер* в работе «О наивной и сентиментальной поэзии» (1795—1796) исходит из антиномии «реального» и «идеального». Реалист подчиняется законам природы, он объективен, то есть определяется внешними вещами, основывается на опыте и законе необходимости. Идеалист подчиняется законам разума, он субъективен, то есть выводит знание из себя, из своего мышления и духа. По мнению Шиллера, у сентиментального поэта есть определенное преимущество над наивным (то есть у идеалиста над реалистом), так как любая действительность отстает от идеала, все существующее имеет свои границы, но мысль бесконечна. Лучше всего, считает он, если поэт *сочетает качества идеалиста и реалиста*, возвышается над реальностью, но остается внутри чувственного мира. Там, где эти противоположности объединены, возникает *эстетическое искусство*.

К синтезу литературы идей и литературы образов призывал Бальзак, к синтезу идеализма и реализма стремится и немецкая теория реализма, опирающаяся на идеи Шиллера. В немецкой литературной эстетике середины XIX века вопрос о соотношении реального и идеального обсуждается весьма широко, практически всеми писателями. Большинство работ, посвященных проблеме реализма, также относится к 1850-м годам.

Вильгельм Трауготт Круг (тот самый, что занял профессорское место И. Канта в Кёнигсберге после смерти философа и женился на бывшей невесте Генриха фон Клейста) в работе «Эстетический ре-

лизм» (1832) развивает концепцию Шиллера: «*Эстетическим идеализмом* называется теория искусства, которая требует от художника, чтобы он держался собственных оригинальных идей, не заботясь о естественных законах. Этой теории противостоит другая, которую можно назвать *эстетическим реализмом*, потому что она придерживается лишь вещей, которые даны как объекты вкуса в видимой природе. Она требует от художника лишь подражания природе. *Эстетический синтетизм* — это такая теория искусства, которая требует от художника, чтобы он, с одной стороны, стремился к идеальному, а следовательно, имел перед глазами более высокую цель, чем обыкновенное копирование природы, с другой стороны, чтобы он наблюдал закономерности природы вообще и особенно человеческой природы для того, чтобы его искусство не стало противоестественным» [7, с. 119].

Теодор Фонтане в работе «Реализм» (1853) считает принцип реализма вневременным, универсальным принципом: «*Реализм* в искусстве так же стар, как само искусство, скажем больше: он является искусством» [7, с. 123]. *Фридрих Теодор Фишер* в статье «Искусство и подражание» (1850) рассматривает подражание природе как техническую сторону искусства. *Юлиан Шмидт* в работах «Идея и действительность» (1858), «Истинный и ложный идеализм» (1858) говорит о том, что раньше господствовало противопоставление идеала и действительности, а современной тенденцией выступает принцип реализации идеи в действительности. Истинный реализм, по Шмидту, сближается с истинным идеализмом, так как идея вещей — их реальность. В статье «Заблуждения романтизма и деревенские истории Ауэрбаха» (1860) Шмидт устанавливает следующее диалектическое соотношение принципов идеализма и реализма: «*Целью искусства*, а именно поэтического искусства, является создание *идеалов*, то есть образов и историй, реальность которых является желаемой, поскольку они нас возвышают, вдохновляют, развлекают, забавляют и т.д.; *средством искусства* является *реализм*, то есть истина, подслушанная у природы, которая убеждает нас поверить художественному идеалу. — Этот закон действителен для любой формы поэзии, для любого времени» [7, с. 122].

Специфической особенностью теории немецкого реализма является разработка понятия *поэтического реализма*. *Арнольд Руге* в статье «Вульгарный и поэтический реализм» (1858) ратует за «идеальный реализм» Шиллера [7, с. 124], *Отто Людвиг* призывает в критической работе «Штудии Шекспира» (опубл. в 1871 году) и статьях «Поэтический реализм» 1860 и 1865 годов к синтезу реализма и идеализма.

Во-вторых, с 1830-х годов формируется ряд других литературных явлений, не позволяющих говорить об однозначной доминанте не только реализма как направления, но и реалистического метода.

Во Франции в 1830-е годы возникает литературный кружок «Новый Сенакль», или «Молодая Франция». Один из представителей этого кружка, Теофиль Готье, в 1830–1850 годы формулирует и утверждает концепцию «искусства для искусства», оказавшуюся как минимум не менее значимой, чем реалистический метод, как для литературы второй половины XIX века, так и для последующего ее развития. Программное значение имели предисловие к роману «Мадемуазель Мопен» (1835–1836), теоретическая работа «О прекрасном в искусстве» (1847) и последующие статьи, собранные в сборник «Новое искусство» (1852). В 1856 году Готье занял пост главного редактора журнала «Артист». Апологеты «чистого искусства» получили свой печатный орган в то же самое время, когда появились программные заявления Шанфлэри и Дюранти о реализме. Флобер в это же время гораздо явственней декларирует близость взглядов с концепцией «чистого искусства», чем с реализмом. «Нравственность Искусства — в самой его красоте, и превыше всего я ставлю стиль, а затем уже — Правду» [8, т. 1, с. 383], — заявляет он в одном из писем 1856 года, высказываясь по поводу своего вышедшего в этом году и снискавшего славу романа «Госпожа Бовари». А с 1860-х годов неоднократно говорит о необходимости писателя жить в башне из слоновой кости, возвышаясь над повседневностью. В 1857 году выходят «Цветы зла» Ш. Бодлера, также весьма далекие от реалистической эстетики, а в обзоре «Салон 1859 года» поэт противопоставляет *воображение* (которое он вслед за романтиками считает божественным даром и основой творческого процесса) и *правдоподобие* и указывает на два лагеря в искусстве — «приверженцев воображения» и реалистов: «Один из них именуется *реалистическим*, употребляя двусмысленный и не совсем определенный термин, мы же с целью выявить его заблуждение назовем его *позитивистским*; этот лагерь заявляет: "Я хочу изображать вещи такими, каковы они в действительности, то есть такими, какими они являются независимо от того, существую ли я сам" <...> Другой лагерь, лагерь приверженцев воображения, говорит: "Я хочу изобразить вещи такими, какими я их воспринимаю, и передать мое видение другим"» [1, с. 197]. Бодлер критикует реализм: «Органичный художник, как, впрочем, и органичный поэт, представляется в наши дни чуть ли не выродком. Исключительное стремление к отображению Реального (столь благородное, когда оно ограничено разумным применением) подавляет и ду-

шит стремление к Прекрасному» [1, с. 187]. В начале 1850-х годов формируется и группа «Парнас», в которую вошли Шарль Леконт де Лиль, Теодор де Банвиль, Жозе Мария де Эредиа, Сюлли-Прюдом. Предшественником и учителем парнасцев был Теофиль Готье, и опирались они в большей степени на разработанные им принципы. Парнасцы, как и Бодлер, оказали заметное влияние на формирование декаданса и символизма.

В Великобритании период 1837–1901 годов связан с царствованием королевы Виктории. Литературу этого времени принято обозначать как викторианскую. Понятие викторианства означает определенную идеологию, образ мыслей и жизни, духовную атмосферу, комплекс нравственных и этических установлений, устойчивые, консервативные эстетические нормы. К числу викторианских поэтов относят А. Теннисона и Р. Браунинга, широко распространено понятие «женская проза викторианской эпохи»: творчество сестер Шарлотты, Эмили и Анны Бронте, Элизабет Гаскелл, Джордж Элиот. Многие их романы были написаны в 1840–1850-е годы. Дидактизм и нравственные категории, формирующиеся в викторианскую эпоху, наложили отпечаток на творчество Ч. Диккенса и У. Теккерея, традиционно соотносимых с реализмом, но его теорию не разрабатывавших. Помимо этого в 1830-е годы формируется общество «Молодая Англия», глава которого Бенджамин Дизраэли был как политиком, так и писателем, а с 1848 года – общество прерафаэлитов, чьи представители – Данте Габриэль Россетти, Кристина Россетти – писали поэзию, далекую от реалистического метода и стиля.

В Германии в 1830-е годы наступает смена парадигм, конец классической эпохи, эпохи Гёте, который умирает в 1832 году. Романтизм продолжает свое существование, позднее перерастая в немецкоязычный вариант неоромантизма, импрессионизма и символизма, но появляются и новые тенденции, которые, однако, несводимы только к реализму. В начале 1830-х годов в Германии возникает литературно-политическая группа «Молодая Германия», членов которой связывало общее стремление к политическим реформам и близость эстетических позиций (социальная критика, актуальные темы). В нее входили Л. Берне, Л. Винбарг, К. Гуцков, Г. Лаубе и др., связан с ней был и Г. Гейне. Практически все младогерманцы были публицистами, журналистами. Общая тенденция этой эпохи – политизация и социологизация литературного процесса. Так, Винбарг в 23-й лекции «Эстетических походов» (1834) пишет: «...любая литература в определенную эпоху выражает и формулирует соответствующее общественное со-

стояние этой эпохи» [4, с. 419]. Эта эпоха также часто называется в немецком литературоведении «предмартовской». Кроме того, в научный обиход все больше входит понятие «эпоха бидермайера», характерной чертой которой стала разработка бытовых тем как в прозе, так и в поэзии [6].

Таким образом, даже краткий обзор положения дел в литературе второй трети XIX века позволяет сделать вывод о явной переоцененности понятия «реализм» в российском литературоведении, поскольку вряд ли реализм можно считать основным направлением этого периода. Само понятие реализма получает в западноевропейских литературах широкое обсуждение несколько позже — в 50-е годы XIX века, при этом реалистические тенденции соседствуют с целым рядом других литературных явлений, а в 60—70-е годы XIX века уступают место новым направлениям формирующейся художественной системы декаданса: натурализму, импрессионизму, символизму, эстетизму и т. п.

Список литературы

1. Бодлер Ш. Об искусстве. М., 1986.
2. Зарубежная литература XIX века. Реализм. Хрестоматия историко-литературных материалов. М., 1990.
3. Золя Э. Собрание сочинений : в 26 т. М., 1966. Т. 24.
4. История эстетики. Памятники эстетической мысли : в 5 т. М., 1967. Т. 3.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. 2-е изд. М., 1965. Т. 37.
6. Михайлов А. В. Проблемы анализа перехода к реализму в литературе XIX века // Михайлов А. В. Языки культуры. М., 1997. С. 43—111.
7. Теоретическая эстетика немецкого реализма. Краткая антология / сост. А. И. Васкиневич // Балтийский филологический курьер. 2003. №2. С. 119—126.
8. Флобер Г. О литературе, искусстве, писательском труде : в 2 т. М., 1984.
9. Champfleury. Le réalisme. P., 1857.

Об авторе

Васкиневич Анжелика Игоревна, кандидат филологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: vaskinev@mail.ru

Для цитирования:

Васкиневич А. И. А был ли реализм? К проблеме периодизации западноевропейских литератур // Слово.ру: балтийский акцент. 2017. Т. 8, № 2. С. 76—85. doi: 10.5922/2225-5346-2017-2-7.

WAS THERE EVER REALISM? ON THE PERIODISATION
OF WESTERN EUROPEAN LITERATUREA. I. Vaskinevich¹

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University,
14 A. Nevski Str., Kaliningrad, 236041, Russia

Submitted on May 14, 2017

This article revisits the traditional perspective on realism as a prevalent trend in the European literature at the end of the 19th century. The author examines the perception of the concept of realism at the end of the 18th century (Friedrich Schiller) and in the 1850s (Champfleury and Duranty). It is stressed that Stendhal and Balzac did not associate themselves with realism and Flaubert objected to being called a realist. The author emphasizes the diversity of schools, trends, and literary techniques in the European literature of the second part of the 19th century.

Key words: realism, trend, European literature.

References

1. Bodler, Sh., 1986. *Ob iskusstve* [About art]. Moscow.
2. Solov'eva, N. A., Golovenchenko, A. F., Petrash E. G., eds., 1990. *Zarubezhnaya literatura XIX veka. Realizm. Khrestomatiya istoriko-literaturnykh materialov* [Foreign literature of the twentieth century. Realism. Chrestomathy of historical-literary materials]. Moscow.
3. Zolya, E., 1966. *Sobranie sochinenii* [Collected works]. Moscow. Vol. 24.
4. Ovsyannikov, M. F., ed., 1967. *Istoriya estetiki. Pamyatniki esteticheskoi mysli* [History of aesthetics. Monuments of aesthetic thought]. Moscow. Vol. 3.
5. Marks, K., Engel's, F., 1965. *Sochineniya* [Works]. Moscow. Vol. 37.
6. Mikhailov, A. V., 1997. The problems of analyzing the restructuring of realism in the literature of the XIX century. In: Mikhailov, A. V. *Yazyki kul'tury* [Languages of Culture]. Moscow. pp. 43–111.
7. Vaskinevich, A. I., ed., 2003. Theoretical aesthetics of German realism. Brief anthology. *Baltiiskii filologicheskii kur'er* [Baltic philological courier], 2.
8. Flober, G., 1984. *O literature, iskusstve, pisatel'skom trude* [About literature, art, literary work]. Moscow.
9. Champfleury, 1857. *Le réalisme*. Paris.

The author

Dr Anzhelika I. Vaskinevich, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: vaskinev@mail.ru

To cite this article:

Vaskinevich A. I. 2017, Was there ever realism? On the periodisation of Western European literature, *Slovo.ru: baltiiskij accent*, Vol. 8, no. 2, p. 76–85. doi: 10.5922/2225-5346-2017-2-7.

**МИФОИСТОРИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ
РАССКАЗА Б. ШУЛЬЦА «ВЕСНА»
В КОНТЕКСТЕ МИФОЛОГИЗМА Ф. КАФКИ**

Е. М. Регурецкая¹

Анализируется рассказ Бруно Шульца «Весна» в контексте мифологического творчества Франца Кафки (рассказы «Как строилась китайская стена», «Процесс»). Утверждается, что одним из общих импульсов творчества этих писателей, создающих поле для разносторонних мифопоэтических интерпретаций, было наличие мифоисторических образов в их произведениях. Также рассматриваются суверенность мифа и истории и их синтез.

Ключевые слова: Б. Шульц, Ф. Кафка, миф, история, мифоисторические образы.

Миф и история — это разные, но связанные друг с другом формы сознания, относящиеся соответственно к архаическому и к новому периоду истории мировой культуры. По утверждению В.Н. Топорова, «в настоящее время не подлежат сомнению как суверенность и независимость истории и мифа, так и их глубинные генетические связи» [1, с. 351]. По мнению ученого, в архаический период истории миф частично выполнял те функции, которые в наше время закреплены за исторической наукой. На границе между архаикой и созданием цивилизации миф и история постоянно вступают в тесные взаимодействия (создавая тем самым «мифоисторическую традицию»). Однако уже в Новое время, по утверждению В.Н. Топорова, происходит «эмансипация истории от мифа». Важную роль играла в этом иудеохристианская традиция: «Вклад иудаизма в переход от мифа к истории состоял в "декосмологизации" бога (который вышел из чисто природной сферы и полнее проявляется в истории, чем в космологии) и царя (который утрачивает свои космологические связи и, став не более чем наследственным вождем, включается в сеть чисто исторических отно-

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 18.05.2017 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2017-2-8

© Регурецкая Е. М., 2017

шений). Особенно радикальный вариант выхода из мифа в историю был предложен христианством. Христианская мифология впервые и полностью поместила бога в историческое время, настаивая на историчности Иисуса Христа, пострадавшего во время Понтия Пилата. Утверждается взгляд, согласно которому человек живет не в сфере мифа и космологии, а в истории» [1, с. 353].

Точку зрения В. Н. Топорова во многом предопределяет философско-историческая теория Н. А. Бердяева, изложенная им в работе «Смысл истории». По словам философа, иудейская и христианская традиция пронизана чувством исторического динамизма, которого была лишена статическая мифологическая картина мира древних греков и римлян. Философ пишет: «Еврейству принадлежала совершенно исключительная роль в зарождении сознания истории, в напряженном чувстве исторической судьбы, именно еврейством внесено в мировую жизнь человечества начало "исторического"» [2, с. 50]. «Христианство внесло исторический динамизм, исключительную силу исторического движения и создало возможность философии истории... Христианство внесло динамизм, потому что оно внесло идею однократности, неповторимости событий, что миру языческому было недоступно» [2, с. 43–44]. Идею «многократности, повторяемости событий», свойственную всему языческому миру, то есть циклического мифологизма Н. А. Бердяев противопоставляет идее «однократности, неповторяемости, единичности», то есть мессианской идее, характерной как для иудейского, так и для христианского сознания.

Но в более ранней теоретической работе «Кризис искусства» Н. А. Бердяев пишет, что в XX веке возникла потребность многих современных художников в синтезе современного и первобытного, то есть истории и мифа: «И затосковал человек в своем творчестве по органичности, по синтезу, по религиозному центру, по мистерии» [3, с. 103]. И далее он пишет: «Искания синтеза искусства, искания мистерии, опыты возврата к искусству литургическому и сакральному представлены замечательными творцами и мыслителями, но в них многое сохраняется от старого и вечного искусства, не окончательно поколеблена его основа» [3, с. 105].

Термин «мифоистория» неоднократно появляется в трудах историков и литературоведов, но понимается он различно. А. В. Ставицкий писал: «В отличие от обычной общепринятой "классической" истории мифоистория не "работает" с фактами в принципе. Она не ограничена теми или иными умозаключениями, сделанными на основе изучения каких-либо исторических источников, так как в ней речь

идет собственно не о конкретных исторических событиях, а о том, как они преломляются в сознании» [4]. Иными словами, мифоистория «работает» с теми фактами сознания, которые в современной науке называют мифами, делая их объектами своего познания и способом воздействия на сознание людей. Существует и другая точка зрения: по мнению А. С. Цыганкова, мифоистория есть синтез мифологического сюжета и исторического факта в сознании социума, то есть мифоистория есть символ — то, где событие перестает быть равным самому себе, приобретает несвойственный ему смысл посредством его интерпретации [5, с. 4]. Е. Л. Яковлева писала о мифологических символах следующее: «Особенность мифологических символов связана с тем, что это одни из древнейших видов символов, которые продолжают жить и в современности благодаря ценностному смысловому наполнению. Мифологические символы заключают в себе множество значений, нередко противоречивых, их можно интерпретировать бесконечно» [6, с. 9].

Рассказ Шульца «Весна» («Wiosna», 1936) является третьим произведением цикла «Санаторий под Клепсидрой» и самым большим по объему рассказом во всем творчестве писателя. С самого начала он жанрово определяется как «история одной весны», и здесь автором демонстрируется многозначность слова «история», в частности акцентируются два его значения: «рассказ, повествование» (1), «прошлое, сохраняющееся в памяти человечества» (2). Как и в других рассказах Шульца, предмет изображения показан под мифологическим углом зрения. Таким предметом в рассказе «Весна» становится время года, которое имеет в себе скрытый символический подтекст — революция. Об этом говорится уже в начале рассказа: «Каждая весна именно так начинается... В каждой — надо сразу сказать — есть все: бесконечные процессии и манифестации, революции и баррикады...» [7, с. 20]. И далее: «О этот вихрь событий, ураган происшествий — счастливый государственный переворот, патетические, возвышенные и триумфальные дни! Как хотелось бы мне, чтобы шаг этой истории подхватил их волнующий, возвышенный такт, перенял героический тон той эпопеи, сравнялся в марше с ритмом той весенней «Марсельезы!»» [7, с. 21].

Таким образом, природа («весна») и история («революция») сливаются у Шульца в единое целое как мифоисторический рассказ. Писатель жанрово сближает его с «эпопеей» (от греч. «слово, повествование; творю»). Словарь литературных терминов И. А. Книгина дает следующее определение этому термину: «Эпопея — это значительное

по объему стихотворное или прозаическое произведение, затрагивающее общенациональную тематику. В начальные периоды развития словесности преобладала разновидность героического эпоса, изображавшая наиболее существенные события и коллизии жизни: мифологически осознанные народной фантазией столкновения природных сил, а также военные столкновения» [8], подчеркивая масштабность исторических событий и присутствие в нем крупных исторических фигур, таких как Александр Македонский. Вместе с тем важно подчеркнуть, что это не «история» как таковая, а «мифоистория». То есть история, рассказываемая нарратором, так называемый «текст весны», теряет один из основополагающих атрибутов исторического процесса — линейность, или последовательность ряда событий, протекающих во времени, и приобретает гипертекстовый характер: «Поэтому история наша по примеру этого текста будет распространяться на множество разветвившихся путей и вся будет пронизана весенними тире, вздохами и многоточиями» [7, с. 24].

В рассказе «Весна» структуро- и сюжетообразующую роль играют библейские мифологемы. Для завязки повествования большое значение имеет эпизод, произошедший в «маленьком ресторанчике с садом, что был зажат между задними стенами крайних домов на рыночной площади». Здесь герой Иосиф в обществе отца Иакова и анонимного фотографа после посещения ресторана видит «стандартный сон библейского Иосифа», названный им также «явным плагиатом с другого Иосифа, с которым такое произошло в совершенно иных обстоятельствах». Вот содержание этого сна: «Отец расстелил на земле пальто и уложил меня. Закрыв глаза, я видел, как солнце, луна и одиннадцать звезд, выстроившись, словно на параде, дефилируют передо мной / — Bravo, Иосиф! — воскликнул отец и одобрительно хлопнул в ладоши» [7, с. 31].

Этот эпизод из рассказа «Весна» является совершенно осознанной атрибутированной аллюзией (по словам рассказчика, «явным плагиатом») из истории молодости библейского Иосифа, который последовательно увидел два сна, возмущившие его братьев, — о снопах и о звездах: «И видел он еще другой сон и рассказал его братьям своим, говоря: вот, я видел еще сон: вот, солнце и луна и одиннадцать звезд поклоняются мне. И он рассказал отцу своему и братьям своим; и побранил его отец его и сказал ему: что это за сон, который ты видел? неужели я, и твоя мать, и твои братья придем поклониться тебе до земли? Братья его досадовали на него, а отец его заметил это слово» (Быт. 37: 9–11). При всем том здесь бросается в глаза не только сходство между обоими сюжетами (это мотив «поклонения», превосходства, владычества Иосифа над своими братьями и даже над отцом

с матерью), но и коренное различие: в рассказе «Весна» нет одиннадцати братьев Иосифа. Что же касается отца, носящего то же самое имя, что и библейский Иаков, то в рассказе «Весна» отец не «побранил» героя за дерзкий сон, а, наоборот, одобрил порыв сновидческой фантазии в эмоциональной форме («Браво, Иосиф!»). Другим важным отличием выступает тот факт, что в целом сюжет рассказа — события, происходящие с Иосифом Бруно Шульца в рассказе «Весна», — внешне ничем не совпадает с историей жизни библейского Иосифа.

Ребенок-нарратор «Санатория под Клепсидрой» носит библейское имя Иосиф (Юзеф), то же, что у героя романа Кафки «Процесс» (Йозеф К.). Библейский генезис имени Иосиф выявляется в рассказе Шульца «Весна», более того, он вступает в контаминативные отношения с кафковским мотивом обвинения и ареста: «Вы — господин Иосиф N.? — Да, — с недоумением отвечал я. — Не снился ли вам некоторое время назад стандартный сон библейского Иосифа? — спросил офицер. — Возможно... — Все правильно, — произнес офицер, заглянув в бумаги. — А известно ли вам, что сон этот был замечен в самой высокой инстанции и подвергнут суровейшей критике? — Я не отвечаю за свои сны, — сказал я. — Напротив, отвечаете. Именем его кайзеровско-королевского величества вы арестованы!!!» [9, с. 12].

Если говорить о связи мифа и истории в контексте рассказа «Весна», то невозможно упустить сравнение Франца Иосифа I (главы двуединого государства Австро-Венгерской империи, чье правление выпало на детские годы жизни Шульца) с демиургом, Творцом: «Многое говорит за то, что Франц Иосиф I, по сути дела, был могущественным и унылым демиургом... Этот черствый, отупелый старец, по сути своей не обладавший никакой привлекательностью, сумел перетянуть на свою сторону большую часть творения» [7, с. 32]. Описание у Шульца австро-венгерского монарха имеет аналогии с тем, как Кафка в мифо-историческом рассказе «Как строилась китайская стена» под аллегорической маской Китайской империи раскрывал образ правления в Австро-Венгрии. Как и Шульц, Кафка показывает контраст между обширностью империи и ничтожностью фигуры ее правителя: «Так обширна наша страна, что никакой сказке не охватить ее, едва удастся небу дотянуться от края до края, и Пекин на ней — только точка, а дворец императора — только точка. Но император как понятие, конечно, огромен, он высится сквозь все этажи вселенной. А живой император — такой же человек, как мы, подобно нам, лежит он на ложе, и хоть оно тщательно измерено, но все относительно весьма узкое и короткое» [10, с. 4].

В Китайской империи, говорится в рассказе Кафки, существует недоверие к реальным посланникам императора («И если один-единственный раз в жизни целого поколения какой-нибудь заезжий императорский чиновник, инспектируя провинцию, попадет случайно в нашу деревню, предъявит от имени правящего императора какие-нибудь требования... то по всем лицам заскользит улыбка, люди будут тайком переглядываться и наклоняться к детям, чтобы чиновник не видел их лиц» [10, с. 5]). Причина этого скепсиса ясна: посланник является представителем уже умершего императора. Здесь возникает точка пересечения между фантомом китайского императора у Кафки и императором-манекеном в рассказе Шульца «Весна».

Как и у Кафки, в рассказе «Весна» присутствуют фигуры вестников, гонцов, посланников императора. Причем если у Кафки вестник метафорически уподобляется лучу, доносящему до подданного «солнечный блеск императора», то и в рассказе Шульца говорится о том, что небесно-голубой цвет мундиров многочисленных «почтальонов, кондукторов и служащих департамента» императора Франца Иосифа метафорически уподобляет этих служащих «сонму ангелов», хотя в самом этом сверхъестественном сравнении заложена язвительная ирония: «Даже самый ничтожный из этих небесных гонцов сохранял на лице заимствованный от Творца отблеск предвечной мудрости и жовиальную благосклонную улыбку, даже если от ног его вследствие тягостных земных странствий несло потом» [7, с. 35].

В рассказе Шульца наряду с Францем Иосифом часто упоминается имя его младшего брата Максимилиана, эрцгерцога Австрии, который в 1864 году при поддержке французского императора Наполеона III получил титул и корону императора Мексики. После окончания Гражданской войны в Америке США, которые были против Максимилиана, стали поставлять оружие республиканцам. К 1866 году свержение Максимилиана с престола стало неотвратимым. Годом позже император Максимилиан I был расстрелян по приговору военного суда. «Этот условно рожденный, профессионально как бы пострадавший в силу своей роли неудачливый антагонист звался эрцгерцогом Максимилианом. Уже само это имя, произнесенное шепотом, молодит кровь у нас в жилах; она становится светлей и красней, быстрее пульсирует тем ярким цветом энтузиазма, сургуча и красного карандаша, которым помечены радостные телеграммы оттуда» [7, с. 29]. С эрцгерцогом Максимилианом ассоциируется красный цвет, это цвет революции, а с Францем Иосифом – черно-желтый (флаг империи Габсбургов), то есть цвет реакции. Таким образом, на «цветовом» уровне мифистики Шульца Франц Иосиф и Максимилиан представлены как

ангиподы. Несмотря на это, их объединяет шульцевская мифологема кукольности. Максимилиан так же был подобен восковой фигуре, заведенной кукле или манекену: «Соответствующим образом заведенный эрцгерцог производил механический обзор — искусно и торжественно, как привык при жизни... Ведь он даже не был собой в полном значении этого слова, а всего лишь приблизительным собственным двойником, изрядно упрощенным и пребывающим в глубокой прострации» [7, с. 30].

Нарратор, листая альбом с марками, не раз сравнивал себя с создателем мировой державы Александром Македонским. Таким образом, в сознании и воображении рассказчика соединяются три начала — это дух весны (молодости революции), жажда познания мира и географических открытий и нищепанская «воля к власти»: «Вместе с Александром Македонским я возжаждал всего мира. Всего — и ни пядью меньше» [7, с. 32]; «И тут, пожалуй, самая пора развернуть короткую параллель между Александром Великим и мной... он чересчур дословно воспринял Господни намеки. Будучи человеком действия, то есть человеком неглубокого духа, он истолковал свою миссию как предназначение завоевать весь мир» [7, с. 33]). Нарратор проводит скрытую параллель между судьбами Александра Македонского и Наполеона. Он пишет об Александре как о великом завоевателе, но также говорит о деградации этого выдающегося исторического деятеля. Здесь Шульц по-новому использует свой привычный мифологический прием превращения, иронически утверждая, что «в наказание Александр Македонский стал Францем Иосифом своего времени», то есть превратился из всемирного деятеля в одного из деспотов мира.

Бруно Шульцу и Францу Кафке удалось в своих произведениях органично сочетать историческое и мифологическое начала.

Список литературы

1. *Топоров В. Н.* История и мифы // Топоров В. Н. Мифология. Статьи для мифологических энциклопедий : в 2 т. М., 2014. Т. 1.
2. *Бердяев Н. А.* Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы. М., 1990.
3. *Бердяев Н. А.* Кризис искусства. М., 1990.
4. *Ставицкий А. М.* Мифологизация украинской истории: смысл и задачи. URL: <http://rusprostranstvo.com/?p=115> (дата обращения: 01.03.2017).
5. *Цыганков А. С.* Социальная идентичность и мифоистория: трансформационные изменения содержания мифологем // Известия Саратовского университета. 2014. №3 — 1, т. 14. С. 61 — 64.

6. Яковлева Е. Л. Мифологический символ как специфическая категория культуры // Вестник Самарского государственного университета. 2010. №7 (81). С. 160–165.
7. Шульц Б. Санаторий под Клепсидрой / пер. Л. Цывьяна. СПб., 2000.
8. Книгин И. А. Словарь литературных терминов. URL: <http://litterms.ru> (дата обращения: 01.03.2017).
9. Кафка Ф. Процесс / коммент. А. В. Белобратова. СПб., 2002.
10. Кафка Ф. Как строилась китайская стена / пер. с нем. В. Станевич. М., 2005.

Об авторе

Регурецкая Екатерина Михайловна, аспирант, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: jakun2010@mail.ru

Для цитирования:

Регурецкая Е. М. Мифоисторические образы рассказа Б. Шульца «Весна» в контексте мифологизма Ф. Кафки // Слово.ру: балтийский акцент. 2017. Т. 8, №2. С. 86–94. doi: 10.5922/2225-5346-2017-2-8.

THE MYTHICAL-HISTORICAL IMAGES OF BRUNO SCHULZ'S 'SPRING' IN THE CONTEXT OF KAFKA'S MYTHOLOGISM

E. M. Reguretskaya¹

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University,
14 A. Nevski Str., Kaliningrad, 236041, Russia

Submitted on May 18, 2017

Myths and history are different but related forms of consciousness. They date back to the archaic and new periods of world history. New forms of synthesis between history and myths translated in the 'mythical-historical imagery' of the 20th-century art. For the first time in the history of world culture, modernism has created a synthesis between the seemingly divergent elements – history and myths. This article analyses Schulz's short story 'Spring' in the context of Franz Kafka's mythological oeuvre – 'The Great Wall of China' and The Trial. The presence of mythical-historical images in their works is a common impulse, which creates a space for versatile mythopoetic interpretations shared by the two authors. The article examines the autonomy and synthesis of myths and history.

Key words: Schulz, Kafka, myth, history, mythical-historical images.

References

1. Toporov, V.N., 2014. History and myths. In: *Mifologiya. Stat'i dlya mifologicheskikh entsiklopedii* [Mythology. Articles for the mythological encyclopedias]. Moscow. Vol. 1.
2. Berdyaev, N.A., 1990. *Smysl istorii. Opyt filosofii chelovecheskoi sud'by* [The meaning of history. Experience of the philosophy of human destiny]. Moscow.
3. Berdyaev, N.A., 1990. *Krizis iskusstva* [Crisis of art]. Moscow.
4. Stavitskii, A.M., 2013. *Mifologizatsiya ukrainskoi istorii: smysl i zadachi* [Mythologization of history of Ukraine: its sense and tasks]. Available at: <http://rusprostranstvo.com/?p=115> [Accessed 03 March 2017].
5. Tsygankov, A.S., 2014. Social identity and mytho-history: transformational changes in the content of mythology. *Izvestiya Saratovskogo universiteta* [Proceedings of the Saratov University], 14(3–1), pp. 61–64.
6. Yakovleva, E.L., 2010. Mythological symbol as a specific category of culture. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Samara State University], 7(81), pp. 160–165.
7. Shul'ts, B., 2000. *Sanatorii pod Klepsidroi* [Sanatorium near Clepsydra]. St. Petersburg.
8. Knigin, I.A., 2006. *Slovar' literaturnykh terminov* [Dictionary of literary terms]. Available at: <http://litterms.ru/> [Accessed 03 March 2017].
9. Kafka, F., 2002. *Protsess* [Process]. St. Petersburg.
10. Kafka, F., 2005. *Kak stroilas' kitaiskaya stena* [How the Chinese wall was built]. Moscow.

The author

Ekaterina Reguretskaya, PhD student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: jakun2010@mail.ru

To cite this article:

Reguretskaya E.M. 2017, Reguretskaya E.M. The mythical-historical images of Bruno Schulz's 'Spring' in the context of Kafka's mythologism, *Slovo.ru: baltiiskij accent*, Vol. 8, no. 2, p. 86–94. doi: 10.5922/2225-5346-2017-2-8.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ НЕГРИТЮДА В РОМАНЕ ИВЛИНА ВО «СЕНСАЦИЯ»

Е. Е. Рябчикова¹

Целью статьи является изучение проблематики романа И. Во «Сенсация» сквозь призму имагологии (науки о создании и функционировании образов «других»). В идейной структуре произведения анализу подвергается теория негритюда, утверждающая особую роль в мире африканской цивилизации. Делается вывод о том, что в романе концепция негритюда реализуется при помощи такого литературного явления, как гротеск, а также о том, что данную теорию следует рассматривать во взаимосвязи с философско-историческими категориями цивилизации и варварства.

Ключевые слова: *И. Во, «Сенсация», негритюд, цивилизация, варварство.*

В 1938 году вышел роман И. Во «Сенсация», в котором отразились некоторые настроения и тенденции, царившие в европейском обществе того времени, такие как колониальная политика, идеологии фашизма, коммунизма, расизма. Одной из таких тенденций, нашедших художественный отклик на страницах романа Во, является концепция негритюда, разработанная в 1935 году Леопольдом Сенгором и Эме Сезером. В основе данной теории лежат утверждения об «исключительности всей негро-африканской цивилизации» и об «особой роли негроидных народов в возрождении единства человека и окружающего мира» [12, с. 134].

В негритюде на первый план выходит понимание уникальности своей собственной идентичности, попытка дать ей формулировку. С. Ф. Хантингтон так определял это понятие: «...идентичность на любом уровне – личности, племени, расы, цивилизации – можно определить только через отношение к "другим": другому человеку, племени, расе, цивилизации» [11, с. 191]. В концепции негритюда в роли

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 28.04.2017 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2017-2-9

© Рябчикова Е. Е., 2017

«другого» выступает модель европейского человека, которая разрабатывается отрицательно — лицемерной Европе усиленно противопоставляются глубокие духовные ценности Африки. Характерными чертами воззрений идеолога негритюда Э. Сезера были «отрицательное отношение к модернизации культурных моделей по западному образцу, а также выражение гордости за свою расу, ставящее во главу угла... расовое отличие само по себе» [5, с. 52]. По мнению другого идеолога негритюда Л. Сенгора, африканцы «обязаны заявить об оригинальности своей личности» (цит. по: [7, с. 259]), однако при этом негритюд «ставит проблему в плане взаимообмена и диалога, а не в плане противопоставления или расовой ненависти» (цит. по: [1, с. 50]).

Концепция негритюда получила резонанс в европейской культурной жизни XX века. Уже на ранней стадии ее формирования стали заметны противоречия во взглядах ее основоположников, а содержащиеся в ней идеи противопоставления Африки другим частям света и элементы расизма привели к неоднозначному пониманию и трактовке теории. И. Во, решая в своем романе сатирические задачи, дает художественный отклик и на эту теорию. И. В. Бердникова так характеризует центральную идейно-духовную концепцию всего творчества И. Во: «противостояние деструктивным силам, разрушающим основы европейского общества, его культуротворческий потенциал» [2, с. 58]. Его ранние романы представляют собой жесточайшую критику современного состояния цивилизации, состояния «цивилизованного варварства». Не стала исключением из этого правила и «Сенсация», действие которой разворачивается в вымышленной африканской стране Эсмаилии (Ishmaelia). Эсмаилия — это переосмысленная в художественном плане Эфиопия, которую сам писатель посетил несколько раз. Африканский материал оказался благодатной почвой для автора: переосмыслив полученный опыт, он создал многочисленные документальные и художественные произведения. К 1938 году в писательской карьере И. Во уже имелся роман «Черная напасть» («Black Mischief», 1932), а также два путевых очерка, касающихся непосредственно Эфиопии: «Далекий народ» («Remote people», 1931), описывающий коронацию абиссинского императора Хайле Селассие I, и «Во в Абиссинии» («Waugh in Abyssinia», 1936), отражающий положение дел в Эфиопии во Второй итало-абиссинской войне 1935–1936 годов.

В романе «Сенсация» вымышленная Эсмаилия, так же, как и настоящая Эфиопия, граничит с Суданом и не имеет выхода к морю. Однако эти страны соотносятся в произведении не только географи-

чески. Название Эсмаилия (Ishmaelia) носит библейский характер: Измаил – старший сын Авраама, от которого произошли измаильтяне, впоследствии арабы. Такое название имеет ярко выраженную исламскую окраску, но в романе это не мусульманская страна. В этом плане обнаруживается сходство с Эфиопией, неофициальное название которой, Абиссиния, происходит от арабского «хабеш», «хабаш», имени одного из южноаравийских племен, когда-то населявших данный район [3, с. 276].

Нам представляется, что обращение Ивлина Во к Африке является скорее художественно-иносказательным приемом раскрытия темы европейского «цивилизованного варварства», чем исследованием африканской цивилизации. Эсмаилия оказывается в романе «миром наоборот», а теория негритюда служит автору при этом своеобразным «кривым зеркалом», отражающим современные идеологии, которые для Ивлина Во становятся выражением варварского состояния умов – коммунизм и фашизм, что позволяет нам говорить о таком литературном приеме, как гротеск.

Несмотря на неоднозначность этого литературного явления и наличие нескольких дефиниций термина «гротеск», в литературоведении сложилось определенное представление относительно него: «Гротеск не может быть вписан в единый ряд с прочими тропами, он есть не стилистический прием и не фигура речи, но – базовый принцип художественного осмысления (художественного моделирования) бытия» [6, с. 41]. Ю. В. Манн говорит не о приеме гротеска, а «о гротескном принципе типизации отражения жизни» [8, с. 22], Д. П. Николаев считает, что гротеск организует «не те или иные отдельные моменты повествования, а художественную структуру в целом» [9, с. 83]. Несомненно, гротеск обладает определенными особенностями, которые позволяют в произведении отличить его от других явлений. Д. П. Николаев относит к ним тенденциозную деформацию реальности, амбивалентность, наличие объекта осмеяния [9, с. 83]. В романе И. Во «Сенсация» объектом осмеяния становится иррациональное, «варварское» состояние современной цивилизации.

В начале повествования обстановка в вымышленной Эсмаилии характеризуется как «предвоенное состояние». По информации, имеющейся у европейцев, в стране конфликтуют две партии – большевиков и фашистов, причем обе называют себя «патриотами», а друг друга считают «предателями». Ирония заключается в том, что в самой Эсмаилии не догадываются о существовании таких политических групп

пировок. Тем не менее в Лондоне находятся и успешно функционируют консульские представительства обеих партий, в самом центре города открыто пропагандирующие превосходство африканцев над европейцами:

Оригинал И. Во
William walked to Hyde Park. ...
— 'Who built the Pyramids?' cried the
Ishmaelite orator. 'A Negro. Who in-
vented the circulation of the blood? A Ne-
gro. Ladies and gentlemen, I ask you...
who discovered America? [13, p. 48].

Перевод (А. Ю. Бураковская)
Уильям вышел погулять в Гайд-парк. ...
— Кто построил пирамиды? — надры-
вался эсмаильский оратор. — Негр.
Кто изобрел кровообращение организма? Негр.
Леди и джентльмены, я спрашиваю
вас... кто открыл Америку? [4, с. 69].

Особенностью гротеска в данном случае является деформация реальности. Автор, описывая ситуацию, гиперболизирует положения теории негритюда об исключительности африканской цивилизации. Чернокожий оратор в Гайд-парке открыто фальсифицирует историю, «эксплуатирует» ее для достижения поставленной цели: убедить аудиторию не только в том, что создатели первой цивилизации на Земле были чернокожими (*Who built the Pyramids?*), но и в том, что они превзошли белых в своих достижениях (*Who invented the circulation of the blood? Who discovered America?*). Эти слова в романе принадлежат эсмаильскому консулу, представляющему партию большевиков. Позднее он скажет следующее:

Africa for the African worker; Europe
for the African worker; Asia, Oceania,
America, Arctic, and Antarctic for the
African worker [13, p. 50].

Африка — африканскому рабочему.
Европа — африканскому рабочему.
Азия, Океания, Америка, Арктика и
Антарктика — африканскому рабо-
чему! [4, с. 72].

Художественный метод Во-сатирика предполагает прием доведения какой-либо ситуации до абсурда, в результате чего изображаемые явления переходят в свою противоположность. Так, исходя из взятого консулом на веру «неоспоримого» факта того, что африканская цивилизация превосходит белую, он заявляет, что все материки мира должны принадлежать чернокожим, то есть Африка должна цивилизовать весь остальной мир. В этом случае гротеск проявляется в виде деформации реальности.

Т. П. Сазонова замечает, что изображенная в романах И. Во европейская цивилизация с ее девальвацией ценностей и внутренней опу-

стошенностью «особенно опасна для наивных "варваров", пытающихся бездумно копировать чуждые им социальные и культурные модели» [10, с. 50]. Такая цивилизация превращает людей, наивно верящих в нее, в забавные марионетки, смешно двигающие конечностями и автоматически изрекающие нелепые фразы, как, например, консул эс-маильских «фашистов»:

As you will see for yourself, *we are pure Aryans*. In fact *we were the first white colonizers of Central Africa*. <...> In the course of the years the tropical sun has given to some of us a healthy, in some cases almost a swarthy tan. But all responsible anthropologists... [13, с. 52].

Как вы сами вскоре убедитесь, *мы – чистокровные арийцы*. На самом деле *мы первые белые колонизаторы Северной Африки*. <...> Разумеется, много лет находясь под тропическим солнцем, они [наши предки] приобрели здоровый, в некоторых случаях даже темный загар. Но все авторитетные антропологи... [4, с. 74].

В этой ситуации гротеск проявляется в виде деформации реальности и амбивалентности, то есть наличия взаимоисключающих явлений. Чернокожий оратор доказывает превосходство африканской цивилизации с позиции заимствованной идеологии фашизма, зародившейся именно в Европе. Расовые особенности фальсифицируются, однако в этом случае африканцы признаются белой расой. Консул фашистов, считающий черную расу белой (*we are pure Aryans*), предстает в романе зеркальным отражением консула большевиков, называющего белую расу черной (*great Negro Karl Marx*).

И. Во как мастер художественного слова отразил в своем произведении актуальную на тот момент и современную ему концепцию негритюда, призванную заявить миру о существовании особой африканской ментальности. Однако автор не является простым транслятором идей негритюда. Писатель пользуется доказательством от противного: придав эпизодам гротескный характер, он смог выявить и показать элементы расизма, заложенные в данной концепции, предвосхитив те проблемы, которые спустя годы будут решать психологи, философы и культурологи. Гротеск в его произведении характеризуется амбивалентностью, тенденциозной деформацией реальности и наличием объекта осмеяния. Подобные гротескные ситуации, сочетая в себе элементы трагического и комического, по замыслу автора, служат показателем нравственного разложения и иррациональности современного европейского общества и, наоборот, подчеркивают важность сохранения своеобразия культур и традиций.

Список литературы

1. Андреев И.Л. Является ли африканец «европейцем наоборот»? // Вопросы философии. 1999. №11. С. 49–66.
2. Бердникова И.В. Идеино-философская основа и культурно-художественные контексты ранних романов Ивлина Во : дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2006.
3. Большая советская энциклопедия. М., 1973. Т. 49.
4. Во И. Сенсация : роман / пер. с англ. А.Ю. Бураковской. М., 2010.
5. Высоцкая Н.И. Африка в поисках идентичности // Восток. 2005. №3. С. 50–60.
6. Дормидонова Т.Ю. Гротеск как литературоведческая проблема // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. №51. С. 40–44.
7. Корнеев М.Я. Метафизика, эстетика и компаративистика Леопольда Седара Сенгора // Размышления о философии на перекрестке второго и третьего тысячелетий : сб. к 75-летию профессора М. Я. Корнеева. (Сер. «Мыслители». Вып. 11.) СПб., 2002. С. 256–277.
8. Манн Ю.В. О гротеске в литературе. М., 1966.
9. Николаев Д.П. Сатира Щедрина и реалистический гротеск. М., 1977.
10. Сазонова Т.П. Теория «комического автоматизма» А. Бергсона в художественной системе Ивлина Во // Вестник ОГПУ. 2005. №2. С. 49–51.
11. Хантингтон С. Ф. Столкновение цивилизаций. М., 2003.
12. Ямщиков Д.В. Неклассические парадигмы модернизации в глобальную эпоху: афро-азиатские сценарии // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2006. №2. С. 130–139.
13. *Waugh Ev.* Scoop: a novel about journalists. L., 2000.

Об авторе

Рябчикова Екатерина Евгеньевна, аспирант, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: ryabchikova_ekaterina@mail.ru

Для цитирования:

Рябчикова Е.Е. Художественное переосмысление концепции негритюда в романе Ивлина Во «Сенсация» // Слово.ру: балтийский акцент. 2017. Т. 8, №2. С. 95–102. doi: 10.5922/2225-5346-2017-2-9.

THE LITERARY REVISION OF NÉGRITUDE
IN EVELYN WAUGH'S NOVEL SCOOPE. E. Ryabchikova¹

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University,
14 A. Nevski Str., Kaliningrad, 236041, Russia

Submitted on April 28, 2017

This article analyses the problems addressed in Evelyn Waugh's novel *Scoop*, through the prism of imagology – the study of cultural stereotypes as presented in literature. Within the ideational structure of the novel, the author analyses the theory of *négritude*, which holds that the African civilisation plays a special role in the world. It is concluded that the *négritude* philosophy is expressed in the novel through grotesque and the theory of *négritude* should be analysed in the context of philosophical and historical categories of civilization and barbarism.

Key words: Waugh, *Scoop*, *négritude*, civilization, barbarism.

References

1. Andreev, I.L., 1999. Is the African a "European on the contrary"? *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 11, pp. 49–66.
2. Berdnikova, I.V., 2006. *Ideino-filosofskaya osnova i kul'turno-khudozhestvennyye konteksty rannikh romanov Ivliny Vo* [The ideological-philosophical basis and cultural-artistic contexts of the early novels of Evelyn Waugh]. Cand. philol. sci. diss. Omsk.
3. Prokhorov, A.M., ed., 1973. *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [Great Soviet Encyclopedia]. Moscow. Vol. 49.
4. Vo, I., 2010. *Sensatsiya* [Sensation]. Moscow.
5. Vysotskaya, N.I., 2005. Africa in search of identity. *Vostok* [East], 3, pp. 50–60.
6. Dormidonova, T. Yu., 2008. Grotesque as a literary problem. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena* [News of the A.I. Herzen RSPU], 51, pp. 40–44.
7. Korneev, M. Ya., 2002. Metaphysics, aesthetics and comparativistics of Leopold Sedar Senghor. In: Yu.N. Solonin, B.G. Sokolov, L. Yu. Sokolova, eds. *Razmyshleniya o filosofii na perekrestke vtorogo i tret'ego tysyacheletii: sbornik k 75-letiyu professora M. Ya. Korneeva* [Reflections on philosophy at the intersection of the second and third millennium: a collection for the 75th birthday of Professor M. Ya. Korneev]. St. Petersburg. pp. 256–277.
8. Mann, Yu.V., 1966. *O groteske v literature* [About grotesque in literature]. Moscow.
9. Nikolaev, D.P., 1977. *Satira Shchedrina i realisticheskii grotesk* [Satire of Shchedrin and the realistic grotesque]. Moscow.

10. Sazonova, T.P., 2005. The theory of "comic automatism" by A. Bergson in the art system of Evelyn Waugh. *Vestnik OGPU* [Bulletin of the OSPU], 2, pp. 49–51.

11. Khantington, S.F., 2003. *Stolknovenie tsivilizatsii* [Clash of civilizations]. Moscow.

12. Yamshchikov, D.V., 2006. Nonclassical paradigms of modernization in the global era: Afro-Asian scenarios. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya* [Bulletin of the Tyumen State University. Socio-economic and legal research], 2, pp. 130–139.

13. Waugh, Ev., 2000. *Scoop: a novel about journalists*. London.

The author

Ekaterina E. Ryabchikova, PhD student, I. Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: ryabchikova_ekaterina@mail.ru

To cite this article:

Ryabchikova E.E. 2017, The literary revision of *Négritude* in Evelyn Waugh's novel *Scoop*, *Slovo.ru: baltiiskij accent*, Vol. 8, no. 2, p. 95–102. doi: 10.5922/2225-5346-2017-2-9.

**«НЕПОБЕДИМЫМ МНОГОЛЕТЬЕ!»:
АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ СМЫСЛЫ
ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫХ ОБРАЗОВ
В СТИХОТВОРЕНИИ Б. Л. ПАСТЕРНАКА «НЕОГЛЯДНОСТЬ»**

М. Н. Коннова¹

Анализируются особенности хромотопической структуры стихотворения Б.Л. Пастернака «Неоглядность» (1944). В широком контексте русской лингвокультуры раскрывается аксиологическое содержание, актуализируемое пространственно-временными образами в авторской картине мира поэта. Устанавливается, что ведущий мотив стихотворения – тема победы – разворачивается в нескольких взаимопроникающих темпоральных сферах: в исторических планах прошлого и настоящего и в метафизическом пространстве инобытия.

Ключевые слова: время, пространство, аксиология, победа, Б. Пастернак.

Стихотворение «Неоглядность» относится к периоду Великой Отечественной войны. Поводом к его созданию послужило обращение к Б.Л. Пастернаку редакции газеты «Красный флот» с просьбой отозваться на учреждение 3 марта 1944 года орденов П.С. Нахимова и Ф.Ф. Ушакова. Поэт откликнулся немедленно – 8 марта стихотворение было напечатано. Признание заслуг великих адмиралов перед Родиной и возможность художественного осмысления их подвига оказались для Б.Л. Пастернака чрезвычайно важными.

Начальные строки первой строфы сообщают стихотворению торжественное, победное звучание:

Непобедимым многолетье,
Прославившимся исполать!

Этимологически тождественные лексемы *многолетье*, *исполать*, представляющие собой перевод-кальку и транслитерацию с греческо-

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 24.05.2017 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2017-2-10

© Коннова М. Н., 2017

го εἰς πολλὰ ἔτη («на многая лета»), соотносят смысловое пространство строфы с различными темпоральными планами. Временной вектор пожелания *многoletия*, восходящего к словам «Господи! сохрани их *на многая лета!*», устремлен из настоящего в будущее — к нынешним и грядущим героям. Восклицание *Исполать* («славно!» [2, т. 2, с. 55]), усиливающее ретроспективную семантику причастия совершенного вида *прославившиеся*, становится выражением благодарного чествования верных сынов России. Импликация связывает церковнославянские лексемы *многoletие* и *исполать* со строем православного богослужения, в котором сливаются настоящий момент литургического круга и вечность. Актуализируя мысль о вневременной, непреходящей славе, они подчеркивают «священный характер войны в защиту Отечества» [8, с. 175]. В этом контексте раскрывается глубинный смысл первой строфы. В церковнославянских гимнографических текстах, которые хорошо знал Б. Л. Пастернак², *непобедимыми* именуются христианские мученики, претерпевшие величайшие страдания и оставшиеся непобежденными³.

После торжественного аккорда начальных стихов вторая часть строфы звучит спокойно и жизнеутверждающе:

Раздолье жить на белом свете,
И без конца морская гладь.

² Истоки религиозного мировоззрения Б. Л. Пастернака — в его детстве. В письме к Жаклин де Пруайяр поэт писал: «Я был крещен своей няней в младенчестве. <...> Это... оставалось всегда душевной полутайной, предметом редкого и исключительного вдохновения, а отнюдь не спокойной привычкой. В этом, я думаю, источник моего своеобразия» [10, с. 167]. Отличительной чертой религиозности Б. Пастернака была его любовь к православному богослужению. Вспоминая в беседе с Е. Крашенинниковой посещения храма в детстве, Б. Л. Пастернак говорил: «Каждое слово богослужения казалось мне непревзойденным, из-за формы: смысл и слово совпадали; я, как губка, все впитывал. <...> Я и сейчас все прекрасно помню» [6]. Сын и биограф поэта Е. Б. Пастернак отмечал: «Кроме запомненных с детства молитв в бумагах Пастернака сохранились стертые на сгибах листки с выписками из служебных текстов, которые он носил с собою в церковь и постепенно учил» [12, с. 654].

³ *Непобедимым* назван святой покровитель адмирала Федора Федоровича Ушакова великомученик Феодор Тирон, память которого праздновалась в 1944 году в день учреждения орденов — 3 марта (н. ст.): «Веру Христову, яко щит, внутрь приим в сердце твоём, противныя силы попрали еси, многострадальче: и венцем небесным венчался еси вечно, Феодоре, яко *непобедимый*» (Кондак).

Во внутренней форме субстантива *раздолье* в синкретичном единстве сливаются два смысловых пласта — физический образ («раздолье от дол — низина, открытая со всех сторон» [15, т. 3, с. 434]) и его бытийное понимание («раздолье от доля — простор, обилие и воля» [2, т. 4, с. 27]). Лексема *раздолье* — это иносказательное имя свободной и радостной судьбы, метафорически ословленное в терминах широкой, вольной дали. Категориальные смыслы «созерцательного» наклонения, свойственные абсолютной инфинитивной конструкции *жить на белом свете*, актуализируют образ иного — вневременного — пространства [5, с. 212]. Его хроматическим именем становится цвет солнечного света — *белый*, символизирующий явление мира небесного в мире земном [7, с. 55]. Семантика преодоления преграды, выхода из ограниченного пространства, имплицитно присущая слову *раздолье* и выражению *без конца морская гладь*, ассоциативно связывает вводимый начальными стихами строфы мотив победы с мыслью о совершенной полноте бытия⁴ [3, с. 435].

Во второй строфе образ безграничной шири белого света становится метафорическим выражением внутренней сущности исторического бытия России:

И русская судьба безбрежной,
Чем может грезиться во сне,
И вечно остается прежней
При небывалой новизне.

Слово *судьба* актуализирует здесь свое первоначальное значение — участь, предназначенная от Бога [3, с. 688]. Метафорическое сравнение *безбрежной, чем может грезиться во сне* иносказательно передает мысль о том, что *русская судьба* как замысел Божий о России превосходит границы человеческого понимания. Семантика тождества, присущая предикативному прилагательному «остается *прежней*» («такой, как была раньше» [9, с. 572]) и усиливаемая наречием *вечно*, оттеняет онтологическую неизменность и вневременной смысл отечественной истории. Антитеза «прошлого» и «настоящего» высвечивает самобытность русского пути, где *прежнее* — «душа Родины», воспитанная на идеалах «вольных просторов христианства» [16, с. 331], — при всех поворотах истории (*небывалой новизне*) сохраняет верность своему призванию.

⁴ Концептуальная близость актуализируемого словом *раздолье* пространственно-го образа и мысли о победе с особой отчетливостью эскипцируется в стихотворении «Зарево» (1943 год): «А горизонты с перспективами! / А новизна народной роли! / А вдаль летящее порывами / И победившее раздолье!» [11, с. 406].

В третьей и четвертой строфах однородные подлежащие именуют те явления-события, которые предстают совершенным выражением неповторимости русской судьбы:

И на одноименной грани
Ее поэтов похвала,
Историков ее преданья
И армии ее дела.

И блеск ее морского флота,
И русских сказок закрома,
И гении ее полета,
И небо, и она сама.

Метафора *на одноименной грани* высвечивает глубинное единство многообразных дарований русского духа. Основа *одноимен-* имплицитно указывает на их источник и идеал: устремленность всего бытия России к Богу, имя Которого «выше всякого имени» (Флп. 2: 9)⁵.

Во всей полноте неотмирность русского пути раскрывается в заключительных стихах четвертой строфы. В кульминационной точке восходящей градации — «И небо, и она сама» — судьба России сопрягается с образом мира горнего. Отсутствие в бытийных конструкциях этих строф глагольного предиката помещает русскую историю в предельно широкий темпоральный контекст.

Воплощением идеала служения Родине становится жизнь великих адмиралов — П. С. Нахимова (1802—1855) и Ф. Ф. Ушакова (1745—1817):

И вот на эту ширь раздолья
Глядят из глубины веков
Нахимов в звездном ореоле
И в медальоне — Ушаков.

Темпоральным «ключом» к пониманию подвига прославленных флотоводцев становится метафорическое выражение *из глубины веков*. Смысл, реализуемый этим сочетанием в стихотворении Б. Л. Пастерна-

⁵ Ср. надпись на медали, учрежденной в честь победы в Отечественной войне 1812 года: «Не нам, не нам, но имени Твоему» [8, с. 178]. Эти слова восходят к стиху 113 псалма — «Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему дай славу» (Пс. 113: 9).

ка, качественно отличается от устойчивого фразеологического значения «из далекой древности» [9, с. 129]. Существительному *глубина* в его переносном прочтении присущи семантические признаки необъятности, непостижимости, неизмеримости [2, т. 1, с. 357]. В этом микроконтексте высвечивается многогранность энантиосемичного корня *-век-/ -веч-*, способного передавать не только временные (*век* – «срок в сто лет; эпоха»), но и вневременные смыслы (*век* – «вечность» [3, с. 113; 9, с. 69]).

Идея пространственной близости, наглядности, актуализируемая в начальных стихах строфы указательной частицей *вот*, дейктическим местоимением *эта* и глаголом зрительного восприятия *глядят*, имплицитно мыслит о том, что живая реальность вечности, в которой пребывают великие флотоводцы, не отчуждена от разворачивающейся «здесь и сейчас» исторической судьбы России, но сопричастна ей.

Словосочетание *звездный ореол* прямым своим значением отсылает к рубиновой звезде ордена, в центре которого помещено профильное изображение П. С. Нахимова. Прилагательное *звездный* привносит ассоциации с недостижимой высотой, с блеском славы (*звездный час*). В семантике существительного *ореол* мысль о земном («блеск, почет, окружающие кого-н.» [9, с. 450]) сливается с образом небесного – «нимб, венец» [Там же, с. 450]. Звездный ореол вечной славы окружает имя Павла Степановича Нахимова с минуты его смертельного ранения на Малаховом кургане осажденного Севастополя 28 июня (ст. ст.) 1855 года.

Словом *медальон* именуется не только «большая медаль» [2, т. 2, с. 311], но и ключевой элемент храмовой росписи. «В медальоне» помещается изображение святого. Многозначная лексема, использованная Б. Л. Пастернаком, явилась своего рода предвосхищением церковного прославления, которое увенчало служение непобедимого адмирала Ф. Ф. Ушакова 5 августа (н. ст.) 2001 года⁶.

⁶ В 1995 году председатель Союза писателей России, автор романа «Адмирал Ушаков» В. Ганичев обратился с просьбой к патриарху Алексию II (Ридигеру, † 2008) о рассмотрении возможности канонизации Ф. Ф. Ушакова: «Ваше Святейшество! <...> Ф. Ф. Ушаков был самый выдающийся русский военноморской начальник за всю историю отечественного флота. Нет сомнения, что все сорок кампаний, которые он завершил, были победоносны по промыслу Божию. Федор Ушаков был глубоко верующим, на кораблях его флотилии ежедневно совершались богослужения. <...> Он постоянно заботился о людях, добывал для них пропитание, одежду, а в случае отсутствия денег у государства, в Адмиралтействе он отдавал свои, которые ему часто не возвраща-

Сущность земного подвига прославленных адмиралов раскрывается поэтом в шестой и седьмой строфах, где временная семантика переплетается с деятельностно-бытийной:

Вся жизнь их — подвиг неустанный.
Они, не пожалев сердец,
Сверкают темой для романа
И дали чести образец.

Их жизнь не промелькнула мимо,
Не затерялась вдалеке.
Их след лежит неизгладимо
На времени и моряке.

В окказиональной авторской метафоре *не пожалеть сердца* слово-символ *сердце* выступает метонимическим именем души⁷ [3, с. 592; 9, с. 702]. Внутренняя форма этого иносказания, подчеркивающего предельно высокую аксиологическую отнесенность служения великих адмиралов, восходит к евангельской заповеди о крестном пути жизни: «Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною. Ибо *кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее*» (Мк 8: 34–35; ср. Лк. 9: 23–26, Мф. 10: 37–39).

В темпоральном пространстве шестой и седьмой строф сопрягаются два временных плана. Образ исторического прошлого актуализиру-

ли. <...> Завершив свой боевой путь, Ушаков поселился у стен Санаксарского монастыря и усиленно молился сам и вместе с братией. Имя его и после смерти являло чудесные представления. Вроде бы забытый и ушедший с исторической сцены и памяти, он вдруг явился народу нашему, армии и флоту в годину смертельных испытаний и вдохновил их на победу против антихристианского воинства. По свидетельству монахов, было немало чудес вокруг захоронения Ф. Ушакова. <...> Все это позволяет обратиться к Вам и Священному синоду с просьбой изучить этот вопрос. Нет сомнения, если бы высшие церковные инстанции пришли к выводу о возможности причисления Федора Ушакова к лику святых Русской православной церкви, то наш флот, миллионы плавающих и служащих на нем получили бы достойного духовного покровителя, как и все русские люди» [1, с. 105].

⁷ Ср. аксиологически тождественный образ в стихотворении «Смерть сапера» (1943): «Мы оттого теперь у Гомеля, / Что на поляне в полнолуние / *Своей души не сэкономили* / В пластунском деле накануне. / Жить и сгорать у всех в обычае, / Но жизнь тогда лишь обесмертишь, / Когда ей к свету и величию / *Своею жертвой путь прочертишь*» [4, с. 231].

ется глаголом совершенного вида «дали чести образец» и деепричастием «не пожалев сердец». Формы актуального настоящего «сверкают темой для романа⁸», «след лежит неизгладимо» отсылают к современности. Пятикратный повтор отрицательной частицы *не* подчеркивает их причинно-следственное единство: самоотверженные подвиги, совершенные однажды во времени («подвиг *неустанный*», «не пожалев сердец»), не исчезают в небытии («жизнь *не* промелькнула», «*не* затерялась»), но пребывают в вечности («их след лежит *неизгладимо*»).

В восьмой, девятой и десятой строфах жизнь и деятельность прославленных адмиралов предстают как совершающиеся в пространстве настоящего:

Они живут свежо и пылко,
Распорядительны без слов
И чувствуют родную жилку
В горячке гордых парусов.

На боевой морской арене
Они из дымовых завес
Стрелой бросаются в сраженье
Противнику наперерез.

Бегут в расстройстве стаи турок.
За ночью следует рассвет.
На рейде тлеет, как окурок,
Турецкий тонущий корвет⁹.

⁸ Ср., в частности, опубликованный незадолго до Великой Отечественной войны роман-эпопею С. Н. Сергеева-Ценского «Севастопольская страда» (1937–1939). Им написана также повесть «Флот и крепость» (1941), посвященная взятию Ф. Ф. Ушаковым острова-крепости Корфу.

⁹ Ср. приводимое в житии св. праведного воина Феодора (Ушакова) описание боя у мыса Калиакрия — одного из важнейших морских сражений русско-турецкой войны 1787–1791 годов: «31 июля 1791 года на подходах к мысу Калиакрия Ушаков обнаружил турецкий флот, стоявший в линии на якоре под прикрытием береговых батарей. Появление русской эскадры было для турок полной неожиданностью — их охватила паника. Турки в спешке стали рубить канаты и ставить паруса. При этом несколько кораблей, не справившись с управлением на крутой волне при порывистом ветре, столкнулись друг с другом и получили повреждения. Ушаков, будучи на ветре и пользуясь неразберихой в стане неприятеля, принял изумительное по находчивости решение и повел свой флот между турецкими кораблями и беспрестанно паллящей береговой батареей (ср. *Из дымовых завес*. — М. К.), отрезая (ср. *Против-*

Глаголы несовершенного вида *живут, чувствуют, бросаются, бегут* представляют действие в процессе, изображают ситуацию без временных границ [13, с. 66]. Присущая этим формам категориальная семантика одновременности происходящего и момента речи свидетельствует о том, что описываемые исторические события имеют «статус актуальной действительности» [Там же, с. 125]. В этом преодолении границ двух темпоральных планов — прошлого и настоящего — раскрывается сущность самоотверженного служения: совершавшееся некогда в истории, оно стало сопричастным вечности.

Экзистенциальный корень *-жи-*, объединяющий словесное пространство шестой («*Вся жизнь их...*») и седьмой («*Их жизнь...*») строф, реализуется в восьмой строфе в форме личного предиката — «*Они живут*». Глагол высвечивает динамическую природу бытия — непрерывно совершающегося действия. Стремительный, молниеносный характер последнего оттеняют метафорические образы огня — «*живут... пылко*», «*в горячке... парусов*».

В заключительной, одиннадцатой, строфе во всей полноте раскрывается глубинный смысл вынесенного в заглавие стихотворения слова *неоглядность* («неоглядное пространство, какое нельзя окинуть взором» [2, т. 2, с. 525]):

И, все препятствия осилив,
Ширяет флагманский фрегат,
Размахом вытянутых крыльев
Уже не ведая преград.

Начальное обобщающее утверждение «все препятствия осилив» вводит образ победы как итога и преодоления, передает мысль о начале нового, качественно иного бытия. Метафора свободного полета, актуализируемая глаголом *ширять* («плавно лететь, парить» [2, т. 4,

нику наперерез. — М. К.) корабли от берега. Бой разгорелся с потрясающей силой. Боевая линия турок была разбита, их корабли были настолько стеснены, что били друг в друга, укрываясь один за другого... Русские корабли, окружив противника, буквально осыпали его ядрами. Турецкий флот был «совершенно уже разбит до крайности» и в очередной раз бежал с поля боя (ср. *Бегут в расстройстве стаи турок*. — М. К.). А в Константинополе, не имея известий о происшедшем морском сражении, праздновали курбан-байрам и радовались; но вскоре «сверх чаяния сия радость обратилась в печаль и страх», вызванные появлением у крепостей Босфора остатков эскадры... Вид пришедших кораблей был ужасен... в довершение всего корабль самого Сит-Али (главнокомандующего турецкой эскадрой), войдя на рейд, стал на виду у всех тонуть (ср. *На рейде тлеет, как окурок / Турецкий тонущий корвет*. — М. К.) и пушечными залпами просить о помощи...» [14, с. 13–14].

с. 634]) и деепричастным оборотом *размахом вытянутых крыльев уже не ведая преград*, создает картину вольного безбрежного пространства. Образ небесной шири символизирует собой торжествующую реальность «победившего раздолья» — *неоглядность* вечности.

Список литературы

1. Ганичев В. Адмирал Ушаков. Исторический роман // Роман-журнал XXI век. 2001. №6. С. 8–105.
2. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1956.
3. Дьяченко Григорий, свящ. Полный церковно-славянский словарь. М., 2007.
4. Жди меня: стихотворения. М., 2015.
5. Жолковский А. К. Поэтика Пастернака: Инварианты, структуры, интертексты. М., 2011.
6. Крашенинникова Е. Крупицы о Пастернаке // Новый мир. 1997. №1. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1997/1/krashen-pr.html (дата обращения: 02.06.2015).
7. Кутковой В. С. Смысловые особенности цвета в иконе «Святая Троица» преподобного Андрея Рублева // Андрей Рублев и мир русской культуры: к 650-летию рождения. Калининград, 2011. С. 52–60.
8. Мельникова Л. В. Русская Православная Церковь в Отечественной войне 1812 года. М., 2002.
9. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1995.
10. Пастернак Б. Письма к Жаклин де Пруайяр // Новый мир. 1992. №1. С. 127–189.
11. Пастернак Борис. Избранное : в 2 т. СПб., 1998. Т. 1 : Стихотворения и поэмы.
12. Пастернак Е. Б. Борис Пастернак. Биография. М., 1997.
13. Петрухина Е. В. Русский глагол: категории вида и времени (в контексте современных лингвистических исследований). М., 2009.
14. Святой праведный воин Феодор (Ф. Ф. Ушаков, адмирал флота Росийского). Житие, служба. Киев, 2001.
15. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. М., 1987. Т. 3.
16. Шмелев И. С. Душа Родины: Избранная проза. М., 2001.

Об авторе

Коннова Мария Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: maria.konnova@rambler.ru

Для цитирования:

Коннова М. Н. «Непобедимым многолетье!»: аксиологические смыслы пространственно-временных образов в стихотворении Бориса Пастернака «Неоглядность» // Слово.ру: балтийский акцент. 2017. Т. 8, № 2. С. 103–113. doi: 10.5922/2225-5346-2017-2-10.

'MANY YEARS TO THE INVINCIBLE':
THE AXIOLOGICAL MEANINGS OF THE SPATIAL
AND TEMPORAL IMAGES IN BORIS PASTERNAK'S POEM
'NEOGLYADNOST'/'SPANLESSNES'

M. H. Konnova¹

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University,
14 A. Nevski Str., Kaliningrad, 236041, Russia

Submitted on May 24, 2017

This article is an attempt to expose and analyse the chronotopical structure of Boris Pasternak's poem 'Neogliadnost'/'Spanlessness', written in 1944. The axiological meaning of spatiotemporal images in the poet's Weltanschauung is evaluated within a broader context of Russian language and culture. It is argued that the poem's key value-laden motif, victory, is introduced in the text in three temporal domains. Two of them – the planes of the historical past and present – belong to the sphere of time. They are intrinsically linked by their reference to the metaphysical realm of eternity.

Key words: time, space, value, victory, Boris Pasternak.

References

1. Ganichev, V., 2001. Admiral Ushakov. Historical novel. *Roman-zhurnal XXI vek* [Novel-magazine XXI century], 6, pp. 8–105.
2. Dal', V., 1956. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. Moscow.
3. D'yachenko, G., priest, 2007. *Polnyi tserkovno-slavyanskii slovar'* [Full Church Slavic dictionary]. Moscow.
4. Simonov, K., Vysotskii, V., Okudzhava, B. et al., 2015. *Zhdi menya: stikhotvoreniya* [Wait for me: poems]. Moscow.
5. Zholkovskii, A.K., 2011. *Poetika Pasternaka: Invarianty, struktury, interteksty* [Pasternak's Poetics: Invariants, Structures, Intertexts]. Moscow.
6. Krasheninnikova, E., 1997. Bits about Pasternak. *Novyi mir* [New world], 1. Available at: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1997/1/krashen-pr.html [Accessed 02 June 2015].
7. Kutkovi, V.S., 2011. Semantic features of color in the icon "Holy Trinity" of the Monk Andrei Rublev. In: L.G. Dorofeeva et al., eds. *Andrei Rublev i mir russkoi kul'tury: k 650-letiyu rozhdeniya* [Andrei Rublev and the world of Russian culture: to the 650th anniversary of his birth]. Kaliningrad. pp. 52–60.
8. Mel'nikova, L. V., 2002. *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' v Otechestvennoi voine 1812 goda* [Russian Orthodox Church in the Patriotic War of 1812]. Moscow.

9. Ozhegov, S.I., Shvedova, N. Yu., 1995. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow.
10. Pasternak, B., 1992. Letters to Jacqueline de Pruyar. *Novyi mir* [New world], 1, pp. 127–189.
11. Pasternak, B., 1998. *Izbrannoe. T. 1: Stikhotvoreniya i poemy* [Selected works. Vol.1: Pieces of poetry and poems]. St. Petersburg.
12. Pasternak, E.B., 1997. *Boris Pasternak. Biografiya* [Boris Pasternak. Biography]. Moscow.
13. Petrukhina, E.V., 2009. *Russkii glagol: kategorii vida i vremeni (v kontekste sovremennykh lingvisticheskikh issledovaniy)* [Russian verb: categories of species and time (in the context of modern linguistic research)]. Moscow.
14. Holy righteous warrior Feodor (Ushakov, F.F., admiral of the the Russian fleet), 2001. *Zhitie, sluzhba* [Life, service]. Kiev.
15. Fasmer, M., 1987. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Moscow. Vol. 3.
16. Shmelev, I.S., 2001. *Dusha Rodiny: Izbrannaya proza* [Soul of the Motherland: Selected Prose]. Moscow.

The author

Dr Maria N. Konnova, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.
E-mail: maria.konnova@rambler.ru

To cite this article:

Konnova M.N. 2017, 'Many years to the invincible': The axiological meanings of the spatial and temporal images in Boris Pasternak's poem 'Neoglyadnost'/'Spanlessness', *Slovo.ru: baltiiskij accent*, Vol. 8, no. 2, p. 103–113. doi: 10.5922/2225-5346-2017-2-10.

УДК 811.112.2

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА В КАНТОВЕДЕНИИ

И. Г. Черненко¹

Рассматривается потенциал теории языковой личности, определяющей подход к лингвистическим исследованиям текстов И. Канта. На основании обзора существующих традиций в зарубежном и отечественном кантоведении обобщается опыт исследования различных уровней языковой личности философа. Анализ языковой личности И. Канта предоставляет дополнительные возможности для интерпретации его философской системы.

Ключевые слова: *И. Кант, кантоведение, языковая личность, уровни языковой личности.*

Идея антропоцентричности языка на сегодняшний день является не только общепризнанной, но и рассматривается многими лингвистами как базовая для исследований. Приоритет отдается изучению связей языка с процессами мышления, сознания и бытия человека. Таким образом, носитель языка в социуме, человек, способный совершать речевые поступки, иными словами «языковая личность» выдвигается на первый план.

Известно, что понятие «языковая личность» появилось еще в 1930-х годах почти одновременно в работах Й. Л. Вайсгербера и В. В. Виноградова. В современном научном контексте термин «языковая личность» актуализирован благодаря работам Ю. Н. Караулова. Вопрос об инновациях в языке (механизмы, причины и т. д.) с точки зрения антропоцентрического подхода соотносится с «языковой личностью». Любая инновация в языке, по мнению академика Б. А. Серебренникова, осуществляется в самом начале отдельным индивидом, и это нов-

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 11.05.2017 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2017-2-11

© Черненко И. Г., 2017

шество либо принимается, либо отвергается другими членами общества [1, с. 148]. Зафиксировать временные рамки языковой инновации — вполне разрешимая задача, но соотносить ее с конкретной языковой личностью гораздо сложнее. В связи с этим научный дискурс предоставляет более широкие возможности в силу ряда причин, к которым, например, относится допустимость установления авторства того или иного термина [2, с. 73]. Становление немецкого научного дискурса во многом отличается от становления национальных научных дискурсов других стран Европы. Завершающая стадия эмансипации научного языка от латыни в немецкой научной среде совпадает с эпохой Просвещения. Немецкий научный дискурс XVIII века сформировали в первую очередь представители философского знания: Христиан Томазиус, Христиан Вольф и Иммануил Кант. Не умаляя заслуг немецких ученых Х. Томазиуса и Х. Вольфа, можно все-таки утверждать, что именно в текстах Канта немецкоязычный философский дискурс сложился как тип с определенной совокупностью черт и качеств. В связи с этим в поле зрения исследователей попадает не только терминотворчество, но и другие проявления лингвистической креативности философа (семантика и синтактика текста, аргументативные стратегии в их языковой реализации, жанровое разнообразие и др.). Таким образом, можно утверждать, что наряду с философским и логическим кантоведением имеет место и лингвистическая парадигма исследований творческого наследия Канта. Философское и логическое кантоведение располагает в настоящее время весомой научной инфраструктурой, репрезентируемой периодическими изданиями («Kant-Studien», «Кантовский сборник», «Логическое кантоведение» и др.). Кантовскими обществами во многих странах мира от Японии до Бразилии, международными конференциями и семинарами. Лингвистическое кантоведение как междисциплинарное исследовательское направление тесно примыкает к философскому и логическому. К лингвистическому кантоведению, во-первых, можно с полным правом причислить многочисленные рефлексии философов-кантоведов относительно языка и стиля Канта. Попытки философов интерпретировать не только концепцию, но и языковую форму не кажутся неожиданными, так как, по утверждению профессора Л. А. Калинникова, причины многочисленных и подчас противоречивых истолкований кантовского содержания кроются не только в глубине и новаторстве идей, но и в особенной структуре многих важнейших кантовских текстов, в своеобразном, глубоком, часто иносказательном стиле философа [3, с. 14]. Что касается второй части лингвистического кантоведения, а именно собственно лингвистических исследований, необходимо отметить, что

таких работ не так уж много, хотя неоднократные попытки языкового анализа, предпринимаемые философами, как раз подчеркивают значимость и актуальность подобных научных изысканий.

Концепция Ю.Н. Караулова, выделяющая три уровня языковой личности (вербально-семантический (нулевой), прагматический и когнитивный), предполагает анализ единства «стиля научного творчества» и «стиля употребления языка». В кантоведении признано, что с точки зрения философского содержания, методов познания и формы изложения творчество Канта делится на докритический и критический периоды. В докритический период научный поиск Канта сконцентрирован в области натурфилософии. Докритический дискурс Канта отличается от критического не только содержанием, но и методом. Во всех работах докритического дискурса роль дедуктивно-формальных методов мышления ограничивается в пользу опыта. Началом второго, так называемого критического, периода в интеллектуальном творчестве философа принято считать 1770 год. В этот период Кант создает систему «критической», или «трансцендентальной», философии, включающей философию познания (кантовскую гносеологию), философию этики, философию эстетики, философию религии и философию права. Каждая из составляющих частей кантовского критицизма — это достаточно автономное философское учение, содержание которого представлено в ряде отдельных произведений философа. Все направления философской рефлексии Канта критического периода объединены идеей о необходимости перепроверки (критики) философских оснований различных предметных областей и невозможности построить систему умозрительной философии до предварительного исследования форм познания и границ познавательных способностей человека.

Произведения докритического периода, которые лингвистически еще не исследованы, кажутся, на наш взгляд, многообещающим экспериментальным корпусом. По замечанию немецкого кантоведа Карла Форлендера, в литературном отношении они весьма значимы и снискали высокую оценку современников, в частности И.В. Гёте [4, с. 98]. Уже в докритический период Кант как творческая личность проявил себя не только в разных областях познания (естественные науки, философия, логика, эстетика), но и как автор разнообразных по объему и жанру произведений. Творческое наследие докритического Канта включает и фундаментальные трактаты, такие как «Всеобщая естественная история и теория неба» (1755), и изящные философские эссе, например «Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного» (1764). А.В. Гулыга отмечает, что докритические произведения сохра-

няют эмоционально насыщенную манеру, однако красоты стиля не уводят от главного в содержании [5, с. 11]. Исследователь подчеркивает еще одну существенную особенность, которая как глубинный механизм, как внутреннее кредо накладывает отпечаток на все творчество философа: вынести на суд разума все накопившиеся предрассудки [5, с. 8–9]. Авторитеты, по мнению Канта, не должны препятствовать обнаружению истины, руководствоваться необходимо только велениями разума. Никто не гарантирован от ошибок, и право подметить ошибку принадлежит каждому. В этом заключается смысл критицизма как принципа построения дискурса, что, очевидно, было характерно для Канта еще до критицизма как философии.

«Коперниканский переворот», совершенный Кантом в области философского мышления, не мог не повлечь за собой особой формы выражения этой новой «идеологии» [6, с. 3]. Манеру изложения «Критики чистого разума» современники охарактеризовали как «новый стиль». Сразу же после издания этого труда автору предъявляли претензии по поводу «слишком сложного» языка трактата. В построении своих критических сочинений Кант следует схоластическому методу философствования, понимавшему под метафизикой умозрительное постижение сверхчувственных предметов. Языковая репрезентация трансцендентальной философии, вызвавшая поначалу недоумение современников, более всего соответствовала характеру мышления философа в этот период творчества [7, с. 69]. Трактаты малой формы и статьи, написанные в критический период, свидетельствуют о том, что Кант блестяще владел и литературно-популярной формой изложения философии, которая в последней трети XVIII века распространилась из Берлина и Гёттингена по всей Германии.

Систематические исследования языка и стиля Канта осуществлялись на материале его «Критики чистого разума». Первая лингвистическая работа, в которой анализируются языковые особенности этого произведения, принадлежит Эрнсту Фишеру [8]. Отправной точкой научных изысканий избирается психологическая концепция Вильгельма Вундта, одним из теоретических положений которой признается возможность изучения психологии путем анализа творческой деятельности, главным образом, языкового творчества и его продуктов — текстов. Таким образом, работу Э. Фишера, который концентрирует внимание на синтаксических особенностях построения высказывания у Канта, по праву можно отнести к междисциплинарным исследованиям. Именно в особенностях синтаксиса, по мнению Э. Фишера, проявляется индивидуальное речетворчество философа [8, с. 10]. Многократ-

ное включение придаточных предложений друг в друга и преимущественное употребление придаточных предложений 3-й и 4-й степени подчинения в гипотаксисе; множество придаточных предложений одного вида с последовательным подчинением; наличие большого количества перифраз и плеоназмов, обилие повторов одних и тех же синтаксических конструкций — все эти явления рассматриваются Э. Фишером исходя из учения о периоде в его психологической трактовке. В результате такого анализа Э. Фишер приходит к выводу о том, что периоды Канта, будучи грамматически правильными, не выдерживают психологических канонов и представляют собой с этой точки зрения слишком громоздкие построения. Трудность восприятия «Критики чистого разума» действительно соотносили с теми синтаксическими явлениями, которые систематически описал Э. Фишер. Однако количественные данные, приводимые В.Г. Адмони, показывают, что относительно объема группы существительного и удельного веса гипотаксиса язык Канта существенно не отличается от языка Лессинга, Гёте и других писателей XVIII века [9, с. 20]. Примечательно, что Э. Фишер и другие исследователи признают факт удивительной сочетаемости сложного синтаксиса с точностью и продуманностью построения текстов. Именно объемность, сложность и кажущаяся неуклюжесть периодов, содержание которых можно было бы упаковать в скобки, заставляет перечитывать их по несколько раз, разъединяя предложения, заключенные одно в другое, таким образом, «распаковывая» периоды, чтобы понять их до конца [8, с. 64].

Современники Канта неоднократно указывали на стремление философа осветить то или иное положение своей концепции, не упуская ни одной детали, не оставляя читателю возможности для сомнений. По замечанию Кристофа Мартина Виланда, глубина и всеобъемлющая сила рассуждения образуют слишком длинную цепь суждений и умозаключений для неподготовленного, некомпетентного читателя, однако это составляет условие сохранения целостности философской идеи (цит. по: [4, S. 102]). В одном из писем к Иоганну Эриху Бистеру философ так оценивает собственный стиль: «Для полного развития мысли необходимо такое множество средств, что если опустить некоторые из них, исчезнет полнота идеи» (цит. по: [4, S. 103]).

Таким образом, Кант вполне осознавал сложность языкового оформления «Критики», схоластичность, возможно, несовершенство формы, но он и не преследовал цели развлечь читателя и удивить изящностью слога. «Я бы исключил шутку, иронию, любую элегантность языка из этого нового метода, даже если бы владел ими в совершенстве, так как

я не стремлюсь переубедить читателя, я не жду от него никакого другого присоединения, как лишь присоединения в силу понимания...» — замечает Кант [10, с. 204].

Значительный интерес представляет исследование языка «Критики чистого разума», проделанное Йозефом Лаутером с помощью метода математической статистики и относящееся также к междисциплинарным [11]. Сопоставительному анализу стиля Канта со стилем его современников Гёте и Гердера подвергаются как грамматические, так и неграмматические параметры (главы, разделы). Основное внимание уделено частям речи как элементам, образующим определенные синтаксические структуры, и порядку их следования в предложении. Анализ, затрагивающий в основном синтаксические единицы (словосочетания и предложения), позволяет автору сделать вывод о том, что кантовский текст отличается большей семантической спаянностью компонентов и большей номинальностью.

Исследования Э. Фишера и Й. Лаутера, анализирующие нулевой уровень языковой личности Канта, представляют значительную ценность, так как изучение синтактики текста можно рассматривать как одну из возможностей постижения творческого механизма языковой личности.

Иной подход к анализу философского произведения, а через него и к анализу языковой личности автора предлагается в исследовании И. Д. Копцева [6], включающем рассмотрение не только синтактики, но и семантики, прагматики текста с учетом его содержания и широкого философского контекста. По мнению И. Д. Копцева, текст «Критики чистого разума» представляет собой феномен, в котором чрезвычайно ярко выражены единство философского содержания и языковой формы, методичность и системность, строгая логичность изложения и движения мысли, где все — синтаксис, семантика, терминология, коммуникативно-речевая структура — образует диалектическое единство. В своем исследовании И. Д. Копцев настаивает на рассмотрении текста «Критики» как целого, так как именно этот подход позволяет вскрыть такие закономерности его построения, которые невозможно проследить на единицах меньшего объема. Данный трактат рассматривается как глобальное текстовое высказывание, характеризующееся компетентной субъективностью, априорностью, конститутивностью, единой функциональностью, комплексной модальностью, коммуникативно-речевой структурированностью, эгоцентричностью [6, с. 70]. И. Д. Копцев приходит к выводу, что Кант является родоначальником особой формы философской прозы, за которой стоит осо-

бый стиль мышления, особое мировосприятие, а из этого следует, что правомерно говорить об особом дискурсе Канта. Таким образом, исследование И. Д. Копцева осуществляет попытку перехода к анализу высших уровней языковой личности Канта — когнитивного и мотивационного.

Определенную ценность для изучения высших уровней языковой личности Канта представляют также наблюдения относительно образности в произведениях философа. По их результатам можно судить об индивидуальном творческом потенциале и индивидуальной картине мира Канта. По свидетельству биографов, помимо гениального чувства юмора и феноменальной памяти Кант отличался и удивительно богатым миром внутренней наглядности. Кроме того, он обладал даром возвысить читателя до наглядного познания [4, с. 106]. В текстах философа обнаруживается множество образов: метафор, сравнений, аналогий, эпитетов, обладающих как эвристической, так и поэтической силой. Система образов отражает также системность содержания как строго продуманного целого, репрезентируя эту целостность в концептуально-художественном образе некоего здания, строящегося в пространстве чистого мышления, имеющего свою «архитектонику» (систему), свой материал (чистые формы мышления и созерцания), свой фундамент (возможный опыт). Эта образность построена на метафоре «Философская система — это здание, возведенное в царстве чистой мысли» (цит. по: [6, с. 66]).

Анализ когнитивного и мотивационного уровней языковой личности Канта представляет широкие возможности для междисциплинарных исследований, поскольку базируется на богатом опыте изучения кантовской системы философских понятий. В трудах Канта насчитывается более 400 активных терминов, репрезентирующих понятийную систему кантовской философии. Проблема интерпретации смыслов, стоящих за языковыми выражениями, чрезвычайно актуальна. В связи с этим представляется необходимым анализ кантовских концептов как «информационных структур», которые отражают знание и познавательный опыт философа. Попытка анализа отдельных этико-философских концептов кантовского дискурса предпринималась в наших работах [12; 13].

К особенностям проявления языковой личности, бесспорно, относятся и ее аргументативная компетенция. Некоторые логические аспекты аргументации Канта (проблемы характера и видов противоречий) исследовались в логическом кантоведении, при этом в качестве перспективного направления подчеркивалась необходимость специ-

ального рассмотрения экспликации аргументативных механизмов. Комплексный анализ аргументации в этико-философском дискурсе Канта, осуществленный в нашем исследовании, позволил проанализировать как специфику порождения этого дискурса, так и особенности языковой личности, порождающей дискурс [12].

Таким образом, философское *я*, за которым стоит человек в потоке времени, в пространстве слова, культуры и просвещения, репрезентировано равноуровневыми языковыми средствами. Анализ языковой личности философа имеет особую значимость, так как предоставляет дополнительные возможности для интерпретации его философской системы.

Список литературы

1. *Серебренников Б. А.* Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. М., 1988.
2. *Новодранова В. Ф.* Категория языковой личности в языке для специальных целей // Пелевинские чтения – 2009 : межвуз. сб. науч. тр. Калининград, 2009. С. 71–77.
3. *Калинников Л. А.* Постулаты практического разума в свете кантовской философии истории // Кантовский сборник : сб. науч. тр. / отв. ред. Л. А. Калинников. Калининград, 1983. С. 12–26.
4. *Vorländer K.* Immanuel Kant. Hamburg, 1977.
5. *Гулыга А. В.* Немецкая классическая философия. М., 2001.
6. *Копцев И. Д.* Кант и проблемы лингвистики философского текста : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1993.
7. *Паульсен Ф.* Иммануил Кант. Его жизнь и учение. СПб., 1905.
8. *Fischer E.* Kants Stil in der Kritik der reinen Vernunft nebst Ausführungen über ein neues Stilgesetz auf historisch-kritischer und psychologischer Grundlage. Würzburg, 1950.
9. *Адмони В. Г.* Пути развития грамматического строя в немецком языке. М., 1973.
10. *Кант И.* Трактаты и письма. М., 1980.
11. *Lauter J.* Untersuchungen zur Sprache von Kants «Kritik der reinen Vernunft». Köln, 1966.
12. *Черненко И. Г.* Способы выражения аргументации в этико-философском дискурсе И. Канта (на материале произведений «Grundlegung zur Metaphysik der Sitten», «Kritik der praktischen Vernunft», «Metaphysik der Sitten») : дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2005.
13. *Черненко И. Г.* «Свобода»: концепт и образ в критическом дискурсе И. Канта // Актуальные проблемы лингвистики, педагогики и методики преподавания иностранных языков – 2008 : межвуз. сб. науч. тр. Калининград, 2008. С. 66–74.

Об авторе

Черненко Ирина Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: chernenokonline@gmail.com

Для цитирования:

Черненко И.Г. Лингвистическая парадигма в кантоведении // Слово.ру: Балтийский акцент. 2017. Т. 8, №2. С. 114 – 123. doi: 10.5922/2225-5346-2017-2-11.

THE LINGUISTIC PARADIGM IN KANT STUDIES

I. G. Chernenok¹

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University.
14 A. Nevski Str., Kaliningrad, 236041, Russia

Submitted on May 11, 2017

This article discusses the potential of the linguistic persona theory in the linguistic studies of Kant's texts. Linguistic Kant studies is a scientific discipline focusing on the language of Kant's works. Such a study can be either independent or integrated into a logical-philosophical analysis. The author emphasizes Kant's contribution to the German philosophical and scientific discourse of the Enlightenment and summarizes current findings on the philosopher's style and language. It is shown that the analysis of Kant's linguistic creativity (new terms, syntactic models, utterance structures, communicative speech structure, modality, text generation mechanisms, metaphors, and pragmatics) can be paired with the study of the verbal-semantic, cognitive, and motivational levels of the philosopher's linguistic persona. The author stresses the importance of the linguistic investigations of philosophical texts for an in-depth interpretation of their philosophical content.

Key words: Immanuel Kant, Kant studies, linguistic persona, levels of linguistic persona.

References

1. Serebrennikov, B. A., 1988. *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke. Yazyk i myshlenie* [The role of the human factor in the language. Language and Thinking]. Moscow.
2. Novodranova, V. F., 2009. Category of linguistic personality in language for special purposes. In: I. Yu. Ieronova et al., eds. *Pelevinskie chteniya – 2009* [Pelevin Readings – 2009]. Kaliningrad. pp. 71 – 77.
3. Kalinnikov, L. A., 1983. Postulates of practical reason in the light of the Kantian philosophy of history. In: L. A. Kalinnikov, ed. *Kantovskii sbornik* [Kant's collection]. Kaliningrad. pp. 12 – 26.

4. Vorländer, K., 1977. *Immanuel Kant*. Hamburg.
5. Gulyga, A. V., 2001. *Nemetskaya klassicheskaya filosofiya* [German classical philosophy]. Moscow.
6. Koptsev, I. D., 1993. *Kant i problemy lingvistiki filosofskogo teksta* [Kant and problems of linguistics of the philosophical text]. Cand. philol. sci. diss. thesis. St. Petersburg.
7. Paul'sen, F., 1905. *Immanuel Kant. Ego zhizn' i uchenie* [Immanuel Kant. His life and teachings]. St. Petersburg.
8. Fischer, E., 1950. *Kants Stil in der Kritik der reinen Vernunft nebst Ausführungen über ein neues Stilgesetz auf historisch-kritischer und psychologischer Grundlage*. Würzburg.
9. Admoni, V. G., 1973. *Puti razvitiya grammaticheskogo stroya v nemetskom yazyke* [Ways of development of the grammatical structure of the German language]. Moscow.
10. Kant, I., 1980. *Traktaty i pis'ma* [Treatises and letters]. Moscow.
11. Lauter, J., 1966. *Untersuchungen zur Sprache von Kants „Kritik der reinen Vernunft“*. Köln.
12. Chernenok, I. G., 2005. *Sposoby vyrazheniya argumentatsii v etiko-filosofskom diskurse I. Kanta (na materiale proizvedenii «Grundlegung zur Metaphysik der Sitten», «Kritik der praktischen Vernunft», «Metaphysik der Sitten»)* [Ways of expressing arguments in the ethical-philosophical discourse of I. Kant (on the material of works «Grundlegung zur Metaphysik der Sitten», «Kritik der praktischen Vernunft», «Metaphysik der Sitten»)]. Cand. philol. sci. diss. Kaliningrad.
13. Chernenok, I. G., 2008. "Freedom": a concept and an image in the critical discourse of I. Kant. In: E. Yu. Vaganova et al., eds. *Aktual'nye problemy lingvistiki, pedagogiki i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov – 2008* [Actual problems of linguistics, pedagogy and methods of teaching foreign languages – 2008]. Kaliningrad, pp. 66–74.

The author

Dr Irina G. Chernenok, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: chernenokonline@gmail.com

To cite this article:

Chernenok I. G. 2017, The linguistic paradigm in Kant studies, *Slovo.ru: baltiiskij accent*, Vol. 8, no. 2, p. 114–123. doi: 10.5922/2225-5346-2017-2-11.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНТРОПОНИМИКОНА РАЗНОЖАНРОВЫХ ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНЕРУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

*Т. Ф. Кузенная*¹

Рассматриваются памятники древнерусской письменности старшего периода с точки зрения зарождения и формирования славянского именника на базе древнерусских корней, а также в результате заимствований. Анализируются модели двухчленных и трехчленных мужских и женских имен, а также комментируются пути их вхождения в фонетическую систему древнерусского языка. Материалы для цитат подобраны из Национального корпуса русского языка.

Ключевые слова: антропонимы, древнерусский язык, заимствования, фонетическая адаптация.

Ономастическая лексика была и остается постоянным объектом пристального внимания исследователей. Ономастика дает важнейший материал для истории, указывая пути миграции народов, рассказывая о семейных традициях, отношениях, характеризуя типы поселений, языковые контакты, диалекты и языковую ситуацию предшествующих периодов.

За каждым именем стоит история его происхождения. Самыми сложными исследователи считают вопросы, касающиеся специфики имени собственного, его лексического значения, а точнее его наличия или отсутствия; функции антропонимов в языке и речи, видов антропонимов; методов их изучения. Второй блок спорных вопросов связан с историей антропонимов, периодизацией, историей формул именованных человека, их структурно-словообразовательных типов. Почти каждый исследователь при изучении имен предлагает свою классификацию или дополняет и изменяет уже существующие. Самая известная классификация антропонимов представлена в словаре Н. В. Подольской [2].

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 12.05.2017 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2017-2-12

© Кузенная Т. Ф., 2017

Большим событием в антропонимике стало появление в начале XX века первых словарей Н. М. Тупикова, М. Морошкина, а позднее, во второй половине XX века, «Ономастикона» С. Б. Веселовского. В середине и конце XX века появляются труды А. В. Суперанской, посвященные разным аспектам именованности. Историческим аспектам антропонимикона особое внимание автор уделяет в монографии «Имя — через века и страны» [3]. Проблему выбора имен русских князей затрагивает Ф. Б. Успенский [4]. В последние десятилетия одним из ведущих центров антропонимики является Уральская ономастическая школа. И все же представить всю антропонимическую систему в диахронии пока еще не представляется возможным.

По словам Д. С. Лихачева, «вся древнерусская литература, вплоть до XVII века, отличалась глубоким историзмом» [1, с. 9]. Историческое чувство проявляется, с одной стороны, в осознании родства и связи с предками, а также в понимании ответственности перед потомками. Древнерусская разножанровая литература исторична была и потому, что говорила только действительном, о реальном времени, реальных героях, подвигах, событиях без вымыслов.

Рассмотрим некоторые типы антропонимов, представленные в разножанровых памятниках древнерусской письменности XI—XIV веков.

Можно говорить о функционировании одночленных, двухчленных и трехчленных именованностях. При этом одночленные некалендарные имена могут быть одноосновными и двухосновными. С одной основной встречаются имена **Игорь**, **Борисъ**, **Глебъ**: «Повѣдилъ Литвоу. **Борисъ** же приеха и приведе» (ВЛ)²; «Ѡстоупиства Ѡ **игорѣ** и Ѡ **святослава** къ братоу **всеволодоу**» (КЛ); «**Святцю** **моученикоу** **бориса** и **глеба** **каманоу** въ градъ» (НЛ).

К именам, имеющим две основы, относятся **Святославъ**, **Ярославъ**, **Изяславъ**, **Мьстиславъ**, **Вячеславъ**, **Болеславъ**, **Вышеславъ**: «**Мьстиславича** из нова города а **Святослава** **Ольговича** оуведоша к собѣ» (КЛ); «**варагы** **словены** **поиде** **противоу** **волеславоу** и **святополкоу**» (ПВЛ). Сложные имена с корнем слав чаще иных славянских антропонимов встречаются в летописных текстах. Следует заметить, что весь массив таких имен — имена княжеские. Самыми частотными в летописях, и это понятно, являются имена первых славянских князей. Так, в «Повести временных лет» имя **Володимеръ** (**Володимиръ** — **Владимиръ**) употребляется 339 раз, **Святополкъ** — 102, **Святославъ** — 72 раза.

² Примеры из Волынской, Галицкой, Киевской, Суздальской, Новгородской 1-й летописей, Повести временных лет здесь и далее цитируются по НКРЯ (<http://www.ruscorpora.ru>).

В исследуемых текстах наряду с христианскими именами функционируют нехристианские. Интересен отрывок из «Жития и хождения игумена Даниила из Русской земли», в котором автор сообщает о том, что, находясь в святых местах, он постоянно поминал князей русских и княгинь, их детей. Более того, в Лавре Святого Саввы он оставил записки с их именами — христианскими и нехристианскими: «И о сем похвалю благаго Бога, яко сподоби мя худаго имена князей рѹскихъ написати в лаврѣ ꙗ Святаго Савы; и нынѣ поминаются имена ихъ во октении, с женами и с дѣтьми ихъ. Се же имена ихъ: Мѹхѹилъ — Святополкъ, Василѹе — Владимиръ, Давидъ Святославич, Мѹхѹилъ — Олегъ, Панъ-кратѹе Святославич, Глѣбъ Менски»³ (ХИД).

Одновременное употребление христианских и нехристианских имен способствует появлению двуименности: например, к личному имени добавляется отчество: Давидъ Святославич, Олег Святославич, Борис Вячеславич. Также широко распространено употребление только отчества: Святославич, Ярославич.

Еще одной из черт древнерусского именования становится употребление трехчленных формул для того, чтобы подчеркнуть связь поколений:

«...како просвѣти благодать Божия сердце князю рѹскоꙋмоꙋ Володимероꙋ, сыноꙋ Святославию, внуку Игоревоꙋ» (ППКРВ); «Азъ хꙋдый и многогрѣшный, малосъмысля, покоꙋшаюся писатѹжитѹе святаго кнѹзѹа Александра, сына Ята внука Всеволожа» (ЖАН). «Преставися Все-славъ, сынъ Изяславъ, внукъ Вѣлодимѣрь» (ПВЛ).

Еще одной причиной такого перечисления имен поколений было стремление автора избежать путаницы в исторических личностях, ведь спектр имен славянских князей был небольшой, и тезок было много. Для их точного наименования формируются антропонимические комплексы (формулы), состоящие из имени, второго, прозвищного, имени, отчества, а позже и фамилии.

Древнерусские антропонимы часто соотносятся с атрибутивами, которые характеризуют личные качества человека, его характер: окан-ный Святополкъ, блаженный и тревлаженный княже Владимиръ, див-ный Аввакумъ, грѣшный и недостойный Фрѣмъ, беззаконный трекля-тый Кавгадый, великий Святославъ.

В других случаях личному имени предшествует существительное, определяющее принадлежность человека к святым, называющее титул, социальное положение, родственные отношения, связь с геогра-

³ Примеры из ХИД, ППКРВ, СПИ, СЗБ, СДЗ цитируются по «Библиотеке литературы Древней Руси» (<http://lib.pushkinskijdom.ru>).

фическим пространством и др. Добавочная информация об именуемом присоединяется к одночленным, двухчленным и трехчленным мужским и женским моделям имяназвания. Приведем примеры таких групп именовании: «работнаа Агаръ и свободнаа Гарра», «пророкъ Малахиа», «каганъ нашъ Володимеръ, «мнихъ и прозвитеръ Иларионъ», (СЗБ); «Паулъ святыи апостолъ», «блаженный апостолъ Лука», «худый мнихъ Иаковъ, «святыя царици Елены, «вѣсы, Перуна и Хъроса», «святыи Иоаннъ Златоустый», «врата своего Ярополка» (ППКРВ); «святаго мученика Никиты и святаго Вячеслава», «блаженааго Глѣба», «brate и поспѣшителю Ярославе (СБГ); «святаа Мария Египтянына», «Захария пророкъ» (ХИД).

В древнерусских памятниках XI—XIV веков зафиксированы христианские и нехристианские имена в следующих комбинациях: нехристианское имя + нехристианское отчество: «Игоревич Давыдъ вѣжа с Володаремъ Ростиславичем мѣсяца мая въ 18 день» (ПВЛ). Володарь Ростиславич — звенигородский князь, правнук Ярослава Мудрого. Обе части его имени являются нехристианскими. Нехристианское имя может сочетаться с христианским отчеством: «Мнѣ же худому Богъ послухъ есть и новгородци и кияне: Изяславъ Иванович, Городиславъ Михайлович и нини мнози» (ХИД); напротив, христианское имя в сочетании с нехристианским отчеством: «...та преди пѣснь пояше старому Ярославу храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пълкы ка-soжъскими, красному Романови Святъславичю» (СПИ).

Древнерусский антропонимикон складывался параллельно с принятием христианства, появлением и распространением письменности. Именно поэтому с первой волной заимствований из памятников церковнославянского языка в древнерусском языке появились заимствования, пополнившие состав древнерусского именника, позже претерпевшие фонетические и морфологические изменения.

Следует обратить внимание на варьирование имен в пределах одного текста: Авраамий — Аврамий — Авраамъ — Аврамъ; Дмитрий — Дмитрий — Дмитрей; Володмир — Вълодимер — Володимер — Владимир — Владимир; Гаврил — Гаврил — Гаврило; Иезекий — Иезекия — Езекий; Исаак — Исаакий — Исакий — Исак; Феодосий — Феодосий — Феодос — Феодос; Александр — Олександр — Лесандр; Ияков — Ияков — Яков; Мария — Марья — Мариам; Симеонъ — Семенъ — Семенъ.

Фонетико-морфологические вариации антропонимов были обусловлены несовпадением фонетических систем древнерусского языка и языка-источника заимствуемого имени. В древнерусском языке в XI—XIV веках происходили кардинальные изменения в составе и ста-

тупе систем вокализма и консонантизма, связанные с началом процесса утраты редуцированных. В это время перестают действовать основные законы и закономерности, определявшие специфику строения слога всех древних славянских языков: закон открытого слога и закон слогового сингармонизма. Именно поэтому в языке XI—XIV веков вновь, как и в праславянском языке, начинаются процессы ассимиляции, диссимиляции, упрощения групп вновь появившихся труднопроизносимых групп согласных. Изменяется качество и количество гласных фонем.

На фонетику в заимствованных именах могло влиять несоответствие звуковых систем в разных языках.

Рассмотрим некоторые звуковые модификации личных имен в процессе их фонетической адаптации.

Такие изменения могли происходить в середине слова в результате стяжения гласных звуков. Приведем примеры:

1. Стяжение гласных *aa* > *a*: «...такъ Авраам оубо отъ оуности свои Гарру имѣ женоу си свободноу, а не рабоу» (СЗБ) — «И глаголаше блаженный Лоука на блаженнаго Аврамня и на уничижающихъ его» (ЖАС).

«Сътвори Авраам гостивоу великоу, егда отдонса Исаакъ сынъ кго» (СЗБ) — «По сихъ жк видѣвъши Гарра Измаила, сына Агаринна, играюща съ сынѣмъ своимъ Исакомъ» (СЗБ).

2. Стяжение гласных *ии* > *и* «...и даниле: Вси людие, племена и языци тому поработаютъ» (СЗБ) — «Жены ради Даниила пророка в ровъ ввергоша, и лви емоу нози лизаху».

Зафиксированы случаи выпадения гласных в середине и в начале слова:

1. Выпадение *и* в середине слова: «Тѣмъже и борета по своемъ отъчествѣ, якоже и великий Димитрий по своемъ отъчествѣ» (СБГ) — «А сына своего Дмитрия посла на Западныхя страны (ЖАН).

2. Выпадение *и* в начале слова: «И тоу естъ исподи полъ церковнию тоу пещера, и в тои пещерѣ лежита 12 пророка: Аввакумъ, Наумъ, Мишеи... Савель, Варухъ, Амосъ и Осий» (ХИД).

В «Повести временных лет» имя византийского императора Александра (X век) также засвидетельствовано в двух вариантах: «От плѣнения до Александра лѣт 318, от Лександра до Христова рождества лѣт 333» (ПВЛ).

3. В написании некоторых имен происходит позиционная мена гласных с целью лексического варьирования:

И//Ы: «Якоже Давидъ рече: Блажка сѣтъ словеса твоя, паче меда устомъ моимъ» (СДЗ) — «И перельсти Давыдъ святополка и начаста

дѹмати» (ПВЛ). Примечательно, что, по данным Национального корпуса русского языка, имя царя Давида в «Повести временных лет» встречается чаще (20 случаев употребления) в графически сокращенном, титлованном варианте. В 16 примерах находим полное написание **Давыдъ**. В данном тексте форма **Давидъ** не засвидетельствована.

А//О: «**Сии славныи отъ славныхъ рожься, благороденъ отъ благородныхъ, каганъ нашъ Володимеръи върасть, и оукрѣпѣвъ отъ дѣтескыи младости, паче же възмѣжавъ**» (СЗБ) — «...тѣмъ же вопиу къ тебѣ, одержимъ нищетою: помилоуи мя, сыне великаго царя **Владимера**» (СДЗ). В данных контекстах, думается, мена **о//а** может быть связана с явлениями древнерусского полногласия **оло** и старославянского неполногласия **ла**. Форма **Влодимеръ** как раз и появляется под влиянием полногласной модели.

Е//И, О: В Галицкой, Киевской, Суздальской летописях, а также в «Повести временных лет» находим 22 случая написания **Семешнъ**: «**Семешнъ** же, **увѣдавъ**, на **оугры** **възвратиса** и **повѣдиша** **болгары**» (ПВЛ). Во Владимирском же летописце находим: «**Новгороду** **епископа Семюна**, **Ростову** **епископа Деонисия**». Примечательно в этом примере и написание имени Дионисий с **е** в первом слоге.

Количество женских имен, встречающихся в исследуемых текстах, значительно меньше, но, как и в случае с мужским именословом, можно говорить об одночленных (односоставных и двусоставных), двухчленных и трехчленных именах.

К числу одночленных относим имена Ольга: «...оу **Василка** **кнѣзѣ** оу **Влодимерѣ** **нача** **ѡдавати** **дщерь** **свою** **Влгоу** **за** **Андрѣа** **кнѣзѣ** **Всеволодича**» (ВЛ); Ирина: «...на **памѣть** **свѣтыя** **Ирины** **наречено** **высть** **имѣ** **Сфросинья**» (Н1Л); Мария: «**Престави** **са** **игоумениа** **Мариа** **свѣтого** **воскресениа** и **поставиша** **на** **мѣсте** **Свдокию**» (Н1Л).

Двухчленный женский именник представлен несколькими формулами:

1. Личное имя отца (как правило, притяжательное прилагательное) + слово *дочь* (дѹщерь): «**Тѣмъ** **же** **хвалиса** **и** **болгаре** **соутъ** **отъ** **дщерию** **Дотову**, **иже** **зачаста** **отъ** **отъца** **своего**, **тѣмъ** **же** **нечисто** **плѣмѣ** **ихъ** **късть**» (ПВЛ); «**Ярославъ** **ходи** **на** **ятвѣязѣ**, **сынъ** **Святополчъ**, **и** **повѣди** **я**, **и**, **пришедъ** **с** **войны**, **посла** **Новгороду** **и** **поя** **Мьстиславлю** **дщерь** **совѣ** **женѣ**, **Влодимерю** **внѹкѹ**, **мѣсяца** **маия** **въ** **12**, **а** **приведена** **высть** **июня** **въ** **29**» (ИЛ).

2. Личное имя мужа (притяжательное прилагательное) + слово *жена*: «**В** **лѣто** **6558**. **Преставися** **жена** **Ярославѣ** **кнѣгини** **феврала** **въ** **10**» (ПВЛ). Речь идет о жене Ярослава — Ингигерд (Ирине), дочери шведского короля Олафа.

3. Имя сына (притяжательное прилагательное) + слово *мать*: «...ражающагася дѣти вмѣтати в рѣкоу мати же моисѣвова оубоавшися (ПВЛ); «**В се же лѣто приставися и мати гарославлъ**» (ПВЛ).

4. Женское имя + топоним «на горѣ той естъ гробѣ святаго пророка **Самоня и Марии Египтяныни**» (ХИД). «Тоу же стояхоу мнози на мѣстѣ том: друзи и знании ко, издалече зрацик **Мариа Магдалини** и **Мария Иаковля**» (ХИД). Магдала — древний галилейский город, считается местом рождения Марии Магдалины.

Современные и вышедшие из состава современного русского языка антропонимы заслуживают пристального внимания исследователей в области истории русского языка, фонетики, морфологии. Важно понять принципы имянаречения, установить формулы имен на разных этапах языкового развития.

Список литературы

1. *Лихачев Д. С.* Величие древней литературы // Библиотека литературы Древней Руси / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом) ; под ред. Д. С. Лихачева [и др.]. СПб., 1997. Т. 1 : XI—XII века.
2. *Подольская Н. В.* Словарь русской ономастической терминологии / под ред. А. В. Суперанской. М., 1978 ; 2-е изд. 1988.
3. *Суперанская А. В.* Имя — через века и страны. М., 2007.
4. *Успенский Ф. Б., Литвина А. С.* Выбор имени у русских князей в X—XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006.
5. *Национальный корпус русского языка.* URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 24.04.2017).
6. *Библиотека литературы Древней Руси.* URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/> (дата обращения: 24.04.2017).

Список сокращений

- ВЛ — «Волынская летопись».
 КЛ — «Киевская летопись».
 НЛ — «Новгородская 1-я летопись».
 ПВЛ — «Повесть временных лет».
 ХИД — «Житие и хождение игумена Даниила из Русской земли».
 ППКРВ — «Память и похвала князю русскому Владимиру».
 СПИ — «Слово о полку Игореве».
 СЗБ — «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона.
 СДЗ — «Слово Даниила Заточника».

Об авторе

Кузенная Татьяна Федоровна, кандидат педагогических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: tkuzennaya@kantiana.ru

Для цитирования:

Кузенная Т. Ф. Типологические особенности антропонимикона разножанровых памятников древнерусской письменности // Слово.ру: балтийский акцент. 2017. Т. 8, №2. С. 124 – 132. doi: 10.5922/2225-5346-2017-2-12.

THE TYPOLOGICAL FEATURES OF THE ANTHROPONYMICON ACROSS DIFFERENT GENRES OF OLD RUSSIAN LITERARY TEXTS

T. F. Kuzennaya¹

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University,
14 A. Nevski Str., Kaliningrad, 236041, Russia

Submitted on May 12, 2017

This article examines Old Russian literary texts of the ancient period from the perspective of the origin and development of the Slavic given names stemming from both Old Russian roots and loanwords. The author analyses two- and three-part male and female given names and examines their phonetic adaptation in Old Russian. Citations are selected from the Russian National Corpus.

Key words: *anthroponym, Old Russian language, loanwords, phonetic adaptation.*

References

1. Likhachev, D.S., 1997. The greatness of ancient literature. In: D.S. Likhachev, ed. *Biblioteka literatury Drevnei Rusi* [Library of the Ancient Rus literature]. St. Petersburg. Vol. 1, p. 9.
2. Podol'skaya, N.V., 1978. *Slovar' russkoi onomasticheskoi terminologii* [Dictionary of Russian onomastic terminology] / ed. by A. V. Superanskaya. Moscow.
3. Superanskaya, A. V., 2007. *Imya – через века i strany* [Name – through centuries and countries]. Moscow.
4. Uspenskii, F.B., Litvina, A.S., 2006. *Vybor imeni u russkikh knyazei v X – XVI vv.: Dinasticheskaya istoriya skvoz' prizmu antroponimiki* [The choice of the name of Russian princes in the X – XVI centuries: Dynastic history through the prism of anthroponymics]. Moscow.

5. *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru/> [Accessed 24 April 2017].

6. *Biblioteka literatury Drevnei Rusi* [Library of the Ancient Rus literature]. Available at: <http://lib.pushkinskijdom.ru> [Accessed 24 April 2017].

The author

Dr Tatyana F. Kuzennaya, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: tkuzennaya@kantiana.ru

To cite this article:

Kuzennaya T.F. 2017, The typological features of the anthroponymicon across different genres of Old Russian literary texts, *Slovo.ru: baltiiskij accent*, Vol. 8, no. 2, p. 124 – 132. doi: 10.5922/2225-5346-2017-2-12.

**ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
ЛЕКСЕМЫ ВЛАДЫКА В ОСТРОМИРОВОМ ЕВАНГЕЛИИ
1056—1057 ГОДОВ**

*Н. В. Писарь*¹

На материале текста Остромирова Евангелия с приложением греческих текстов Евангелий рассматривается специфика употребления лексемы Владыка как номинанта Бога Отца, Иисуса Христа и человека-правителя. Предложено определение интегральных и дифференциальных сем, содержащихся в значениях церковнославянской и соответствующих ей древнегреческих лексем. На основе полученных результатов формулируются выводы о том, как воздействуют выявленные семантические различия на проявление нетождественности христианского осмысления Бога древними греками и славянами в аспекте разграничения / неразграничения функций Отца Небесного и Иисуса Христа, а также насколько данные семантические различия влияют на возникновение в сознании славян представлений о человеке-правителе как наместнике Бога на Земле.

***Ключевые слова:** лексическая семантика, владыка, Бог, Остромирово Евангелие, XI век.*

Отечественные и зарубежные филологи в последние годы проявляют неподдельный интерес к такому лингвистическому направлению в языкознании, как лексическая семантика. Ю. Д. Апресян справедливо указывает: «Нынешняя эпоха развития лингвистики — это, бесспорно, эпоха семантики, центральное положение которой в кругу лингвистических дисциплин непосредственно вытекает из того факта, что человеческий язык в своей основной функции есть средство общения, средство кодирования и декодирования определенной информации. Последовательное развитие этого тезиса неизбежно приводит к концепции лингвистики как такой науки, в которую входит, наряду с другими дисциплинами, еще и развитая семантика, складывающаяся из описания не только грамматических, но и лексических значений» [3, с. 3]. Соответственно, исследование семантики лексиче-

¹ Калининградский государственный технический университет, 236013, Россия, Калининград, ул. Сухумская, 16—3.

Поступила в редакцию 12.07.2017 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2017-2-13

© Писарь Н. В., 2017

ских единиц позволяет выявить те когнитивные механизмы, на основе которых происходит процесс понимания и осмысления слова как в качестве отдельной языковой единицы, так и в качестве элемента, входящего в определенный контекст.

Особую значимость, на наш взгляд, представляет изучение начальной стадии развития лексического значения того или иного слова, поскольку именно на данном этапе можно зафиксировать формирование этноспецифичного компонента значения слова, который затем может стать определяющим в эволюции семантики соответствующей лексемы.

В плане вышесказанного пристального внимания заслуживает рассмотрение семантики лексем, функционирующих в русском языке, поскольку во внутренней форме указанной лексики содержатся в концентрированном виде изменения, происходящие в сознании нашего народа и непосредственно связанные с историей и культурой России. При этом особую значимость среди данной лексики играют церковнославянизмы — слова, вошедшие в русский язык через посредство богослужебных книг. Некоторые из таких заимствований из церковнославянского языка впоследствии вытесняют исконно русские эквиваленты, следовательно, их семантическое наполнение по какой-то причине оказывается наиболее приемлемым для русского менталитета.

Несомненно, что в качестве основного источника церковнославянских заимствований выступают евангелические тексты. Именно они оказывают значительное влияние на развитие в сознании восточных славян новой аксиологической картины мира, непосредственно связанной с христианским вероучением. Безусловно, в чем-то прав Р. М. Шукуров, утверждающий, что «текст — не прямой слепок сознания, между текстом и сознанием всегда есть зазор. Отражая в себе некую весть, текст не в состоянии охватить всей глубины, многослойности, изменчивости и противоречивости живого сознания. Текст — всегда очищенное, упорядоченное, усеченное и измененное сознание» [11, с. 199]. В плане исследования семантики церковнославянизмов именно евангельский текст становится базовым источником, поскольку как раз в нем и фиксируется начальная стадия формирования и развития христианского сознания славян, а значит, и русского народа. Выбор в качестве материала такого памятника письменности, как Остромирово Евангелие 1056–1057 гг., неслучаен. Именно оно, по данным различных текстологических исследований, оказывается ближе всего к тексту Мариинского Евангелия, которое, в свою очередь, является наиболее близким первичному славянскому Четвероевангелию — собственно переводу славянских первоучителей Кирилла и

Мефодия (см. об этом подробнее: [1]). По справедливому замечанию А. Х. Востокова, язык Остромирова Евангелия «конечно разнствовал с наречием русских словен, но сделавшись богослужбным и книжным языком на Руси, имел сильное влияние и на язык народа русского» [6, с. 11], следовательно, воздействовал и на формирование в сознании нашей нации определенных представлений об окружающей действительности.

Интересным оказывается и то, что уже в языке Остромирова Евангелия, несмотря на его древность, можно наблюдать то, как при переводе с греческого на церковнославянский проявляется исконно славянское осмысление многих описываемых в апракосе явлений, которое, безусловно, впоследствии определяет особенности формирования ценностной картины мира нашего народа. Особенно ярко это обнаруживается при сопоставлении древнегреческих и церковнославянских лексем — экспликаторов понятия «Бог».

Одним из таких экспликаторов является лексема **владѣyka** — «господин, хозяин, владелец» [8, т. 1, стлб. 267; 4, стлб. 294]. Несмотря на то что она функционирует лишь в 0,3 % случаев именовании Бога в Остромировом Евангелии, значимость ее как номинанта соответствующей субстанции не вызывает сомнений. Как известно, Бог в христианском вероучении осмыслялся как единый и единственный, но в то же время это не исключает его триипостасности. По справедливому замечанию Е. А. Алексеевой, Бог в христианском вероучении представляется как Единый в трех лицах: «как Всеобщая Основа существующего — Отец, как богочеловек Иисус, проживший короткую земную жизнь — Сын, наконец, как Бесконечность, беспрепятственно и свободно раскрывающаяся в историческом мире человека — Дух» [2, с. 72]. В связи с этим и семантическое наполнение лексемы **владѣyka** меняется в зависимости от того, номинантом какой из ипостасей Бога она оказывается.

Так, в качестве именовании Бога Отца рассматриваемая лексема используется в Остромировом Евангелии при переводе др.-греч. $\delta\epsilon\sigma\lambda\acute{o}\tau\eta\varsigma, \omicron\upsilon$ — «Владыка, Властелин (о Боге и Христе); хозяин, господин, владелец» [5, с. 54]. Древнегреческое слово этимологически связано с аинд. $d\acute{a}mpati-$, авест. $d\acute{a}ng\ pait\acute{i}š$ «господин, владелец», вероятно, образованных от индогерм. модели $*dems-$ как генетив слова со значением «дом» [12, S. 371]. В отличие от древнегреческого слова славянская модель $*voldyka$ представляет собой расширение основы на $-n$ с помощью суффикса $-k-$ от $*voldti$ 'господствовать, владеть' [9, т. 1, с. 327]. Данные лексемы родственны лит. $valdyti$ 'господствовать, направлять', лтш. $valdīt$ 'обуздывать', гот. $waldan$ 'господствовать, управлять', лат.

valeo 'я в силе, я силен, я способен, я годен, значу', ир. flraith 'господин', дркимр. gualart, нкимр. gwaladr 'владыка'; gwlad 'царство, отечество'; и-е. корень *цalt- имеет значение 'быть сильным, значить' [10, с. 85; 7, т. 1, с. 87–88]. Следовательно, во внутренней форме славянского слова уже на ранней стадии формирования лексического значения обнаруживается несоответствие семантики в соотношении с древнегреческим словом: кроме семы «господин, владелец» церковнославянская лексема **владыка** содержит значение «обладающий силой». В Остромировом Евангелии лексема **владыка** как номинант Бога Отца репрезентирует указанную семантику. Ср.: «**нынѣ отъпоустниши раба твоюго вѣо по глѡу твоюмоу съ миромъ** — Νῦν ἀπολύεις τὸν δδλόν σθ, δέσποτα, κατὰ τὸ ρῆμά σθ ἐν εἰρήνῃ» [6, Лук. II: 29].

В качестве номинанта Иисуса Христа и человека-правителя лексема **владыка** также употребляется в Остромировом Евангелии, однако лишь в единичных контекстах. В этих случаях она используется при переводе другого древнегреческого слова — ἡγούμενος, ὁ — «вождь, правитель; глава, руководитель», производного от глагола ἡγεομαι — «полагать, считать, думать; руководить, править» [5, с. 99–100]. Древнегреческое слово этимологически связано с лат. sāgiō «ощущать, предчувствовать», гот. sokjan «искать/собирать, хватать/нападать» [12, S. 621–622]. В результате этого в соответствующих контекстах евангельского текста в лексеме **владыка** проявляется такая сема, как «руководитель, вождь». Ср.: «**ведомъ къ цѣмъ и владыкамъ** — ἀγόμενος ἐπὶ βασιλεῖς καὶ ἡγεμόνας» [6, Лук. XXI: 12]; «**и ты видѣомие земле иудова ни чимъ же мьниши кси въ вѣдѣкахъ иудовахъ ис тебе бо изидеть вѣка иже оупасеть люди моя изѣла** — Καὶ συ Βηθλεέμ γη Ἰδδα, οὐδαμῶς ἐλαχίστη εἶ ἐν τοῖς ἡγεμόσιν Ἰδδα ἐκ σθ γὰρ ἐξελύσεται ἡγόμενος, ὅστις ποιμανεῖ τὸν λαόν μθ τὸν Ἰσραήλ» [6, Мат. II: 6].

Следовательно, Иисус Христос и человек-правитель в древнегреческих текстах Евангелий предстают как неравные Богу Отцу, их функция главенства над людьми в сознании древних эллинов оказывается нетождественной функции Бога Отца, выражающейся в господстве надо всем сущим. В церковнославянском же языке именование Бога Отца, Иисуса Христа и правителя посредством одной и той же лексемы **владыка** позволяет нейтрализовать указанные различия.

Таким образом, лексема **владыка** в Остромировом Евангелии используется при переводе двух древнегреческих слов: δεσπότης, ου и ἡγούμενος, ὁ. В связи с этим становится очевидным, что для древних переводчиков евангелических текстов на церковнославянский язык указанная лексема становится единым средством выражения таких значений, как «правитель, хозяин», «тот, кто обладает силой» и «руко-

водитель». Употребление указанной лексемы как единого эквивалента для двух древнегреческих слов, в свою очередь, позволяет в христианском сознании «стереть» зафиксированное в древнегреческом тексте Евангелий разграничение функции Бога Отца как сильного и могущественного правителя с функцией Иисуса Христа и человека-правителя как вождей, «собирателей» и руководителей человечества. Тем самым в христианском сознании Первое и Второе Лицо Пресвятой Троицы «со-единяются» и осмысливаются как равноправные правители, а человек-вождь начинает осмысливаться как наместник Бога на Земле.

Список литературы

1. *Алексеев А. А.* Остромирово Евангелие и византийско-славянская традиция Священного Писания. URL: <http://www.nlr.ru/exib/Gospel/ostr/alexeev.html> (дата обращения: 01.12.2016).
2. *Алексеева Е. А.* Семантические особенности лексики, связанной с обозначением объектов культурной символики (на примере символа Бог в русской и французской лингвокультурах) : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2001.
3. *Апресян Ю. Д.* Избранные труды : в 2 т. М., 1995. Т. 1 : Лексическая семантика; Синонимические средства языка.
4. *Вейсман А. Д.* Греческо-русский словарь. СПб., 1899.
5. *Греческо-русский словарь Нового Завета*: пер. Краткого греческо-английского словаря Нового Завета Баркли М. Ньюмана. М., 2012.
6. *Остромирово Евангелие 1056–1057 года*. С приложением греческого текста Евангелий и с грамматическими объяснениями. СПб., 1843.
7. *Преображенский А. Г.* Этимологический словарь русского языка : в 2 т. М., 2010.
8. *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка : в 3 т. М., 1989.
9. *Фасмер М. Р.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. М., 1964–1975.
10. *Шанский Н. М.* Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1982.
11. *Шукуров Р. М.* Имя и власть на византийском Понте (чужое, принятое за свое) // Чужое: опыты преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья : сб. ст. М., 1999. С. 194–237.
12. *Frisk H.* Griechisches etymologisches Wörterbuch : in 2 bd. Heidelberg, 1960.

Об авторе

Писарь Надежда Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, Калининградский государственный технический университет, Россия.

E-mail: nadezdapisar@mail.ru

Для цитирования:

Писарь Н. В. Особенности функционирования лексемы *владыка* в Остромировом Евангелии 1056–1057 годов // Слово.ру: балтийский акцент. 2017. Т. 8, № 2. С. 133–139. doi: 10.5922/2225-5346-2017-2-13.

**THE FUNCTIONING OF THE VLADYKA LEXEME
IN THE OSTROMIR GOSPELS OF 1056–1057**

N. V. Pisar¹

¹ Kaliningrad State Technical University,
Sukhumskaya St. 16–3, Kaliningrad, 236013, Russia

Submitted on July 12, 2017

*This article considers the use of the *Vladyka* lexeme to denote God the Father, Jesus Christ, and human rulers in the Ostromir Gospels with a Greek translation. The author analyses the semantics of the Church Slavonic lexemes as an equivalent to the paired Greek words, the way the matching Greek lexemes were selected, and the effect of semantic inconsistencies on the formation of the idea of the ruler in the consciousness of Slavs. The study employs the methods of etymological, lexicographical, lexical-semantic analysis, as well as methods of modern comparative studies. The author identifies the integral and differential significance contained in the semantics of the paired Church Slavonic and Greek lexemes. This helps to determine the effect of the identified semantic differences on the variations in the Christian perception of God by ancient Greeks and Slavs, as regards the differentiation between the functions of God the Father and Jesus Christ. The author examines to what degree the semantic differences affected the emergence of the Slavic idea of the human ruler as a vicar of God on Earth.*

Key words: lexical semantics, *Vladyka*, God, Ostromir Gospel, 11th century.

References

1. Alekseev, A. A., 2013. *Ostromirovo Evangelie i vizantiisko-slavyanskaya traditsiya Svyashchennogo Pisaniya* [Ostromir Gospel and the Byzantine-Slavic tradition of the Holy Scripture]. Available at: <http://www.nlr.ru/exib/Gospel/ostr/alexeev.html> [Accessed 01 December 2016].
2. Alekseeva, E. A., 2001. *Semanticheskie osobennosti leksiki, svyazannoi s oboznacheniem ob'ektov kul'turnoi simboliki (na primere simvola Bog v russkoi i frantsuzskoi lingvokul'turakh)* [Semantic features of vocabulary associated with the designation of objects of cultural symbolism (on the example of the symbol of God in Russian and French linguocultures)]. Cand. philol. sci. diss. thesis. Saratov.
3. Apresyan, Yu. D., 1995. *Izbrannyye trudy. T. 1: Leksicheskaya semantika; Sinonimicheskie sredstva yazyka* [Selected works. Vol. 1: Lexical semantics; Synonyms of the language]. Moscow.

4. Veisman, A.D., 1899. *Grechesko-russkii slovar'* [Greek-Russian dictionary]. St. Petersburg.
5. Kuznetsova, V.N., ed., 2012. *Grechesko-russkii slovar' Novogo Zaveta: Per. Kratkogo grechesko-angliiskogo slovarya Novogo Zaveta Barkli M. N'yumana* [Greek-Russian Dictionary of the New Testament: Trans. A short Greek-English dictionary of the New Testament by Barkley M. Newman]. Moscow.
6. Vostokov, A. Kh., ed., 1843. *Ostromirovo Evangelie 1056 – 1057 goda. S prilozheniem grecheskogo teksta Evangelii i s grammaticheskimi ob'yasneniyami* [The Ostromir Gospel of 1056 – 1057. With application of Greek text of the Gospels and with grammatical explanations]. St. Petersburg.
7. Preobrazhenskii, A.G., 2010. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Moscow.
8. Sreznevskii, I.I., 1989. *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka* [Materials for the Dictionary of Old Russian language]. Moscow.
9. Fasmer, M.R., 1964 – 1975. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Moscow.
10. Shanskii, N.M., 1982. *Kratkii etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Brief etymological dictionary of the Russian language]. Moscow.
11. Shukurov, R.M., 1999. *The name and power on Byzantine Ponte (foreign accepted for own)*. In: R.M. Shukurov, ed. *Chuzhoe: opyty preodoleniya. Ocherki iz istorii kul'tury Sredizemnomor'ya: sb. st.* [Foreign: experiences of overcoming. Essays from the history of Mediterranean culture: a collection of articles]. Moscow. pp. 194 – 237.
12. Frisk, H., 1960. *Griechisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg.

The author

Dr Nadezhda V. Pisar, Associate Professor, Kaliningrad State Technical University, Russia.

E-mail: nadezdapisar@mail.ru

To cite this article:

Pisar N.V. 2017, The functioning of the *vladyka* lexeme in the Ostromir Gospels of 1056 – 1057, *Slovo.ru: baltiiskij accent*, Vol. 8, no. 2, p. 133 – 139. doi: 10.5922/2225-5346-2017-2-13.

ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ В КОНТЕКСТЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

И. Н. Лукьяненко¹

Рассматриваются исторические реалии как маркеры национально-исторического своеобразия страны изучаемого языка, позволяющие реконструировать отдельные стороны национального характера, аксиологии современных носителей языка. Анализ безэквивалентной, фоновой и коннотативной лексики в процессе овладения языком стимулирует рефлексию над получаемой внеязыковой (исторической) информацией, тем самым обеспечивается лингвострановедческая компетенция.

Ключевые слова: историческая реальия, лингвострановедение, национально-культурные коннотации, безэквивалентная, фоновая, коннотативная лексика, ономастика.

Одним из важнейших подходов в теории и практике обучения русскому языку как иностранному является лингвострановедческий подход, который базируется на необходимости соизучения языка и культуры, зависимости целей обучения от социокультурных условий. Несомненную ценность в этом плане представляют исторические реалии, так как они позволяют иностранцам осознать своеобразие национально-исторического пути страны изучаемого языка, понять внутренний уклад ее экономики и культуры и, в конечном счете, получить представление о национальном характере, менталитете, аксиологии современных носителей языка. Обращение к историческим реалиям также актуально в аспекте формирования позитивного имиджа России, так как именно «опора на "внешнелингвистические" параметры исследования языка позволяет ставить вопрос об образе страны» [4, с. 28].

Слово «реалия» многозначно. В одном случае оно обозначает явления внеязыковой действительности — предметы материальной культуры и быта, географические объекты, исторические факты, события

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 12.05.2017 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2017-2-14

© Лукьяненко И. Н., 2017

и персоны, которые служат «уникальными референтами» национально маркированных языковых единиц. С другой стороны, реалии — это особый тип номинаций, не имеющих понятийных соответствий в «чужой» культуре, которые в методике РКИ получили статус «безэквивалентных». Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров причисляют к словам-реалиям также «фоновую» и «коннотативную» лексику, понимая под этими терминами как неполноэквивалентные лексемы, частично совпадающие и частично расходящиеся в фоновых долях значения с понятийным эквивалентом, так и любые слова «с культурным компонентом», имеющими ярко выраженную национальную окраску [1, с. 45]. Значение таких слов всегда значительно шире словарной дефиниции, поскольку толкование включает в себя также ряд общенациональных и личных ассоциаций изучающих русский язык. Сказанное позволяет включать реалии в особый блок содержательных единиц, формирующих фоновые знания обучаемого в системе РКИ.

Отличительной чертой реалии является не только особый характер ее предметного содержания, но и связь обозначаемого реалией предмета/явления с определенным отрезком времени его бытования. Отсюда следует, что каждой лексеме-реалии присущ исторический колорит, что любой исторический период может быть описан через совокупность исторических реалий. Это означает, что анализ знаковых исторических контекстов позволяет вычленивать ряд релевантных для каждой эпохи культурных феноменов, формирующих образ России, а также представить и описать этот ряд посредством определенных исторических реалий.

При отборе номинаций с выраженной национально-культурной семантикой, включаемых в обучение иностранных учащихся, Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров предлагают опираться на принцип актуального историзма, который состоит в обращении к историческим сведениям, известным всем носителям языка. Они полагают, что в обучении языку необходимо пользоваться приемом пирамиды, обращенной острием вниз: «Чем ближе к нам по времени определенный исторический период, тем больше ему уделяется... внимания и места; напротив, чем хронологически старше эпоха, тем она меньше представлена». Вместе с тем оказывается не менее важной «в воспитательном плане... демонстрация длительности культурной традиции, так как всегда более обширной и развитой оказывается та культура, которая может оглянуться на многовековой пройденный путь» [2, с. 255].

Историки выделяют несколько периодов истории российского государства, которые оказали мощное влияние на формирование духовной культуры, менталитета русского народа. Среди наиболее значи-

мых исторических этапов развития современного общества следует признать Древнерусское государство, ключевое событие которого — крещение Руси в 988 году привело не только к территориальному объединению русских земель, но и коренным образом повлияло на укрепление позиций государства на мировой арене: Россия вошла в международное сообщество. Принятие христианства стало стимулом подъема национального самосознания, способствовало просвещению и развитию русского языка и кириллической письменности: церкви и монастыри стали центрами культурного развития, оплотами книжного, летописного дела. Общность религиозных воззрений лежит в основе духовного единства русских, особенностей русского менталитета. В этот исторический период были окончательно сформулированы базовые ценности русского этноса: *соборность, общинность, коллективность* сознания и бытия. Как национальные приоритеты они предписывают «человеку, что он должен делать в той или иной типовой ситуации, как он должен воспринимать те или иные события, как строить свои отношения с другими членами общества, что можно делать, а что нельзя» [5, с. 20]. Данные принципы коммуникативно релевантны, потому что определяют коммуникативное поведение народа. Они проявляются в крестьянской общине (работать «всем миром»), в деревенских коллективных посиделках, в хороводах, хоровом пении, в быту — в установке на взаимопомощь («люди помогут, пропасть не дадут»), в традиции жить большими семьями, в тесной связи поколений (об этом подроб. см.: [5, с. 55–58]).

По наблюдениям Ю.Е. Прохорова, «коммуникативное поведение — это *активное страноведение*, навыки в этой области нужны для активной повседневной коммуникации с носителями той или иной национальной культуры» [5, с. 19]. Вследствие этого описание стереотипов национального коммуникативного поведения является важнейшей лингводидактической задачей, а обучение коммуникативному поведению должно осуществляться параллельно с обучением собственно языковым навыкам и речевым видам деятельности: аудированию, чтению, письму, говорению.

Культурное влияние Древнерусского государства прослеживается в русском изобразительном искусстве, музыке и литературе², потому

² В специальном «Большом лингвострановедческом словаре «Россия» в связи с рассматриваемым историческим периодом упоминаются литературные произведения А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, картины В.М. Васнецова и его росписи Владимирского собора в Киеве, И.Е. Репина, В.И. Сурикова. На сюжеты Древней Руси написаны оперы И.А. Римского-Корсакова, М.П. Мусоргского, А.О. Бородина, М.И. Глинки. Интерес к истории Древней Руси

что «тысячелетние корни русской культуры несомненны, и гуманистические начала отечественного фольклора, красота архитектурных памятников или музыкальных форм, несмотря на продолжительнейший период бытования, ничуть не устарели» [2, с. 255]. Национальная фольклорно-эпическая традиция до сих пор концентрируется вокруг образа *святая Русь, матушкой-Русью* называют Россию, демонстрируя этим связь истории и современности, любовь к Отечеству.

Отсюда следует, что разработка учебных материалов на основе лингвистического блока «Древняя Русь» для иностранных учащихся, прежде всего на продвинутом и завершающем этапах обучения, является весьма актуальной. Эта тема, с одной стороны, может рассматриваться как сквозная и синтетическая, включающая компоненты социального, морального, эстетического, политического плана, то есть как направленная на соизучение языка и культуры в практическом смысле. С другой — она в полной мере удовлетворяет коммуникативным, познавательным, эстетическим потребностям иностранных студентов, поэтому может найти широкое применение в различного рода обучающих материалах по РКИ, в первую очередь в текстовых. Включение в обучение сведений об истории страны изучаемого языка на уровне учебного текста методически целесообразно: текст детерминирован множеством культурных кодов, в нем заключена информация об истории, этнографии, национальной психологии, национальном поведении. В анализе текстово-тематического содержания материала следует исходить из необходимости выявления и научного описания лингвоспецифичных номинаций, которые связаны с историческим контекстом, а также важны для понимания их роли в жизни России.

К числу реалий, отражающих национальное своеобразие, историко-культурную традицию, образ жизни народа-носителя языка, следует отнести лексику, маркирующую государственное устройство, общественно-политическую жизнь страны, а также ономастическую лексику: антропонимы — имена исторических личностей, общественных персон, значимых деятелей культуры (*А.С. Пушкин, Л.Н. Толстой*); хрононимы — названия отрезков времени, связанные с историческими событиями (*Смутное время, Отечественная война*); топонимы — номинации географических объектов, имеющих культурно-исторические ассоциации (*Русь, Россия, а также Москва, Санкт-Петербург*).

проявился и в архитектуре, в так называемом русском стиле построены Верхние торговые ряды (ГУМ) архитектора А.Н. Померанцева, Исторический музей В.О. Шервуда в Москве, здание Московской городской думы архитектора Д.Н. Чичагова [7].

Перейдем к рассмотрению таких безэквивалентных лексических единиц, в которых прямо (эксплицитно) или косвенно (имплицитно) зафиксирован исторический колорит страны. Как показывают наблюдения, наиболее активными эксплицитно-страноведческими номинациями следует признать антропонимы, и прежде всего, имена «защитников земли русской», проявивших личное мужество, например новгородского князя *Александра Ярославовича*, ставшего впоследствии *Невским*, борца с ордынским игом московского князя *Дмитрия Ивановича Донского*, а также полководцев-воителей *А. В. Суворова*, *М. И. Кутузова*, *Г. К. Жукова*. В аспекте лингвострановедения также чрезвычайно значимыми являются имена собственные русских богатырей — *Ильи Муромца*, *Алеши Поповича*, *Добрыни Никитича* — героев былинного эпоса, отличающихся необыкновенной силой, которые в одиночку побеждают армии врагов. Указанные антропонимы манифестируют важные культурно-исторические смыслы в осознании путей формирования самостоятельности и независимости современного Российского государства.

Особое место в ряду ономастической лексики занимают имена собственные русских монархов³. Представляется, что важным маркером значимости правителя в исторической перспективе является наличие прозвища, сопровождающего его официальное имя собственное. В отличие от основного имени прозвище «приобретаемо»: оно дается человеку окружающими «по какой-нибудь характерной его черте, свойству» [6]. Как заметил в свое время Н. В. Гоголь: «У нас... такой обычай: как дадут кому люди какое прозвище, то и во веки веков останется оно» [3, с. 4]. В аспекте исследуемого вопроса прозвищные наименования нужно рассматривать на фоне исторических обстоятельств, сопутствующих жизни той или иной исторической персоны, то есть с учетом некоего «объективного» вклада в общественное благо, а также с «субъективных» позиций: с точки зрения «общественного резонанса», который имели те или иные свойства личности для русского народа. Для полноты лингвострановедческого описания необходимо дать краткую историческую справку, рассказ о месте описываемого объекта в русской истории и культуре и информацию о словах и выражениях, связанных с основным именем, то есть представить сведения, которые неизвестны изучающим язык (находящимся за пределами данной культуры).

³ Роль *царя* для русского культурного сознания раскрывает пословица: «У каждого свой царь в голове», в которой царь в государстве сопоставляется с разумом в голове. Противоположный смысл имеет выражение «без царя в голове».

В лингвострановедческом плане интерес представляют следующие антропонимы (приведем их в соответствии с хронологическим принципом): *Владимир Красное Солнышко, Ярослав Мудрый, Владимир Мономах, Юрий Долгорукий, Иван IV Грозный, Алексей Тишайший, Петр I Великий, Екатерина Великая, Александр II Освободитель, Николай II Кровавый*.

В составе каждого из рассматриваемых антропонимов имеется определение. Эти неформальные наименования-прозвища очевидным способом реализуют фоновое значение, так как содержат дополнительные семантические компоненты — национально-культурные коннотации. Часть прозвищ представляет собой субстантивы, внутренняя форма которых соотносится с характером «предметного» содержания. Например, *Владимир Красное Солнышко* принял христианство и крестил Русь (второе прозвище князя — Владимир-креститель). Национальное сознание мифологизировало образ князя Владимира, в летописях и исторических песнях он выступает в качестве фольклорного персонажа, былинного героя, равного по значимости небесному светилу — Солнцу. Отношение современников к князю Владимиру отражают слова из летописи: «Удивления достойно, сколько он сотворил добра Русской земле, крестив ее». *Владимир Мономах* прозван Мономахом в честь деда по материнской линии, византийского императора Константина IX Мономаха. Правление Владимира Мономаха пришлось на время последнего усиления Киевской Руси. При Владимире Мономахе монахом Киево-Печерского монастыря Нестором была составлена первая русская летопись «Повесть временных лет». Культурные рефлексы царского прозвища прослеживаются во фразеологизмах *шапка Мономаха; тяжела ты, шапка Мономаха*. Царской шапкой, которая являлась символом самодержавия на Руси, венчались на царство русские цари; в переносном значении фразеологизм означает высшую самодержавную власть, поэтому выражение «Тяжела ты, шапка Мономаха», взятое из драмы А. С. Пушкина «Борис Годунов», говорит о большой ответственности человека, облеченного властью.

В отличие от субстантивных прозвищ атрибутивные наименования в силу своей особой грамматической природы напрямую соотносятся с качественными характеристиками, лежащими в основе номинаций того или иного исторического персонажа⁴.

Ярослав Мудрый был назван так за весьма разумное правление. С его именем связан первый русский свод законов «Русская Правда», кото-

⁴ В этом смысле важен еще и тот факт, что прозвищное прилагательное обычно вовлечено в синонимическую структуру, и выявление лексических расхождений с доминантой синонимического ряда представляет сопутствующий интерес.

рый помог обеспечить порядок в государстве, при нем построили первую библиотеку и открыли школу, где обучали детей грамоте. Он приложил много усилий для объединения Русских земель. *Юрий Долгорукий* получил прозвище за стремление увеличить свои владения (см. поговорку: *У царя руки долги*), он заложил много новых городов, среди которых был и город Москва, ставший впоследствии столицей.

Ивана IV стали именовать *Грозным* за деспотизм и тиранию; он консолидировал в своих руках абсолютную власть, ввел опричнину, которая, по мнению историков, привела государство к социально-политическому кризису. Вместе с тем нельзя отрицать того факта, что при *Иване Грозном* значительно расширилась территория российских земель, был создан Печатный двор и возведен храм *Василия Блаженного* на Красной площади, созван первый Земский собор. С. К. Милославская полагает, что крайне негативный образ первого русского царя сложился вследствие того, что его прозвище было неверно переведено на европейские языки. Русское слово *грозный* («мужественный, величественный, повелительный, держащий врагов в страхе, а народ в повиновении») через посредство латинского *terribilis* («внушающий благоговение, наводящий священный трепет») в «живом» французском и английском языках преобразилось в *terrible*, что переводится как «ужасный, страшный, ужасающий» [4, с. 335].

Очевидно, одностороннее понимание прозвища потомками произошло и в случае с *Алексеем Михайловичем Тишайшим*. Современники царя вкладывали в понятие «тишайший» совсем другой смысл — это был официальный титул государя, во время правления которого наблюдалась «тишина» (благоденствие, спокойствие), то есть понятие не имело отношения к характеру правителя. Любопытно, что титулом *Тишайший* кроме *Алексея Михайловича* были награждены и его сыновья, преемники на троне, в частности *Петр Алексеевич*, который не отличался ни излишней мягкостью, ни кротостью характера. В правление *Алексея Михайловича* было принято Соборное уложение, в котором законодательно оформилось крепостное право. Наиболее крупным успехом во внешней политике было возвращение некоторых ранее утерянных русских земель, продвижение в Сибирь, он передал своим сыновьям в наследство мощную державу, признанную за рубежом. Одному из них — *Петру I* — удалось продолжить дело своего отца, завершив формирование абсолютной монархии и создание великой Российской империи.

Петр I был прозван *Великим* за крупнейшие преобразования в государственном устройстве и экономике. Они были столь значительными

по своим последствиям, что в истории России до сих пор выделяют допетровский и послепетровский этапы. Правление Петра — это время строительства новой столицы, научных и культурных начинаний, военных побед. Однако необходимо упомянуть, что петровские реформы сопровождалась усилением крепостного давления. Наиболее точно охарактеризовал роль Петра I А. С. Пушкин. Для него Петр не только гениальный полководец и политик, но и «нетерпеливый помещик», указы которого «писаны кнутом». Петр I создал дворянскую империю, которая просуществовала вплоть до 1917 года.

Еще один российский правитель, прозванный *Великим*, — это императрица *Екатерина II*, которая довела до конца многие преобразования, начатые Петром. Время правления Екатерины Великой считают золотым веком: территория Российской империи была значительно расширена, расцвели искусство и зодчество, сама императрица живо интересовалась литературой и состояла в переписке с французскими просветителями. При Екатерине Великой Россия превратилась в великую европейскую державу. Екатерининская эпоха в целом вписалась в политику просвещенного абсолютизма XVIII века.

Последним царем, имя которого сопровождалось культурными коннотациями, стал император Николай II. Он получил от своих современников прозвище Кровавый за целый ряд исторических действий, которые привели к кровопролитию, а как «страстотерпец», принял мученическую смерть.

На релевантность данных исторических реалий для русского языкового сознания указывает их вовлеченность в пословицы, поговорки, устойчивые выражения. Так, например, об Иване Грозном существует немало исторических преданий, песен и даже сказок. С его именем связывают появление фразеологизмов *сирота казанская* (после завоевания Иваном Грозным Казани казанским мурзам пришлось прикидываться сиротами и несчастными, чтобы оградить себя от поборов), *остаться с носом* (во время правления Ивана Грозного были созданы Приказы, куда обращались люди со своими просьбами, часто с подношениями — с носом, но иногда просьбы не удовлетворялись, отчего просители так и уходили с носом восвояси); *шиворот-навыворот* (шиворотом назывался расшитый воротник боярской одежды, во времена Ивана Грозного боярина, подвергшегося царскому гневу, сажали на лошадь спиной вперед, надев на него одежду тоже наизнанку, то есть шиворот навыворот — наоборот); *филькина грамота* (так Иван Грозный презрительно назвал письма митрополита Московского и всея Руси

Филиппа, призывающего царя распустить опричнину). С деятельностью Петра I связаны устойчивые обороты *адмиральский час, табель о рангах, пропал, как швед под Полтавой*, имеющие актуальное для современного языка значение.

Наш интерес к антропонимам наиболее значимых царственных особ русской истории имеет комплексный характер: во-первых, они как исторические реалии отражают объективный процесс формирования национального самосознания и национальной культуры России; во-вторых, представляют интерес в языковом плане, так как реализуются в конкретных языковых единицах. Наконец, с лингвострановедческой точки зрения следует отметить их роль в интерпретации общественно-политического контекста существования страны, которым интересуется подавляющее большинство изучающих русский язык как иностранный. Помимо прочего исторические антропонимы, будучи по преимуществу безэквивалентными заимствованиями, то есть транслитерируемыми на родной язык обучаемых, свободно опознаются ими в потоке речи, что создает дополнительный эффект «узнавания». Преподавателю необходимо раскрыть национально-культурную семантику слова, описать его лексический фон, дать лингвострановедческий комментарий. Предложенный в работе анализ значимых для РКИ историко-культурных контекстов и ряда наиболее активных, с нашей точки зрения, отдельных номинаций позволяет в самом общем плане охарактеризовать некоторые культурно-исторические черты России. Принципиальная открытость предложенного набора параметров такого анализа допускает их изменение в зависимости от учебно-методической целесообразности. В любом случае овладение историческими реалиями стимулирует рефлекссию над получаемой внеязыковой информацией, тем самым обеспечивается лингвострановедческая компетенция.

Список литературы

1. *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1990.
2. *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Лингвострановедческая теория слова М., 1980.
3. *Гоголь Н. В.* Вечера на хуторе близ Диканьки. М., 1952.
4. *Милославская С. К.* Русский язык как иностранный в истории становления европейского образа России. М., 2012
5. *Прохоров Ю. Е., Стернин И. А.* Русские: коммуникативное поведение. М., 2006.

6. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1984.
7. Россия. Большой лингвострановедческий словарь / под общ. ред. Ю. Е. Прохорова. М., 2007.

Об авторе

Лукьяненко Ирина Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.
E-mail: ILukyanenko@kantiana.ru

Для цитирования:

Лукьяненко И. Н. Исторические реалии в контексте обучения русскому языку как иностранному // Слово.ру: балтийский акцент. 2017. Т. 8, № 2. С. 140 – 150. doi: 10.5922/2225-5346-2017-2-14.

HISTORICAL REALIA IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

I. N. Lukyanenko¹

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University.
14 A. Nevski Str., Kaliningrad, 236041, Russia

Submitted on May 12, 2017

This article deals with the historical realia as markers of the national and historical identity of the country of the target language. Realia make it possible to reconstruct selected aspects of the national character and study the axiology of modern native speakers. The analysis of non-equivalent, background and connotative lexis in the course of language acquisition stimulates reflection on extralinguistic (historical) information and thus contributes to cultural competences.

Key words: *historical realia; linguistic and cultural studies; national cultural connotation; non-equivalent, background, and connotative lexis; onomastics.*

References

1. Vereshchagin, E. M., Kostomarov, V. G., 1990. *Yazyk i kul'tura: Lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo* [Language and Culture: Linguistic Studies in Teaching Russian as a Foreign Language]. Moscow.
2. Vereshchagin, E. M., Kostomarov, V. G., 1980. *Lingvostranovedcheskaya teoriya slova* [Linguistic and regional studies theory of words]. Moscow.

3. Gogol', N. V., 1952. *Vechera na khutore bliz Dikan'ki* [Evenings on a Farm Near Dikanka]. Moscow.

4. Miloslavskaya, S. K., 2012. *Russkii yazyk kak inostrannyi v istorii stanovleniya evropeiskogo obraza Rossii* [Russian as a foreign language in the history of the becoming of European image of Russia]. Moscow.

5. Prokhorov, Yu. E., Sternin, I. A., 2006. *Russkie: kommunikativnoe povedenie* [Russians: communicative behavior]. Moscow.

6. Ozhegov, S. I., 1984. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of Russian language]. Moscow.

7. Prokhorova, Yu. E., ed., 2007. *Rossiia. Bol'shoi lingvostranovedcheskii slovar'* [Russia. The great linguistic and regional studies dictionary]. Moscow.

The author

Dr Irina N. Lukyanenko, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: ILukyanenko@kantiana.ru

To cite this article:

Lukyanenko I. N. 2017, Historical realia in teaching Russian as a foreign language, *Slovo.ru: baltiiskij accent*, Vol. 8, no. 2, p. 140–150. doi: 10.5922/2225-5346-2017-2-14.

БИБЛИОГРАФИЯ

ВАЛЕРИЙ ИВАНОВИЧ ГАЛЬЦОВ: материалы к библиографии

Валерий Иванович Гальцов окончил Московский государственный историко-архивный институт. Он заслуженный работник высшей школы РФ, кандидат исторических наук, ученик известного археографа С. О. Шмидта. С 1976 года В. И. Гальцов преподает исторические дисциплины в Калининградском государственном университете, позднее в БФУ им. И. Канта. Под его руководством выполнили исследовательские работы десятки студентов-историков, несколько аспирантов защитили кандидатские диссертации. Много лет он возглавлял исторический факультет, затем Институт гуманитарных наук БФУ им. И. Канта, работал проректором по заочному и вечернему обучению.

В. И. Гальцов как председатель Калининградского представительства Российского общества историков-архивистов ведет большую общественную работу. Он входил в совместную комиссию историков России и Литвы, является членом редколлегий нескольких научных журналов. В. И. Гальцов подготовил к печати два сборника документов из архива Посольского приказа, книги по истории Кёнигсбергского университета и Радзивилловской летописи, участвовал в написании очерков по истории Восточной Пруссии и составлении энциклопедического словаря Калининградской области. Валерия Ивановича всегда отличали высокий профессионализм ученого, широта научных интересов, увлеченность историей России и Калининградской области, мудрость руководителя, доброжелательность в отношении коллег и студентов.

Валерий Иванович Гальцов — автор более 90 научных работ по отечественному источниковедению, архивоведению и археографии, историческому краеведению, социальной истории и истории государственных учреждений России. Материалы к библиографии В. И. Гальцова подготовил кандидат исторических наук, доцент В. Н. Маслов.

**Список научных трудов
профессора Валерия Ивановича Гальцова
(составитель В. Н. Маслов)**

1970 г.

1. *О составителях описи архива Посольского приказа 1626–1627 гг.* // Материалы научной студенческой конференции Московского государственного историко-архивного института. Май 1970 г. Вып. 1. Источниковедение истории СССР. М., 1970. С. 68–75.

1971 г.

2. *О черновых вариантах архивных описей Посольского приказа XVII в.* // Археографический ежегодник за 1970 год. М., 1971. С. 127–128.

1975 г.

3. *Опись посольских дел, переданных в 1708 г. из Казенного приказа в Посольский* // Археографический ежегодник за 1974 год. М., 1975. С. 349–356.

1976 г.

4. *Малоизвестный источник по истории архивного дела – черновая опись архива Посольского приказа 1626–1627 гг.* // Советские архивы. 1976. № 1. С. 49–57.

5. *Архив Посольского приказа в XVII веке (Опыт изучения описей Посольского архива): автореф. дис. ... канд. ист. наук.* М., 1976. 26 с. (На правах рукописи).

6. *История классово-борьбы в России в период феодализма* // Наука сегодня. М., 1976. Вып. 4. С. 74–76.

1977 г.

7. *Опись архива Посольского приказа 1626 года: в 2 ч.* / под ред. С. О. Шмидта. М., 1977. 422 с.

8. *Сведения о С. И. Шаховском в описи архива Посольского приказа 1673 г.* // Археографический ежегодник за 1976 год. М., 1977. С. 79–81.

1982 г.

9. *Архив Посольского приказа во второй половине XVI – начале XVII века* // Археографический ежегодник за 1981 год. М., 1982. С. 134–147.

1984 г.

10. *Архив* Посольского приказа во второй половине XVII века // Советские архивы. 1984. № 5. С. 17–24.

11. *Архивные описи* в приказном делопроизводстве XVII в. // Историография и источниковедение архивного дела в СССР : межвуз. сб. М., 1984. С. 5–16.

1985 г.

12. *Опись документов* московского архива Коллегии иностранных дел 1732 г. // Археографический ежегодник за 1983 год. М., 1985. С. 307–321.

13. [Рецензия] // Архіви України. 1985. № 5(193). С. 71–73. Рец. на кн.: Шмидт С.О. Российское государство в середине XVI столетия. Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного. М., 1984.

1986 г.

14. [Рецензия] // Советские архивы. 1986. №5. С. 76–78. Рец. на кн.: Посольская книга по связям России с Англией 1613–1614 гг. М., 1979 ; Посольская книга по связям России с Ногайской ордой 1489–1508 гг. М., 2003.

1989 г.

15. *Приказной архив XVII века*. (К вопросу о типологии архивов Российского централизованного государства) // Архивы СССР. История и современность : межвуз. сб. науч. тр. М., 1989. С. 30–40.

1990 г.

16. *Опись архива* Посольского приказа 1673 года : в 2 ч. / под ред. С.О. Шмидта. М., 1990. 546 с.

1994 г.

17. *Челобитная* Якимы Суморокова и Федора Григорьева. (Из истории турецкого плена конца XVI – начала XVII вв.) // Мир источниковедения : сб. в честь Сигурда Оттовича Шмидта. М. ; Пенза, 1994. С. 71–74.

1996 г.

18. *Россия – Пруссия (XVI–XVIII вв.)* // Восточная Пруссия. С древнейших времен до конца Второй мировой войны: Исторические очерки. Документы. Материалы. Калининград, 1996. С. 202–247.

19. *Век Просвещения на Прусской земле* // Там же. С. 289–306.

20. *Obwód kaliningradzki w latach 1945–1991. Społeczeństwo, gospodarka, kultura* // Komunikaty Mazursko-Warmińskie. Kwartalnik. 1996. № 2 (212). S. 201–224.

21. *The Problems of People's Identification in the Kaliningrad Region* // Anthropological Journal on European Cultures. 1996. Vol. 5, № 2. S. 83–96.

22. *Бранденбургско-прусская посольская книга XVII века как исторический источник* // XXVII научная конференция профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников, аспирантов и студентов : тезисы докладов. Калининград, 1996. Ч. 5. С. 6–8.

1997 г.

23. *Историческая наука и образование в КГУ* // XXVIII научная конференция : тезисы докладов пленарного заседания. Калининград, 1997. С. 10–12.

24. «*Воровские деньги*» в России в XVII веке // Там же. С. 17–18. Ч. 5.

1998 г.

25. *История культуры российской провинции XVIII – начала XX в. в современных исследованиях* // XXIX научная конференция : тезисы докладов. Калининград, 1998. Ч. 5. С. 8–9.

1999 г.

26. *Переписная книга архива Посольского приказа 1632 года как исторический источник* // Проблемы источниковедения и историографии : сб. науч. тр. Калининград, 1999. С. 14–21.

27. *Grundlegende Besonderheiten der Geschichte des Kaliningrader Gebietes* // Annaberger Annalen / Jahrbuch über Litauen und deutsch-litauische Beziehungen. 1999. № 7. S. 29–38.

28. *Проблемы источниковедения и историографии* : сб. науч. тр. Калининград, 1999. 108 с. (отв. ред.).

2000 г.

29. *Поиск истины, разномыслие и дружелюбие. (К 50-летию кружка источниковедения ИАИ РГГУ.)* // Отечественные архивы. 2000. № 2. С. 58–70.

30. *Государственный архив России в XVII в.* // Источниковедение и краеведение в культуре России : сб. к 50-летию служения Сигурда Оттовича Шмидта Историко-архивному институту. М., 2000. С. 112–114.

2001 г.

31. *Кёнигсбергская летопись и становление исторической науки в России в XVIII веке // Проблемы источниковедения и историографии* : сб. науч. тр. Калининград, 2001. С. 90 – 105.

32. *Проблемы источниковедения и историографии* : сб. науч. тр. Калининград, 2001. 161 с. (отв. ред.).

2002 г.

33. *Кёнигсбергский Нестор*. Калининград, 2002. 192 с.

34. *Пруско-русские отношения до Петра I // Очерки истории Восточной Пруссии*. Калининград, 2002. С. 144 – 158.

35. *Внешняя политика Петра I и Прусское королевство // Там же*. С. 159 – 165.

36. *Прусское влияние на европеизацию России // Там же*. С. 166 – 170.

37. *Восточнопруссские просветители // Там же*. С. 233 – 239.

38. *Печать и издательское дело // Там же*. С. 240 – 248.

39. *Młoda Rosja a Polska // Dawna a nowa Rosja (z doświadczeń transformacji ustrojowej)*. Warszawa, 2002. S. 465 – 468.

2003 г.

40. *Проблемы изучения и преподавания истории Калининградской области // Проблемы методологии исследований, инновационные подходы и координация научно-образовательной деятельности в преподавании истории в высшей школе : тезисы Всероссийского научно-методического совещания*. М., 2003. С. 23 – 26.

41. *Международное сотрудничество историков университета // Вестник Калининградского государственного университета*. Вып. 2. Сер. Философия, история и образование стран Балтийского региона. Калининград, 2003. С. 89 – 91.

42. *Профессор Г. П. Жидков как основатель исторического факультета КГУ // Печаль, как расстояние, растет... Материалы международных научных чтений памяти проф. Г. П. Жидкова*. Калининград, 2003. С. 5 – 13.

2004 г.

43. *Московский пожар 1626 г. и архив Посольского приказа // Проблемы источниковедения и историографии* : сб. науч. тр. Калининград, 2004. Вып. 3. С. 10 – 23.

44. *Создание и основные особенности истории Калининградской области // Калининградская область Российской Федерации – история и современность : матер. польско-российской конф. Высшей гуманитарно-экономической школы в г. Влоцлавке (Польша). Влоцлавек, 2004. С. 19–28.*

45. *Северная война как фактор европеизации России // Балтийский регион в международных отношениях в Новое и Новейшее время : матер. междунар. науч. конф. Калининград, 10–11 октября 2003 г. Калининград, 2004. С. 34–39.*

46. *Эпоха Ивана Грозного // История России : учеб. пособие / под общ. ред. А. А. Кузнецова. Калининград, 2004. С. 48–59.*

47. *Россия на рубеже XVI–XVII вв. Смута // Там же. С. 60–69.*

48. *Россия в XVII в. // Там же. С. 70–88.*

49. *The Baptism of Novgorod the Great and the Beginning of the Eparchy (Diocese) of Novgorod // Castri Dominae Nostrae Litterae Annales. Vol. 1: Christianization of the Baltic region / ed. Jerzy Gassowski. Pultusk, 2004. P. 147–156.*

50. *Проблемы источниковедения и историографии : сб. науч. тр. Калининград, 2004. Вып. 3. 178 с. (отв. ред.).*

51. *Исторический факультет Калининградского государственного университета. Калининград, 2004. 75 с. (отв. ред.).*

52. *Калининградская область Российской Федерации – история и современность : матер. польско-российской конф. Высшей гуманитарно-экономической школы в г. Влоцлавке (Польша). Влоцлавек, 2004. 122 с. (ред.).*

2005 г.

53. *Кёнигсбергский университет и его историческая роль // Балтийский регион в истории России и Европы : сб. науч. тр. Калининград, 2005. С. 9–27.*

54. *Историческая наука и образование в Калининградском университете за 25 лет // Там же. С. 43–56.*

55. *История Калининградской области в документальных публикациях // Калининградской области – 60: этапы истории, проблемы развития : сб. ст. Калининград, 2006. С. 5–23.*

56. [Рецензия] *В начале нового пути // Вестник РГУ им. И. Канта. Вып. 3. Сер. Гуманитарные науки. Калининград, 2005. С. 103–107 (рец.).*

57. *Балтийский регион в истории России и Европы : сб. науч. тр. Калининград, 2005. 251 с. (ред.).*

2006 г.

58. «Летопись Калининградской области» как исторический источник // Проблемы источниковедения и историографии : сб. науч. тр. Калининград, 2006. Вып. 4. С. 137–143.

59. *Проблемы* источниковедения и историографии : сб. науч. тр. Калининград, 2006. Вып. 4. 143 с. (отв. ред.).

2007 г.

60. *Университет* в Кёнигсберге. Хроника событий и люди. Калининград, 2007. 125 с.

61. *Российский* государственный университет им. Иммануила Канта. История и современность. Калининград, 2007. 420 с. (рук. авт. колл.).

2008 г.

62. *Университет* в Кёнигсберге. Хроника событий и люди. 2-е изд., доп. Калининград, 2008. 125 с.

63. *Российский* государственный университет им. Иммануила Канта. История и современность. 2-е изд., доп. Калининград, 2008. 436 с. (рук. авт. колл.).

64. *Летняя* школа историков в Вильнюсе // Вестник РГУ им. И. Канта. Вып. 12: Сер. Гуманитарные науки. Калининград, 2008. С. 97–98.

2009 г.

65. *Кёнигсбергский* период Радзивиловской летописи // Древнейшие государства Восточной Европы. 2005 год: Рюриковичи и российская государственность / отв. ред. Е. А. Мельникова М., 2008. С. 84–102.

66. *Великое* посольство Петра I в контексте прусского церемониала // Верховная власть, элита и общество в России XIV – первой пол. XIX века. Российская монархия в контексте европейских и азиатских монархий и империй : тезисы докладов второй междунар. науч. конф. (23–25 июня 2009 г.). М., 2009. С. 39–41.

67. *Проблема* трансформации Восточной Пруссии в Калининградскую область в документальных памятниках и научных исследованиях // End of the Second World War in East Prussia: Facts and historical perception / Acta Historica Universitatis Klaipedensis. XVIII. Klaipeda, 2009. S. 71–86 (в соавт. с В. В. Сергеевым).

68. XVIII всеобщий съезд польских историков // Вестник РГУ им. И. Канта. Вып. 12: Сер. Гуманитарные науки. Калининград, 2009. С. 105–107.

69. *Эпоха Ивана Грозного* // История России : учеб. пособие / под общ. ред. А. А. Кузнецова. 2-е изд., испр. и доп. Калининград, 2009. С. 48–59.

70. *Россия на рубеже XVI–XVII вв. Смута* // Там же. С. 60–69.

71. *Россия в XVII в.* // Там же. С. 70–88.

72. *Проблемы источниковедения и историографии* : сб. науч. тр. Калининград, 2009. Вып. 5. 130 с. (отв. ред.).

2010 г.

73. *Государственный архивный фонд Московского царства (к истории архивного дела XVI–XVII вв.)* // Сословия, институты и государственная власть в России (Средние века и раннее Новое время) : сб. ст. памяти акад. Л. В. Черепнина. М., 2010. С. 92–96.

74. *Документальные публикации по истории Калининградской области* // Труды Первого Всероссийского съезда историков-регионоведов (Санкт-Петербург, 11–13 октября 2007 года) : в 3 т. СПб., 2010. Т. 3. С. 204–212.

75. *Международный научный семинар «Грюнвальд 1410 – историческая память 2010»* // Вестник РГУ им. И. Канта. Вып. 12: Сер. Гуманитарные науки. Калининград, 2010. С. 152–154.

2011 г.

76. *Историческое краеведение в Российском государственном университете им. И. Канта* // Вторые всероссийские краеведческие чтения (Москва, 26–27 мая 2008 г.). Четвертые всероссийские краеведческие чтения (Челябинск, 20–22 мая 2010 г.) / отв. ред. В. Ф. Козлов. М., 2011. С. 79–86.

77. *Большой энциклопедический словарь Калининградской области* / ред В. Н. Маслов. Калининград, 2011 (в соавт.) ; 99 статей, в том числе: Атлантический научно-исследовательский институт рыбного хозяйства и океанографии. С. 19–20 ; Атлантическое отделение Института океанологии им. П. П. Ширшова РАН. С. 20 ; «Атлантрыбфлот» НПО. С. 20 ; Биологическая (орнитологическая) станция «Рыбачий». С. 43 ; Глубоководные обитаемые аппараты. С. 79 ; Западное отделение Института земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн им. Н. В. Пушкова РАН. С. 129–130 ; Комплексная экспедиция АН СССР Калининградская. С. 183 ; «МариНПО». С. 220–221 ; «Рыбтехцентр» НПО. С. 332 ; Станция зеленого строительства Калининградская научно-исследовательская. С. 362.

78. Конференция международного проекта «Триалог» в Торуня // Вестник РГУ им. И. Канты. 2011. Вып. 12: Сер. Гуманитарные науки. С. 149–154.

79. *Die historischen und gegenwärtigen zwischen den Universitäten in Frankfurt (Oder) und Königsberg/Kaliningrad // Mobilität und regionale Vernetzung zwischen Oder und Memel: Eine europäische Landschaft neu zusammensetzen.* Berlin, 2011. S. 31–38.

2012г.

80. *Университет в Кёнигсберге.* Хроника событий и люди. 3-е изд., исп. и доп. Калининград, 2012. 130 с.

81. *История Калининградской области/Восточной Пруссии в Рунете // Между Одером и Неманом: проблемы исторической памяти : сб. науч. ст.* Калининград, 2012. С. 11–18.

82. Третья международная конференция проекта «Триалог» «Между Одером и Неманом: проблемы исторической памяти» // Вестник БФУ им. И. Канты. 2012. Вып. 12. Сер. Гуманитарные науки. С. 161–164.

83. *Военно-историческое краеведение Калининградской области на рубеже XX–XXI вв. // Шестые всероссийские краеведческие чтения (Москва – Можайск, 1–2 июня 2012 г.) / отв. ред. В.Ф. Козлов.* М., 2012. С. 570–576.

84. *К портрету С. О. Шмидта как главы научной школы // Там же.* С. 762–764.

85. *Что значит «Восточная Пруссия» для калининградцев? // Erdvių pasisavinimas Rytų Prūsijoje XX amžiuje // Acta Historica Universitatis Klaipedensis, t. XXIV Sudarytojas / ed. V. Safronovas.* Klaipėda, 2012. P. 141–152.

86. *Königsberg a Kaliningrad: problèmes de patrimoineshistorique et culturel // La Revue de la BNU. Bibliothèque nationale et universitaire de Strasbourg.* Printemps 2012 / numero 05. P. 39–45.

2014 г.

87. *Российские исследования истории Кёнигсберга и Калининградской области: основные темы и проблемы // Rocznik Elbląski.* Elbląg, 2014. T. 25. S. 165–176.

2015 г.

88. *Советский историк Г.П. Жидков // Актуальные проблемы современной гуманитаристики : сб. науч. ст. / под ред. М.Г. Шендерюк.* Калининград, 2015. С. 6–17.

89. *Литва* и литовская история в Калининградской области и в сознании современных молодых калининградцев // Россия и Балтия. Вып. 7. Памятные даты и историческая память. М., 2015. С. 331 – 336.

90. *Разработка* сетевого ресурса «Онлайн-архив региональной городской прессы советского периода» // Компьютерные технологии и математические методы в исторических исследованиях : матер. междунар. науч. конф. Калининград, 2015 (в соавт. с Е. В. Барановой, Р. Б. Кончаковым, А. П. Шевченко).

91. *Der Krieg* und Ostpreussen im Gedachtnis der Einwohner des Gebietes Kaliningrad Erinnerung an Diktatur und Krieg. Brennpunkte des kulturellen Gedächtnisses zwischen Russland und Deutschland seit 1945 // Quellen und Darstellungen zur Zeitgeschichte. Oldenburg/de Gruyter, 2015. Bd. 107. S. 125 – 133.

2016 г.

92. *Документальная* основа московских официальных церемоний в XVII веке // Honoris causa : сб. науч. ст., посвященных 70-летию профессора Виктора Владимировича Сергеева. СПб., 2016. С. 75 – 82.

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ

2017

Том 8

№ 2

Редактор *Е. Т. Иванова*. Корректор *Е. А. Алексева*
Компьютерная верстка *Г. И. Винокуровой*

Подписано в печать 23.11.2017 г.
Формат 70×100 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 13,1
Тираж 100 экз. (1-й завод 60 экз.). Заказ 297

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236022, г. Калининград, ул. Гайдара, 6

